

ISSN 0494-7304 0207-4389

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

760

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Труды по русской и славянской филологии

TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 760 ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.г.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Труды по русской и славянской филологии

ТАРТУ 1987

Редакционная коллегия: А.В.Бондарко, Э.А.Вайгла,
Д.С.Кудрявцев, И.П.Кольмоя,
М.А.Шелякин (ответственный редактор)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
(ЯВЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ)

И.Б. Долинина

Одним из интересных, но наименее разработанных в теоретическом плане объектов описания грамматического строя языка являются "обобщенные" категории, выделяемые по признаку единства формы (либо морфологической, либо синтаксической). К ним относят "формальный рефлексив", "формальный абсолютив", категорию переходности/непереходности и т.п. К категориям такого же типа можно, по-видимому, отнести, если следовать трактовке Р. Якобсона, и категории отдельных падежей /I/. Все они характеризуются тем, что соотносятся не с одним референциальным значением (принцип единства формы и содержания), а с набором разнообразных референциальных значений.¹ Благодаря этому их можно интерпретировать как категории полиреференциального типа. При описании подобных явлений предпринимаются попытки не только выявить набор частных значений, передаваемых ими, но и обсуждаются возможности сформулировать некое "общее" более абстрактное значение², характеризующее каждую из подобных категорий целиком, поскольку только его наличие позволит приписывать им статус категорий.

К числу наиболее изученных, но и наиболее сложных полиреференциальных категорий относится категория переходности/непереходности (П/Нп). Однако, хотя ее обсуждению посвящено значительное количество работ³, взгляды на ее природу остаются весьма разноречивыми: до сих пор не существует такого содержательного определения этой категории, в рамках которого можно было бы удовлетворительным образом проинтерпретиро-

¹ См., например, описание содержательной стороны рефлексивов у Э.Генишпене /2, 139/, и абсолютивов - у Б. Хьюита /3/, "залоговых" форм у И.Б. Долининой /4/ и т.д.

² Вопрос о возможностях выделения общих значений (при различиях в частных) имеет как сторонников, так и противников, см. точки зрения Р. Якобсона /1/, С.Д.Кацнельсон /5, 41/, М.М. Гухман /6, 181/.

³ См. обзоры по этой проблеме у С.А. Крилицкайте /7/.

вать все связываемые с нею эмпирические данные (круг которых, кстати, тоже не всегда однозначно определен); не существует единого мнения относительно лингвистического статуса этой категории — одни склонны считать ее преимущественно лексической, другие — лексико-грамматической, третьи — грамматической; не очевидно место этой категории среди других категорий — относится она к числу классификационных, или парадигмообразующих, а в последнем случае — находится ли в одном ряду с родственными ей частными категориями, типа залога, или лежит в иной плоскости; весьма спорен типологический статус этой категории и т.п.

Сложность интерпретации категории П/Нп объясняется рядом обстоятельств, из которых наиболее существенными являются следующие. Во-первых, в существующей практике описания под этим названием объединено по меньшей мере два разноплановых типа категорий, одну из которых, учитывая центральный способ отражения категориальных значений, можно считать лексической, а другую — синтаксической.⁴ Во-вторых, это категории разнопорядковые: лексическая является обычной частной, а синтаксическая представляет собой полиреференциальную, действие которой обусловлено набором частных категорий.

И лексическая и синтаксическая категории П/Нп имеют собственные референциальные, формальные, типологические и пр. особенности, собственный языковой и лингвистический статус. Поэтому, естественно, что ранее предпринимавшиеся попытки дать единую систему их описания не увенчались успехом. Мы полагаем, что несмотря на то, что эти категории находятся в непосредственной взаимосвязи (обе они передают специфику характера субъектно-объектно-предикатных отношений, обе ответственны за тип синтаксической структуры предложения), они должны выделяться как самостоятельные объекты лингвистического описания. Основанием для подобной точки зрения является то, что их роль в формировании содержательной и формальной стороны предложения различна. Лексическая П/Нп ответственна за передачу способа номинаций ситуаций глагольной лексики, а синтаксическая — за характер интерпретации говорящим этой номинации, т.е. за конкретный тип ее актуализации в предложении. Поясним это положение.

Лексическая категория П/Нп отражает имплицитное свойство

⁴ Вопрос о неоднородности, своеобразной двуступенчатости (лексический параметр — грамматические параметры) этой категории уже поднимался: /8/, /9/.

глагольной лексемы, связанное со способностью квалифицировать определенных образом субъектно-объектно-предикатные отношения, а именно, называть действие субъекта либо как направленное на объект определенного типа, либо как замкнутое в сфере субъекта и не выходящее за его пределы. В соответствии с этим семантическим критерием глаголы могут быть разбиты на два подкласса (разряда): переходные и непереходные. Первые нуждаются в дополнениях определенного типа,⁵ а вторые - нет.

Синтаксическая категория П/Нп тоже связана с отражением субъектно-предикатно-объектных отношений, но эти отношения отражаются под иным углом зрения: не с позиций первичного наименования ситуации посредством глагольной лексемы и набора соответствующих партиципиев с их определенной иерархизацией, позволяющей выделить субъект как центр ситуации, относительно действий которого и интерпретируется значимость всех других партиципиев, а с учетом тех конкретных актуализационных категорий (в частности, залогово-длительных) при помощи которых эти иерархические отношения в конкретных случаях осмысляются говорящим и эксплицируются сказуемым предложением, отражая интенцию высказывания. Изменение интенции может привести к изменению центра высказывания и к перераспределению значимых отношений между партиципиев.

Если сравнить предложения, образуемые одной и той же глагольной лексемой читать, но с разными интенционными параметрами: Мальчик читает книгу - Книга читается детьми с интересом - Книга читается легко - Мальчик читает, но не шлет - Читай, не читай - проку не будет - Мне не читается и т.п., то видно, что лексически переходный глагол способен образовывать не только переходные конструкции, но и широкий набор непереходных. Такое изменение синтаксической валентности глагола относительно лексических свойств его связано с изменением точки зрения на значимость отношений между участниками ситуации в каждом отдельном случае.

Изложенное выше позволяет считать, что носителем лексической категории П/Нп является глагол, глагольная лексема, как таковая, вне зависимости от ее употребления в контексте

⁵ Вопросу о том, какова специфика этого дополнения, уделяется пристальное внимание такими авторами, как Э. Бенвенист /10/, Д.С. Степанов /11/, Б.Д. Норман /12/. О.Бесперсен /13/ и др.

те, а только в силу ее внутренних характеристик.⁶ Носителем синтаксической категории П/Нп является глагольное сказуемое, т.е. глагольная словоформа в ее конкретном синтаксическом употреблении, значение которой складывается из ее лексического значения и его грамматических модификаций.⁷ Последние могут в ряде случаев приводить к изменению лексической переходности на синтаксическую непереходность и наоборот, т.е. способствуют "сдвинутым" употреблениям глагольных лексем.

Таким образом, содержательная сторона лексической категории П/Нп отражает вполне конкретную денотативно значимую референциальную область, а именно то, как глагольная лексема называет предикативные отношения в ситуации: 1) выделяются ситуации только с субъектом, и 2) ситуации с субъектом и объектом, которые, в свою очередь, подразделяются по типам объектов: только определенные типы объектов могут быть проинтерпретированы как случаи истинной переходности. Проблема классификации объектов под этим углом зрения имеет принципиальное значение для понимания природы лексической переходности /II/.

Содержательная сторона синтаксической категории П/Нп, т.е. факторы, определяющие наличие или отсутствие в конструкции соответствующего дополнения, могут определяться многими причинами. Они зависят от характера реализации ряда конкретных категорий: 1) лексической семантики глагола, включающей случаи а) первичной переходности/непереходности лексемы (читать, строить, преподавать – лежать, грустить, учительствовать) и случаи б) вторичной П/Нп, связанной с образованием каузативных, декаузативных, результативных и т.п. значений (сажать, кипятить, радоваться, возмущаться); 2) от многочисленного списка залогово-диатезных категорий, связанных с утратой прямого дополнения – пассива, рефлексива, ме-

⁶ Естественно, что между ее значением и тем контекстом, в котором она может быть употреблена, существуют определенные корреляции – контекст выявляет семантические свойства лексем, часто является их прямым носителем (например, в залоговоисходных конструкциях), к его помощи постоянно прибегают для выявления лексической семантики слов, но все-таки он является вторичным по отношению к этой семантике.

⁷ Обсуждая эволюцию категории П/Нп, А.В. Десницкая /I4/ указывает, что развитие такого грамматического явления как залог привело к тому, что глагольная переходность превращается из явления лексики в явление грамматики.

дальности, абсолютива и т.д. (Брат строит дом - Дом строится на горе - Дома строят здесь быстро - Брат решил строиться - Брат прекрасно строит);⁸ 3) от ряда других категорий (например, повелительного наклонения: Садись и пиши!; фазовости и модальности: Он кончил писать и встал из-за стола, Он не любит писать; аспектуальности: Он сидит и пишет, не мешайте ему! и т.д.).

Кроме указанных факторов непереходное употребление переходного глагола может быть связано с денотативным статусом предикатного выражения: в случае обобщенного значения у предиката, или значения "класса: (по терминологии О.Н.Селивестровой /15, 91/) возможно безобъектное употребление глаголов: Она шьет в значении "умеет шить" или "она портниха". В случаях второго типа можно говорить вообще о новом непереходном значении глагольной лексики.

Таким образом, содержательная сторона синтаксической категории П/Нп не имеет единой конкретной денотативно значимой референциальной области, поэтому обобщенная формулировка ее должна учитывать все те ограничения, которые могут быть наложены на лексическую семантику глагола актуализационными категориями. Здесь существенным является не направленность действия на объект или замкнутость его в сфере субъекта, как это было в случае лексической категории, а только способность сказуемого иметь или не иметь объект-дополнение. Попытки отразить в определении роль субъекта или подлежащего привели бы к исключению из поля зрения категории в первом случае конверсных конструкций типа: Дом строится на горе, Книга трудно читается, а во втором - безличных.

Кстати, при дифференциации лексической и синтаксической категорий П/Нп как самостоятельных, с собственными трактовками категориальных значений, находят естественную взаимосвязь такие два, казалось бы взаимоисключающих представления о ее сущности, как характеристика типа деятельности субъекта, представленная в работах Э. Бенвениста /10/, М.М.Гухман /6/ и В.С. Степанова /11/ и как способность глагола-сказуемого сочетаться с дополнением - в других /12/.

Существенным вопросом при обсуждении проблемы функционирования данных категорий является вопрос о степени их уни-

⁸ Вопрос о том, какие категории в условиях каких языков следует трактовать как собственно грамматические, а какие - как лексико-грамматические (т.е. как вторичные лексически), сейчас не обсуждается.

версальности – имеются ли они во всех языках, или есть языки, которые их не выделяют. Сюда же относится и вопрос об уровне их представленности в различных языках, т.е. в каком объеме лексическая категория охватывает глагольную лексику конкретного языка, а синтаксическая – наборы конструкций.

Остановимся на лексической П/Нп. Можно предполагать, что она представлена во всех (или по крайней мере) во многих языках, но охват ею глагольной лексики существенно варьируется – в одних языках подавляющее большинство лексем принадлежит к классу либо переходных, либо непереходных, а количество "нейтральных" лексем, способных иметь оба типа значений, невелико. В других языках картина может быть иной – только часть глаголов дифференцируется по этому признаку, а значительная часть – нет. Такое положение дел зависит в первую очередь от того, представлен ли в языках специальный формальный аппарат для дифференциации этих значений. Как показывают наблюдения, языки значительно отличаются друг от друга в этом плане.⁹ Ярким примером являются различия в выражении этой категории в современных русском и английском языках.

Сопоставление материала показывает, что у разных групп глаголов (релевантным признаком при разбиении оказался фактор исходности или производности их морфологической структуры, свидетельствующий о семантической производности лексемы) даже в рамках одного языка по-разному маркируются различия между переходными и непереходными лексемами. Рассмотрим основные группы глаголов и характер выражения у них значений П/Нп:

1. Первичные глагольные лексемы с деривационно непроемной морфологической структурой, обычно не имеют специальной маркировки для разграничения переходных и непереходных значений ни в русском, ни в английском языках: ср. читать, писать, делать, видеть – спать, сидеть, грустить.¹⁰

2. У деноминативных глаголов (т.е. глаголов, имеющих первичное глагольное значение, но производную морфологическую структуру, свидетельствующую об их транспозиционной производности), образованных как от имен, так и от прилага-

⁹ Мы исходим из данных В.В. Виноградова /16/, В.Н. Ярцевой /17/, Д. Лайонза /18/ и др.

¹⁰ По-видимому, это те случаи, которые составляют ядро глаголов, репрезентирующих по классификации Э.Бенвениста "внешнюю" и "внутреннюю" диатезы.

тельных, в русском языке имеются специальные средства, правда не регулярные, маркировки данных значений. Благодаря этому в русском языке словообразовательная структура глагола является в значительной степени показателем его принадлежности к переходному или непереходному разряду.

Показателем непереходности у деноминативов является наличие форманты -нуть (мерзнуть, киснуть), -ать (шикать, вздыхать), -еть (темнеть, белеть), -ся (смеяться, лениться), -ничать (бездельничать, лентяйничать), -ствовать (учительствовать, актерствовать).

В английском языке непереходные глаголы соответствующих типов образуются либо средствами конверсии (**to mope** киснуть - **mope** кислый, **to sigh** вздыхать - **sigh** вздох, **to laugh** смеяться - **laugh** смех), либо переогласовки основы (**to breathe** дышать - **breath** вздох). В ряде случаев могут использоваться перифрастические конструкции с глаголами **to be**, **to become**, **to get** и т.п.: **idle** ленивый - **to be idle** лениться, **timid** робкий - **to be timid** робеть.

Переходное значение (благодаря наличию каузативной семы) имеют глаголы на -ить (чернить, белить, красить). В английском языке каузативы такого типа тоже иногда имеют маркировку - **to whiten** белить, **to blacken** чернить, **to shorten** укорачивать, но в большинстве случаев они передаются иными средствами - при помощи конверсии, перифрастически (**to blue**, **to treat with blue** - подсинивать, **to clean** чистить). Семантически случаи этого типа представляют собой не просто переход от прилагательного к глаголу (от предиката свойства к предикату состояния, как в паре белый - белеть), а здесь всегда присутствует помимо простой вербализации еще один семантический элемент - каузативный. Т.е. статус предиката меняется как бы на два ранга: от состояния к действию, минуя процессное значение.

3. Глагольные лексемы со вторичным глагольным значением и имеющие семантически более простой первичный коррелят в русском языке практически всегда материально отличаются от него. Характер отличий может быть разным: употребляется другая лексическая основа, происходит переогласовка исходной основы, используется регулярная маркировка. Рассмотрим формальные механизмы образования ряда содержательных оппозиций, приводящих в транзитивации или детранзитивации лексемы:

1) Непереходной глагол - переходной каузативный глагол.
В русском языке данные семантические оппозиции представлены,

в основном, супплетивными средствами: гореть - жечь, идти - вести, болеть - ушибить, ехать - везти, есть - кормить; кроме того, используется либо переогласовка основы: сохнуть - сушить, пить - поить, сидеть - сажать, либо специальная аффиксация: кипеть - кипятить. Таким образом, какими бы средствами не маркировалась эта оппозиция, материальная форма выражения переходного и непереходного значений обязательно отличаются друг от друга. В английском языке картина принципиально иная: в большинстве случаев оба значения передаются средствами одной глагольной вокабулы: **to burn** гореть/жечь; **to dry** сохнуть/сушить; **to walk** идти/вести, **to drive** ехать/везти, **to boil** кипеть/кипятить и т.п.

В более редких случаях эти значения передаются либо разными основами **to eat** есть - **to feed** кормить, либо описательными конструкциями **to drink** пить - **to give drink** поить, либо при помощи переогласовки: **to sit** сидеть - **to seat** сажать.

2) Переходный глагол - непереходный глагол, декаузативный. В русском языке, если эта оппозиция осуществляется в рамках одной основы, непереходные глаголы имеют маркировку на -ся: жечь - жечься, сушить - сушиться, кормить - кормиться; в английском языке эти отношения либо не маркируются вообще (т.е. для обоих случаев используется одна глагольная вокабула): **to dry** сушить/сохнуть, **burn** жечь/гореть, либо могут иметь рефлексивную маркировку: **to feed oneself** питаться, **to seat oneself** усаживаться, которая очень часто является дублетной /4/.

3) Переходный глагол - непереходный, результативный, стативный. В русском языке эти отношения имеют регулярную маркировку на -ся: утешать - утешиться, сердить - сердиться, гневать - гневаться, радовать - радоваться и т.п. В английском языке данный семантический сдвиг может вообще не маркироваться: **to console** успокоить/успокоиться, или осуществляться при помощи "рефлексивной" или "пассивной" маркировки **to console oneself/to be consoled** успокоиться, **to satisfy oneself/to be satisfied** убедиться, **to enjoy oneself** развлекаться.

4) Непереходный глагол - переходный глагол со значением достижения предела. В русском языке эта оппозиция может иметь специальную маркировку - аффикс пере-: идти - перейти, плыть - переплыть, прыгнуть - перепрыгнуть, кричать - перекричать. В английском языке подобные корреляции передаются либо разными **to go** идти - **to cross** переходить, либо некото-

рыми нерегулярными лесемами: способами маркировки: **to grow** расти – **to outgrow** перерасти, иногда – послелогоми: **to jump** прыгать – **to jump over** перепрыгивать.

5) Переходный глагол – непереходный, со значением континуальности, репетитивности, характеристики и др. В русском языке эти отношения также регулярно маркируются (–ся): ругаться, кусаться, лягаться и т.п., в английском – преимущественно нет: **to kick** лягать/лягаться, **to bite** кусать/кусаться.

Из сказанного видно, что в русском языке разбиение глаголов на переходный и непереходный разряды охватывает практически всю лексику, при этом либо сама концептуальная семантика основы не допускает двузначного толкования глагольной вокабулы,¹¹ либо, если такая возможность появляется, один из членов соотнесенной пары (обычно производный по значению) оказывается маркированным.

В английском языке картина качественно иная. Разбиение глаголов на переходные и непереходные, кроме тех случаев, когда основа не допускает двойного толкования, вне контекста практически невозможно. Все типы дополнительных категориальных значений (связанных в русском языке со словообразованием, в первую очередь, каузативных и декаузативных), приводящие в русском языке к образованию новой вокабулы, в английском языке реализуются в рамках одной вокабулы. Это значит, что лексическая категория П/Нп в английском языке охватывает несравнимо меньший пласт глагольной лексики, чем в русском, и что значительная часть английской лексики способна передавать как первичные, так и вторичные значения, т.е. диффузна с точки зрения данной категории.¹²

¹¹ Исключение, по мнению ряда авторов, составляют случаи абсолютивного, т.е. безобъектного употребления переходных глаголов, которые интерпретируются как особый глагол. Мы полагаем (вслед за А.А. Потебней, который трактовал их как случаи изменения залогового значения глагола /19, 200/), что они представляют собой особый тип диатезного значений – "абсолютивный", который имеет статус грамматической модификации лексемы. В принципе же подобное употребление переходных глаголов в русском языке является единственным случаем, когда не маркирована оппозиция переходно и непереходно употребляемой основы.

¹² Проблематика, связанная с диффузностью английских глагольных лексем при выражении П/Нп, обсуждается в работе В.Н. Ярцевой.

Таким образом, уровень универсальности реализации лексической категории П/Нп с точки зрения охвата ею лексики в русском языке очень высок, в силу наличия в нем разнообразных формальных средств, служащих для дифференциации всех типов соотношенности переходных и непереходных значений, обусловленных наличием вторичных категориальных признаков — каузативно/декаузативных, результативных, предельных и т.п. В современном английском языке в силу наличия в характере его морфологии изолирующих черт, подобный формальный аппарат в нем практически отсутствует, благодаря чему лексическая категория П/Нп охватывает лишь незначительную часть глагольной лексики. Остальная масса глаголов нейтральная к этой категории — т.е. имеет оба названных значения, дифференциация которых возможна только в синтаксическом контексте. Этот факт неоднократно обсуждался в англистике.

Одним из существеннейших и наиболее дискуссионных вопросов, связанных с описанием явления переходности/непереходности и в рамках нашего подхода имеющим непосредственное отношение в лексической П/Нп, является вопрос о том, где проходит граница между переходными и непереходными глаголами и о том, каковы критерии разбиения лексем на эти разряды. В подавляющем большинстве работ этот вопрос решается не столько на основании анализа семантики глагола как таковой, сколько с учетом его синтаксического поведения, а именно того, с дополнениями какого рода он сочетается. По одним трактовкам, к переходным глаголам относятся только глаголы, управляющие дополнением в вин. падеже, то есть прямым дополнением, все остальные глаголы (и те, которые вообще не имеют дополнений, и те, которые управляют иными типами дополнений) трактуется как непереходные. Другие авторы, например, А.А.Потебня, рассматривали в качестве непереходных только те, которые не имеют дополнений, а глаголы с дополнениями (речь реально шла о случаях сильного управления) делились на прямопереходные и косвеннопереходные (косвенные падежи и предложное управление типа: бояться неприятеля, командовать солдатами, помогать матери, приучать к труду). Таким образом, безоговорочно к числу переходных глаголов относят только случаи с прямым дополнением, а к непереходным — случаи без дополнений или с факультативными дополнениями, все остальные случаи остаются предметом постоянных обсуждений. С.Д. Капнельсон, например, выделяет формальную (вин. пад.) и функциональную (случай сильного управления) переходности, подчеркивая, что форма

выражения функционально обязательных дополнений в разных языках может быть разной, и то, что в одних языках выражается косвенными падежами, в других передается винительным падежом.

Обсуждение критериев разграничения данных глаголов продолжается, и основными подходами в настоящее время можно считать следующие: 1) содержательный, связанный с попытками дифференцировать семантику самих глаголов и установить особенности содержательных связей между субъектом глагольного действия и имеющимся объектом (эта линия исследований наиболее полно представлена в работах Ю.С. Степанова) и 2) синтактико-деривационный, связанный с попытками разграничить случаи обязательных и факультативных употреблений дополнений (а, соответственно, отделить переходные глаголы от непереходных глаголов с факультативными дополнениями) на основании их роли в синтаксически производных конструкциях. Эта проблема детально обсуждается в монографии А.Блинкенберга /20/.

Таким образом, проблема разбиения класса глагольных лексем на переходные и непереходные продолжает оставаться чрезвычайно актуальной.

Перейдем к рассмотрению степени универсальности синтаксической категории П/Нп. Она отражает реализацию субъектно-объектно - предикатных отношений в предложении с учетом фактора наличия/отсутствия в конструкции того дополнения, которое квалифицируется как проявление переходной семантики глагола. Из-за спорности трактовки дополнений будут рассмотрены случаи только прямых дополнений, поскольку только они безоговорочно связываются с переходностью. Синтаксическая категория П/Нп полиреференциальна: характер конструкций обусловлен взаимодействием лексической семантики глагола, выступающего в функции сказуемого (т.е. зависит от лексической категории П/Нп) и его грамматической семантики (в первую очередь, залогово-диатезной), определяемой актуализационными категориями сказуемого.

Факт наличия или отсутствия этой категории в различных языках зависит от того, выделился ли в их синтаксическом механизме такой элемент как дополнение, отличный от других компонентов глагола, а внутри класса дополнений такой его тип, который способен соответствующим образом коррелировать с семантикой глагольной лексемы, обеспечивая механизм передачи значения "направленности действия на объект" /2/. Как полагают исследователи, например, М. Бреаль /22/, на ранних

этапах развития индоевропейских языков в них такого типа дополнений еще не существовало.

В рамках языков, развивших прямое дополнение, категория является универсальной. Вопрос о том, к каким конструкциям она приложима, не является, однако, самоочевидным. Интересно отметить такую вещь: хотя П/Нп конструкции связывается только с фактом наличия или отсутствия дополнения, а вопрос о характере подлежащего (или даже о факте его представленности) вообще не обсуждается, материалом для описания этой категории служили только конструкции с подлежащим. Бесподлежащие же (безличные и неопределенно-личные) оставались практически вне поля зрения, хотя они тоже могут иметь прямые дополнения. Мы имеем ввиду следующие случаи:

1) Производные конструкции с элиминированным подлежащим, типа: подрубано сосну, мед выбрано, яму выкопано,¹³ (т.е. случаи "субъектного имперсонала" в системе А.А. Холодовича) и с обобщенным непредставленным подлежащим: статью пишут, его не проведешь, тебя не дождешься и т.п.

2) Производные конструкции от глаголов, управляющих придаточными дополнительными (глаголы речи, мысли, чувства): Говорится, что дело мастера боится, Было же сказано, что переправа трудна, Известно, что это уравнение не имеет решения. Трактовка случаев этого типа связана в первую очередь с тем, статус какого члена предложения приписывается придаточному предложению. Если это подлежащее, то конструкции непереходны, а если дополнение (как мы полагаем), то можно ли считать их переходными.

3) Исходно-безличные конструкции: Дорогу занесло, Кости ломит, Морозит, Вечереет. Проблема здесь заключается в том, можно ли эти безличные конструкции с дополнением считать переходными, а без него — непереходными, или же эти случаи, в отличие от предыдущих, вообще выпадают из сферы рассмотрения П/Нп, так как они образованы безличными глаголами, лежащими вне лексической П/Нп ввиду отсутствия субъекта.

4) В этом же плане интересно обсуждение статуса производных безличных конструкций от личных непереходных глаголов типа (По дороге много хожено, На это уже было указано, Об этом уже было упомянуто) — можно ли конструкции этого типа, наряду с личными их аналогами, считать непереходными.

Представляется, что если конструкция образована глагола-

¹³ Примеры взяты из А.А. Потемни и А.В. Бондарко.

ми, подводимыми под лексическую категорию П/Нп (в плане наличия субъекта действия), то производные безличные конструкции входят в компетенцию синтаксической П/Нп, а если безличным лексемами – не могут. Таким образом, из сферы как лексической, так и синтаксической П/Нп выпадают и безличные глаголы и их конструкции, все остальные конструкции входят в сферу ее действия.

Различия между языками в плане реализации этой категории связаны с: а) наличием или отсутствием маркировки, различающей сказуемые в переходных и непереходных конструкциях; б) количественными и качественными различиями между ними в синтаксических парадигмах, образуемых при категориальных преобразованиях, затрагивающих семантические и синтаксические валентности глагола-сказуемого. В русском и английском языках характер реализации синтаксической П/Нп существенно различается. В силу полиреференциальности категории, оппозиция переходных и непереходных конструкций может быть обусловлена: 1) различием исходных глагольных лексем, 2) действием лексико-грамматических категорий, связанных с возникновением вторичных значений лексемы, и 3) образованием производных грамматических значений лексемы.

Наборы конструкций, обусловленных действием первого фактора (здесь не образуется соотнесенных оппозиций), будут существенно различаться в рассматриваемых языках в связи со следующим. В русском языке к переходным конструкциям относят случаи с дополнением в вин. падеже, а с другими – к косвенно-переходным; в английском языке (ввиду бедности его падежной системы) к прямопереходным относят все случаи беспредложного дополнения, и только случаи предложного (речь, естественно, идет о сильном управлении) трактуются как косвенно-переходные. В связи с этим круг глаголов, способных образовывать прямо-переходные конструкции, в английском языке значительно шире, чем в русском.

Наборы конструкций второго типа, где переходные и непереходные конструкции соотносятся друг с другом в рамках категорий каузативности/декаузативности, результативности, предельности и т.п., образуя двучленные парадигмы, также существенно разнятся в данных языках. В русском языке количество первичных глаголов, имеющих общую основу с каузативными (Ребенок сидит – Мать сажает ребенка), а, соответственно, и конструкций, которые они могут образовывать, достаточно ограничено – каузативные оппозиции передаются либо разны-

ми глаголами типа ест – кормит, либо при помощи специальных конструкций с участием вспомогательных каузативных глаголов: помогла сесть, заставила сесть, разрешила сесть. В английском же языке количество вокабул, способных образовывать данные пары весьма значительно. Благодаря этому класс производных переходных (каузативных) конструкций в английском языке значительно обширнее того же класса в русском языке. Производные непереходные конструкции с декаузативным, результативным и прочими рецессивными типами значений в равной степени представлены в обоих языках, но если в русском языке их сказуемые всегда маркированы, то в английском маркировка далеко не обязательна.

Наборы конструкций третьего типа, где различия по переходности/непереходности связаны преимущественно с залоговыми преобразованиями, в данных языках также существенно отличаются друг от друга. В английском языке обнаруживается несравнимо большее количество производных типов непереходных конструкций – пассивных трансформов, поскольку в отличие от русского, в английском пассив может быть образован не только от прямо-переходных, но практически от всех типов глаголов (*The doctor was sent for* – за доктором послали; *The house was lived in* – в доме жили). Более того, в английском языке имеется большой пласт производных конструкций, вообще не представленных в русском языке – пассивные конструкции от трехактантных глаголов, где в позицию подлежащего может переходить второе дополнение *She was given the book* – Ей дали книгу; *John was offered a cup of coffee* – Д. предложили чашку кофе). Далее английский язык характеризуется тем, что в нем невозможны, в отличие от русского, конструкции без подлежащего: *Ему было сказано...*, *Их быстро отпустили* – их русскими аналогами являются пассивные конструкции – *He was told ...*; *They were released*. Благодаря этому в английском языке образуется большее количество производных непереходных (пассивных) конструкций, а в русском – производных переходных, но бесподлежащих. Примеры расхождений можно было бы продолжить.

Итак, хотя синтаксическая категория П/Нп широко представлена в обоих языках, характер ее проявления различен. В английском языке имеется большее разнообразие исходных переходных конструкций (за счет большего количества глаголов с "немаркированным дополнением") и производных непереходных (за счет того, что пассивные конструкции могут образовывать

почти все глагольные лексемы). В русском языке представлен значительный класс производных непереходных конструкций (за счет безличных). Кроме того, оппозиция соотнесенных переходных и непереходных конструкций в русском языке практически всегда (кроме случаев абсолютива) маркирована в сказуемом, а в английском языке имеется огромное количество немаркированных оппозиций (некаузатив – каузатив; актив – средний залог; актив – рефлексивный залог; актив – абсолютив; какзатив – результатив и т.д.).

Подытожим выводы, касающиеся лингвистического статуса явление переходности/непереходности. Было показано, что оно покрывает два типа качественно разных категорий – лексическую и синтаксическую. Первая представляет собой частную категорию классификационного типа, объектом классификации которой является глагол. Содержательная сторона передает характер субъектной ориентированности действия в ситуации, называемой глаголом. Формой выражения является либо имплицитное значение лексемы, либо специальная маркировка. Результатом функционирования категории является выделение в классе глаголов подклассов переходных и непереходных глаголов. При возможности двузначного толкования лексемы без наличия маркировки выделяется еще подкласс диффузных глаголов. Вне сферы компетенции категории остаются безличные глаголы – они не подпадают под ее действие по определению (фактор субъектной ориентированности).

Синтаксическая категория П/Нп представляет собой полиреференциальную категорию, обусловленную взаимодействием лексических и грамматических факторов. Объектом ее приложения являются синтаксические конструкции, репрезентируемые сказуемым, т.е. грамматически актуализированной формой глагола. Обобщенное значение категории – характер объектной ориентированности действия. Конкретно-референциальные значения конструкций зависят от типа частных категорий, реализуемых в них. Формой выражения категории является маркировка сказуемого и наличие прямого дополнения. Категория разбивает все конструкции языка (кроме, по-видимому, случаев образуемых безличными глаголами) на переходные и непереходные.

Принципиально важным представляется вопрос о допустимости трактовать все явление П/Нп как некую единую "метаобобщенную" категорию. По-видимому, такая возможность теоретически не исключена и упирается в выделение уровня абстрактно-

сти формулировки категориального значения и категориальной формы. Если, например, представить содержательную сторону такой категории как "характер отражения субъектно-объектно-предикатных отношений", а формальную - "как способ номинации этих отношений языковыми единицами" (лексемами, предложениями), то допустимо говорить о наличии единой категории Ц/Нп.

Литература

1. Якобсон Р. К общему учению о падеже. - В кн.: Избранные работы. М., 1985, с. 133-175.
2. Геншине Э. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983.
3. Hewitt B.G. "Antipassive" and "labile" constructions in North Caucasian. - *General Ling.* v. 22 n+, 19 Pennsylvania Univ. Press, 158 - 171.
4. Долянина И.Б. Маркировка субъектно-объектных отношений у валентностных категорий английского глагола. - В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982, с. 65-100.
5. Капнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
6. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
7. Криницкайте С.А. Проблемы переходности в исследованиях по индоевропейским языкам. - В кн.: Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.
8. Babby L., Brecht R.D. The Syntax of Voice in Russian. *Language*, v. 51, N 2, 1975, 342 - 367.
9. Криницкайте С.А. Классификация глагольных оппозиций по переходности/непереходности в литовском языке. - В кн.: Проблемы синтаксиса и структуры слова. М., 1979.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 184-191.
11. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность (балто-славянские проблема II). Изв. АН СССР серия Л Яз.; т. 36, № 2. 1977, с. 135-152.
12. Норман Б.Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972, с. 4-21.
13. Jespersen O. A Modern English Grammar, p. III. L., 1928, p. 229.

14. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984, с. 124-138.
15. Семантические типы предикатов. М., 1982.
16. Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л., 1974, с. 641.
17. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.-Л., 1961, с. 176 и сл.
18. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 371 и сл.
19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. IY, 1941.
20. Blinkenberg A. Le probleme de la transitive en français moderne. København, 1960.
21. Ярцева В.Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов. - В кн.: Члены предложения в языках разных типов. Л., 1972, с. 4-19.
22. Breal M. Semantics. Studies in the science of meaning. N.Y., 1964, p. 189.

О МЕЖУРОВНЕВЫХ СВЯЗЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ КРАТНО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

И. П. Кольцова

Для выражения различных понятийных категорий, различных смыслов язык при функционировании выбирает средства разных уровней – лексические, морфологические, синтаксические, – которые находятся в определенной связи, взаимодействуют друг с другом. По определению А. В. Бондарко, в задачи функциональной грамматики входит "изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания" /1, с. 5/.

В данной работе представлена попытка подобного подхода к изучению средств передачи значения повторяемости эпизода в одной из специфических структур русского синтаксиса – кратко-соотносительной конструкции, впервые ставшей объектом внимания в исследовании Д. С. Маслова /2, с. 81–92. 104–110/. В семантическом плане кратко-соотносительная конструкция (в дальнейшем – КСК) представляет собой эпизод, состоящий из нескольких взаимосвязанных действий, повторяющийся неограниченное количество раз: Бывало, купит "Петербургскую газету" и прочтет от доски до доски описание балов, раутов и благотворительных базаров (А. Н. Толстой). Значение повторяемости такого эпизода передается при помощи сложной разветвленной системы средств, начиная с лексико-семантических, синтаксических, морфологических и других, обычных для русского языка, и кончая специфическими, присущими только КСК, случаями взаимодействия различных элементов.

Под повторяемостью мы будем понимать "воспроизведение того, что перед этим было прервано или прекращено, что исчезло, а затем возникло вновь" в том же виде и "начало свое повторное движение в том же порядке" /3, с. 4/. Существенными признаками повторяемости являются дискретность, прерывность процесса и возвращение к исходному пункту, т. е. воспроизведение в той или иной форме того, что уже было пройдено ранее (там же).

В КСК мы имеем дело с простой повторяемостью (на одной ступени развития), когда повторяется одно и то же явление таким же, каким оно протекало уже раньше. Для этого необходимо воспроизведение соответствующих условий, при которых данное явление (событие) совершалось и прежде (там же, с. 6). Необходимым условием повторения события (эпизода), отраженного в КСК, является наличие в нем как минимум двух соотносящихся между собой действий. Повторяется именно такое соотношение двух (или более) действий. По меткому замечанию Ю.С. Маслова, "кратность здесь как бы вынесена за скобку", оба действия являются кратными, но не каждое действие само по себе, а оба действия в строгой взаимной последовательности и связи друг с другом, в "паре", в "цикле" /2, с. 82/. В ряде случаев такое "вынесение повторяемости за скобку" подтверждается и формально, например, при наличии каких-либо лексических показателей повторяемости, относящихся не к одному из действий, а к эпизоду в целом: Меня Янус не жаловал; Бывало, лишь я только подойду к нему — он тотчас окрисится и проворчит хрипло: "Чужак! Не приставай!" (И. Тургенев).

Однако в основном значении повторяемости в КСК создается видо-временными формами глаголов и не нуждается в поддержке лексических средств. Это могут быть различные временные формы несовершенного вида (НСВ) в неограниченно-кратном значении: Максим когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу (В. Шукшин); Он затаскивал ее на глубину и там бросал, преграждая путь к берегу (Ю. Нагибин). Но глаголы НСВ передают значение повторяемости и в других типах контекста и не являются специфическим средством передачи данного значения в КСК.

Характерные особенности КСК проявляются в тех случаях, когда одно из действий выражено глаголом совершенного вида (СВ). Именно такие КСК обладают специфическими средствами передачи значения повторяемости. Некоторые авторы, касаясь особенностей употребления СВ в т.н. наглядно-примерном значении (реализуемому в КСК), считают, что значение повторяемости эпизода создается здесь контекстом, под которым имеются в виду в основном лексические средства /4, с. 59; 5, с. 60; 6, с. 132; 7, с. 193 и др./. Однако в большинстве случаев имеющиеся лексические показатели повторяемости (часто, иногда, порой, всякий раз и др.) в КСК могут быть опущены и конструкция от этого не разрушается, значение повторяемости эпизода сохраняется: На улицах было почти везде гряз-

но, хотя дождь прошел еще вчера вечером. Дрожки только изредка продробезжат по каменной настилке и опять вязнут в липкой грязи на немощных улицах (Ф. Сологуб). Ср.: Только дрожки продробезжат... — утрачивается лишь указание на частотность повторения эпизода, само значение кратности остается. Наконец, имеется ряд примеров КСК, в которых отсутствуют лексические или содержащиеся в более широком контексте указания на повторяемость события, тем не менее, эпизод воспринимается нами как повторяющийся: Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! (Н. Гоголь); Самый разгар полки был, а он придет и два часа речь держит (Г. Троепольский). Итак, специальные лексические или контекстуальные показатели повторяемости в таких КСК факультативны, кратность эпизода может передаваться и без них.

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что повторяемость передается только глаголом СВ. Сам по себе глагол СВ не передает значение повторяемости, более того, в КСК он не может быть употреблен сам по себе, без наличия второго глагола, хотя бы неполнозначного (связки). И.В. Киреевский писал: "Вы не можете сказать: бывало, я подойду к его двери, и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым подойду будет взаимно относиться: я подойду, он отворит и тому подобное" /8, с. 106/. (Частица бывало здесь лишь уточняет, детализирует значение повторяемости, внося оттенок узуальности в отдаленном прошлом). Обязательное наличие второго глагола после формы СВ объясняется тем, что в данном типе контекста проявляется такой частный функционально-синтаксический признак СВ как секвентность — свойство выражать "связь с предидущим и последующим действием", содержать "указание на осуществленную смену ситуаций" /9, с. 97/ (в нашем случае — действий). Последующее действие, связанное с глаголом совершенного вида, может выражаться различными временными формами, как СВ, так и НСВ, а также формами сослагательного и повелительного наклонений (последние — во внешнеимперативном значении). Таким образом, при наличии хотя бы одного глагола СВ передача общего, инвариантного значения повторяемости в КСК осуществляется сочетанием формы СВ будущего-настоящего (реже — прошедшего) времени с какой-либо другой глагольной формой: Везли (чумаки — И.К.) не спеша: верст десять отъедут и заночуют; разложат костры

из сухого навоза, сидят вокруг, поджав по-турецки ноги, глядят на огонь, курят трубки (А.Н. Толстой).

Лишь КСК, в которых все соотносительные действия передаются формами СВ будущего-настоящего, иногда допускают двоякое понимание эпизода - как повторяющегося вне конкретной временной локализации или же как единичного, относящегося к временному плану будущего: Кончив молитву, бабушка молча разденется, аккуратно сложит одежду на сундук и подойдет к постели, а я приворжусь, что крепко уснул (М. Горький); На стеклах плавали слезы и белели недолговечные снежинки. Снежинка упадет на стекло, взглянет на дьячиху и растает (А. Чехов). Исключение деепричастного оборота из первого примера и первого предложения из второго позволяет рассматривать ситуации как единичные, связанные с временным планом будущего. Подобному пониманию эпизода способствует прямой порядок слов. При инверсии, когда на первое место выносятся название действия (что обусловлено действующими и в КСК закономерностями разговорной речи, когда на первое место ставится рема высказывания /IО, с. 146/), вероятность двоякого понимания меньше: Прибежит, забрешет собачка, и на голос выглянет из-за угла девица или бабенка, такая лукавая! (А.Н. Толстой); Заселт как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя (Н. Гоголь). Во избежание подобной омонимии в КСК с формами только СВ будущего-настоящего обычно употребляются различные контекстуальные средства, поясняющие ситуацию или хотя бы косвенно указывающие на многократность эпизода. Контекстуальные средства включают не только лексические показатели, "речь идет о выделении грамматически значимого в контексте, о грамматически значимом контексте. Важно подчеркнуть, что грамматически значимыми могут быть как грамматические, так и лексические элементы контекста" /II, с. 16/. Существенным является все, оказывающее влияние на функционирование морфологических категорий, взаимодействующее с ними и модифицирующее их. В качестве таких средств для указанных КСК могут выступать, как отмечалось выше, порядок слов, а также повтор глаголов: Идет и на ходу глядит в какую-то бумагу. Поглядит-поглядит - остановится (С. Антонов).

В тех случаях, когда СВ будущее-настоящее сочетается с формами НСВ, ситуация всегда понимается однозначно - как повторяющаяся: Провоет снаряд или бомба неподалеку ухнет, а они (старухи-вьетнамки - И.К.) даже голов не поднимают

(Е. Евтушенко); Как представлю себе Париж, так какая-то судорога проходит во мне и не могу влезть в дверь (М. Булгаков); А уж если про охоту начнет, то с таким упоением плетет свою складную, забавную небывальщину, что без смеха слушать невозможно (Г. Троепольский). В связи с двумя последними примерами необходимо отметить, что в литературе встречаются утверждения о том, что союзы когда, если и др. выражают повторяемость действия /I2, с. I4; I3, с. I2I; I4, с. 52-55 и др./ . С этим трудно согласиться, так как те же союзы могут выступать в самых разных построениях, передающих единичное событие. Союзы когда, если, как, как только и т.п. создают условное или условно-временное значение, лишь модифицируя, уточняя значение повторяемости, указывая на связь воспроизведения действия с определенными условиями, но не обозначают повторяемость. Лингвистический эксперимент также показывает, что союз может быть опущен без ущерба для передачи значения повторяемости эпизода: А уж про охоту начнет, то/так..., Представлю себе Париж, (так) какая-то... В то же время опустить второй глагол в конструкции невозможно.

Факт передачи значения повторяемости сочетанием видо-временных форм глагола подтверждается также наличием КСК, содержащих только глаголы, предшествующий контекст лишь поясняет ситуацию, вводит в нее, однако кратность передается видо-временным соотношением глаголов: Так-то, батюшка: скажешь - не воротись (И. Тургенев); Одно и то же место в тройки продают. Заберут задатки и пьянствуют (Д. Мамин-Сибиряк); Все понимают. А спросишь - ответить толком не умеют (В. Шукшин).

В этих видо-временных соотношениях глаголов обычная для них форма СВ будущего-настоящего времени выступает в одном из своих временных значений - неактуального настоящего (в контексте прошедшего оно воспринимается как историческое неактуальное настоящее). Таким образом, видо-временная форма СВ в сочетании с другими формами глаголов обеспечивает в КСК выражение семантико-синтаксического содержания конструкции и вызвана ее функциональным назначением.

Видовые формы глаголов, выражающие общее значение повторяемости, взаимодействуют с различными элементами контекста, которые модифицируют это значение, придавая ему различный характер и создавая тем самым разные типы повторяемости.

В лингвистической литературе при анализе семантических типов повторяемости в качестве наиболее существенного при-

знака называют степень нелокализованности действия во времени и выделяют конкретную, узуальную и обобщенную повторяемость /15, с. 9-10; 16, с. 7/. Наименьшей степенью нелокализованности характеризуется конкретная повторяемость действия, процесс повторения эпизода в таких КСК относится к ограниченному отрезку времени, в основном укладывающемуся в рамки непосредственного наблюдения. Правда, для этого отрезка времени эпизод является типичным, повторяющимся неограниченное количество раз: Совсем под утро я попытался заснуть и до сих пор помню это утро. Только что закрыл глаза, как ко мне наклоняется лицо в очках и бубнит: "Возьми", а я повторяю только одно: "Нет, не возьму" (М. Булгаков). Данный тип повторяемости создается и при помощи союза ТО...ТО: Быстрые перемены в лице — то оно как будто завянет, то вдруг оживится и осветится (А. Островский); Мужики толпятся на улице в праздничных кафтанах, кричат, поют песни... то вдруг замолкнут, то вдруг сильней и громче пробежит говор по пьяной толпе (М. Лермонтов).

Узуальный тип повторяемости является самым продуктивным в КСК. Узуальная повторяемость характеризуется более высокой степенью нелокализованности во времени, эпизод выходит за рамки непосредственного наблюдения, приобретая статус закономерности, типичности. Средства, обычно используемые для выражения узуальной повторяемости, в КСК имеют свои особенности. Наречия со значением повторяемости могут здесь сочетаться с глагольными формами СВ. Повторяемость, выраженная видовыми формами глаголов, становится узуальной благодаря ряду лексических средств: наречий всегда, обычно, обыкновенно; сочетаний так всегда, каждый раз, всякий раз; глагола любить в сочетании с инфинитивом, частицы бывало или глагола бывать. При этом частица бывало придает узуальной повторяемости события еще и значение относительной нелокализованности в прошлом, план абстрактного настоящего и будущего для эпизода с данным лексическим показателем исключен: Всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои шетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что кажется, унес бы ноги бог знает куда (Н. Гоголь). Другие показатели узуальной повторяемости не накладывают каких-либо ограничений: Всегда так: проводишь кого-нибудь, и сам в мыслях помчишься куда-то к своим берегам (Л. Лихоносов); Обычно люди их круга, потерпев крушение, находят множество причин, чтобы объяснить поражение, но никогда не винили себя (И. Герасимов).

Значение типичности эпизода может выражаться и при помощи указательно-обобщенных слов человек, наш брат и т.п.: Наш брат бьется как рыба об лед из-за куска хлеба, а им все достается даром (И. Тургенев). Наконец, узуальный характер повторяющегося события может раскрываться и при участии союзов ЛИ...ЛИ, ЛИ...ИЛИ: Взойдет ли утро, ночи ль тень На усны холмы ляжет, Ему красotka "добрый день" И "добру ночь" приветно скажет (Е. Баратынский).

Обобщенный тип повторяемости эпизода в КСК создается за счет двух факторов: абстрактного, обобщенного субъекта и максимальной, абсолютной нелокализованности во времени. Обобщенность субъекта передается указательно-обобщенными словами типа: люди, такие женщины, черкесы и др. Отличие их от подобных слов, передающих значение узуальной повторяемости, заключается в большей абстрактности субъекта, степень которой может быть различной - включать некоторую ограниченную группу лиц или относиться ко всем лицам вообще: Да вот хоть черкесы... как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла потеха. (М. Лермонтов); Люди, когда страдают, обыкновенно покорны (М. Лермонтов). К подобным словам семантически близки местоимения, создающие значение обобщенной повторяемости в местоименно-относительных предложениях с ориентированной анафорической связью: Выражается сильно российский народ! если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света (Н. Гоголь). Указание на неограниченную повторяемость эпизода, ставшего характерным, всеобщим для определенного круга лиц, может выражаться при помощи слов привычка, обычай, заведение и т.п. На свете уж таков обычай, что лишь только сын дорастет до того, что сам может иметь сына, так и начинает ругать отца (Н. Помяловский).

Характерным средством выражения обобщенной повторяемости, совмещающим значение обобщенности субъекта со значением временной нелокализованности, являются глагольные формы в обобщенно-личном употреблении, среди которых центральная - форма 2-го лица единственного числа: Скажешь себе слово под руку, да и сам не обрадуешься (Н. Лесков). Достаточно частотной является и форма 2-го лица ед.ч. повелительного наклонения во внешнеимперативном употреблении: Сколько ты ни стучись природе в дверь, не отзовется она понятным словом, потому что она немая (И. Тургенев).

В пословицах и поговорках, многие из которых представляют собой КСК, повторяемость достигает наивысшей степени общности: Час побережешься – век проживешь (В. Даль); Сколько ни думай, а лучше хлеба–соли не придумаешь (В. Даль).

Применяя к КСК семантическую классификацию типов повторяемости Г.И. Пановой /16/, можно отметить наличие связи и взаимодействия средств разных уровней языка и на примере повторяемости характеризованного типа, когда имеется указание на регулярность или нерегулярность действия. Регулярно повторяющийся эпизод воспроизводится через равные промежутки времени, нерегулярно – через неравные. Регулярность повторения эпизода выражается лексемами и их сочетаниями каждый день (вечер, год), всякую ночь, утром, по праздникам и др.: Оба друга сходились каждый вечер в сад и просиживали до ночи в беседе, изливая друг перед другом свои чувства и мысли (Ф. Достоевский); Как только настало утро, пение дверей раздавалось по всему дому (Н. Гоголь).

Значение нерегулярной повторяемости, передающееся при помощи лексических показателей типа изредка, часто, порой, иногда, иной раз, нередко, сопровождается указанием на ту или иную частотность эпизода: Изредка вдаль зачернеет кибитка, разбитая калмыками–табунщиками, да пройдет косяк степных лошадей (А. Серафимович); Он часто в сечах роковых Подъемлет саблю, и с размаха Недвижим остается вдруг, глядит с безумием вокруг... (А. Пушкин).

Значение дистрибутивной повторяемости, при которой каждый акт повторения события относится к отдельному субъекту, объекту или месту осуществления /там же, с. 15/, создается специфическими синтаксическими структурами – уступительными предложениями, оформленными местоимениями в сочетании с частицами БЫ и НИ, а также предложениями с местоименно–относительной (анафорической) связью частей. Каждый акт повторяющегося эпизода относится к разным субъектам: В какое бы время кто бы ни позвонил в Варьете, всегда слышался в трубке мягкий, но грустный голос (М. Булгаков); к разным объектам: У него ничего не клеилось, что бы он ни предпринимал (К. Федин); к разным местам осуществления: И куда, на какую чужбину ни закинь судьба русского человека, хоть в самые теплые заморские края, где и зимы не бывает, а все холодно и неуютно на душе без тебя, береза (Ф. Абрамов).

Таким образом, можно утверждать, что значение повторяемости в различных модификациях выражается всей структурой

КСЖ - как синтаксической и видо-временного соотношения, так и лексической, в чем и проявляются межуровневные связи функционирования языка.

Литература

- I. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, 1984. - 136 с.
2. Маслов Ю.С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. - Вопросы славянского языкознания. Вып. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 68-138.
3. Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. - М.: Госполитиздат, 1961. - 147 с.
4. Ломов А.М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. - Вопросы языкознания, 1975, № 6, с. 55-64.
5. Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. - Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 259. Abh. 1. Wien, 1968. - 253 S.
6. Barnetová V. K násobenosti slovesného deje. - Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. - Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd, 1956, s. 119 - 161.
7. Forsyth J. A Grammar of Aspect. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. - 386 p.
8. Киреевский И.В. Письмо к К.С. Аксакову. - Полн. собр. соч.: В 2-х т. М., 1861, т. I, с. 105-106.
9. Гуревич В.В. О значении глагольного вида в русском языке. - Русский язык в школе, 1971, № 5, с. 73-79.
10. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. - М.: Русский язык, 1979. - 240 с.
- II. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. - В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. - Л.: ЛПИ, 1973, с. 5-29.

- I2. Рошина Л.М. Способы выражения повторяемости действия в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ташкент, 1977. - 24 с.
- I3. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. - М.: Наука, 1983. - 238 с.
- I4. Steube A. Temporale Bedeutung im Deutschen. - Berlin: Akademie-Verlag, 1980. - 219 S.
- I5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 360 с.
- I6. Панова Г.И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1979. - 22 с.

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА НАКЛОНЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ НАКЛОНЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Луценко

1. Постановка вопроса. Анализ грамматической литературы по наклонению позволяет убедиться главным образом в следующем:

1а) в отсутствии единообразия уже в самых общих определениях этой категории ("определений наклонений примерно столько же, сколько авторов трудов по этому вопросу" /1/); наклонение определяется как: а) отношение действия к действительности (реальности); б) отношение субъекта (говорящего) к действию; в) выражение зависимости или независимости действия от внешних условий и т.д.;

1б) в неполноте этих определений, смещении в них различных принципов, оснований, материала; результатом этого выступают попытки пересмотреть количество и/или статус отдельных, в том числе основных элементов наклонения (индикатива, императива, кондиционала¹), нередко заканчивающиеся выводом о несамостоятельном (кондиционал объединяют с индикативом) или неморфологическом, синтаксическом — "предложенческом" или "текстовом" характере какого-либо из этих элементов;

1в) в количественной и качественной несоотнесенности и/или ограниченности частных определений наклонений; из последнего проистекает невозможность объяснить, как функционально видоизменяется структура формы одного наклонения, реализующей функцию формы другого наклонения, например, формы императива, выступающей или в функции изъявительного, или в функции формы сослагательного наклонения, что в русском языке является обычным (ср. ниже).

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть грамматическую структуру наклонений русского глагола и на этой основе сформулировать ряд положений о характере взаимоотношения (главным образом — механизме модальных

¹ Термин "кондиционал" в настоящей статье используется как краткий синоним термина "сослагательное наклонение".

транспозиций) между различными формами наклонений в речи, т.е. показать, как структурные взаимоотношения наклонений выявляют себя в употреблении соответствующих форм. Конкретно речь идет о том, чтобы установить смысловые элементы, участвующие, с одной стороны, в создании структуры грамматического значения какой-либо формы наклонения и категории наклонения в целом², с другой - в перераспределении уровней смысловой и синтаксической иерархии в синтагматике. Из последнего в какой-то мере следует, что взаимозаменяемость форм наклонений (перекрещивание значений наклонений) может быть использована в качестве критерия при определении или доказательстве системного характера того или иного наклонения: если определенная семантическая позиция представлена одним типом употребления, одним средством выражения, она представляет собой вторичное употребление (собственно, транспозицию) какой-либо формы, если несколькими - самостоятельный элемент грамматической структуры. Отсюда следует, что раскрытие механизма различных транспозиций форм наклонений дает ключ к пониманию структуры категории наклонения вообще.

2. Определение наклонения. Нельзя согласиться с отождествлением функции наклонения с основной функцией модальности - представлять реальность или нереальность сообщаемого в предложении (Ia, a). Поступать так - значит признавать и/или вольно или невольно продвигать в теории тезис о содержательном параллелизме категорий на синтаксическом и морфологическом уровнях, что в настоящее время едва ли приемлемо. С другой стороны, признавая конструктивно-созидающую силу (центральную роль) глагола в предложении /3, с. 84/, следует признать и то, что

2а) модальность в преобразованном ("снятом") виде воспроизводит одну из содержательно-смысловых конфигураций глагола - конфигурацию, составляющую семантико-смысловое существо категории наклонения; и что

2б) оппозиция наклонений соответствует некое более сложное и тонкое смысловое отношение в семантической структуре глагола, чем реальность/ирреальность.

Определяя наклонение, очевидно, следует исходить из того, что зашифрованная в глаголе структура грамматического значения наклонения не только коррелятивна (изоморфна) структуре

² Коль скоро транспозиции выявляют, что "семантические признаки разных наклонений перекрещиваются" /2, с. 90/, в смысловой структуре последних есть общие элементы.

предложения, но и раскрывается в ней³. Как и в предложении, в морфологической форме наклонения осуществляется сопоставление статусов (ролей) субъектов (S_1 и S_2) с точки зрения их отношения к действию или состоянию. Изначальным является отношение "между субъектом активным и субъектом пассивным" /5/; причем только вторично представление о пассивном субъекте (S_2) закономерным образом совместилось с представлением об объекте ($s \rightleftharpoons 0$) /6/. На роль средства связи между субъектами (или субъектом и объектом) — онтологически, соотв., гносеологически, — исходя из сказанного, могут выдвигаться: в структуре предложения — предикат /5/, в структуре глагола — действие (Р). На наш взгляд, однако, указанные понятия (S_1, S_2, P) следует рассматривать только как элементы и/или (в предложении) корреляты семантической структуры наклонения. Сущность же наклонения образует порядок следования (тип соотношения) этих элементов: формы разных наклонений отличаются друг от друга расположением и иерархией таких элементов⁴. В основе бытующих теорий происхождения наклонений (ср. возведение императива к оптативу) не случайно лежит эта же или очень близкая к ней идея, ибо "... как бы высоко ни поднималась мысль, корни ее лежат в менее сложных представлениях предшествующего периода" /7/.

Итак, наклонение предварительно может быть определено как выражение различных, взаимоопределяющих, позиций (ролей) субъекта по отношению к действию, указание на характер участия/неучастия субъекта в действии как тип отношения с другим субъектом. В определенной форме наклонения, по-видимому, выражается не только иерархия (порядок следования), но и определенный способ связи соответствующих представлений: если в смысловой структуре наклонения действие "предшествует" субъекту или предизируемый действием субъект обозначен (коннотирован) как недейтель, соответствующая форма наклонения по типу семантики будет ирреальной; если же действие "следует" за субъектом, а сам он интерпретирован в смысловой структуре наклонения как деятель, соответствующая форма на-

³ С учетом того, что с позиции теории предикативности наклонение в иерархии глагольных категорий занимает верхнее положение /4/.

⁴ В основу рассуждений в статье положены предпосылки, имеющие определенную традицию в лингвистике, однако, по-видимому, не безусловные; там, где читателю недостаточно данных, чтобы принимать тот или иной тезис как бесспорный, автор не против оценки выдвигаемых им положений как гипотез.

клонения по семантике будет реальной.

3. Структурные элементы наклонения (императив, индикатив, кондиционал). Структурные элементы наклонения устанавливаются прежде всего на основе их формальной самостоятельности, а также не только на основе их индивидуализированного (автономного) смысла, что вместе с формальным критерием вполне соответствует традиции рассмотрения этих элементов, но и на основе их взаимных смысловых пересечений. Традиционно устанавливаемый список наклонений в русском языке (повелительное, изъявительное, сослагательное наклонение) отвечает и данному (последнему) критерию. Воспользуемся этим, чтобы отказаться здесь от специального обсуждения того, насколько полон или обоснован этот список, — вопроса заведомо сложного и громоздкого. Попробуем в первую очередь определить указанные традиционные элементы наклонения, ориентируясь на принцип различной иерархии в их структуре элементов S_1, S_2 и P.

Каждый отдельный тип взаимоотношения, или соотношения, указанных элементов образуется, с одной стороны, иерархией и порядком их следования в структуре, с другой — их конкретной ролью в данном соотношении. В пределах таких соотношений могут быть выделены: I — исходный, II — связующий и III — относительный (ориентационный, целевой) элементы структуры. Важно учитывать при этом, что в иерархически организованных построениях наличие одного (главного) элемента коннотируется наличием другого (зависимого); отсюда как вполне закономерное явление выступает редукция (ощущение) главного элемента; ср. преобразование двучленных синтагм столовая комната, шампанское вино соотв. в столовая и шампанское. Исходный элемент (I), отражая в системе коммуникативное назначение формы, а в предложении направление и цель общения, в смысловой иерархии наклонения тем не менее является самым зависимым; связующий элемент (II) занимает как бы вершину иерархии (стоит над I и III и устанавливаемым между ними отношением), относительный, или ориентационный, элемент (III) является главным по отношению к исходному и зависимым по отношению к связующему элементу. В рассматриваемых смысловых синтагмах, таким образом, может и/или должен редуцироваться прежде всего связующий элемент. Отмеченные особенности отражаются в структуре грамматического значения и обнаруживаются в функционировании форм наклонения русского глагола.

Обратимся к исходным, т.е. самым общим, характеристикам

отдельных наклонений.

3а) Императив. По своей смысловой структуре императив представляет собой наиболее прозрачный и потому наиболее полно охарактеризованный - относительно сформулированных выше принципов и понятий - структурный элемент категории наклонения. В нем, согласно Н.П. Некрасову, "в соединении действия с предметом выражается воля лица говорящего" /8, с. 113/. Говорящий при этом "распоряжается действием" - выступает в роли посредника, который в каждом отдельном случае определяет, "что то или другое действие должно относиться, почему-либо, к тому или другому лицу" /8, с. 105/. Примерно такую же характеристику повелительных форм находим и у А.А. Шахматова /9/. В императиве, следовательно, функция I отдана действию (P), функцию относительного элемента (III) выполняет адресат, являющийся к тому же в императивном отношении лицом зависимым и пассивным (s_2); функции s_1 и II принимает на себя говорящий (I-е лицо). Этот элемент структуры императива, являясь в ней связующим, в соответствии с указанным выше, остается необозначенным (предполагаемым, коннотируемым - как бы редуцированным).

Итак, если исходить из общей формулы-схемы $\frac{II}{I-III}$, в которой римскими цифрами обозначены соответствующие (охарактеризованные выше) функции, то смысловая структура императива может иметь следующий вид:

$$\frac{S_1}{P - S_2} \cdot$$

Заметим также, что характером связи между элементами в структуре императива предполагается возможность перехода от обозначения к коннотации и функции s_2 (да здравствует труд!; тс!; тыше!; дой!; водн! и т.п.); тем самым, однако, устраняется формальное единство рассматриваемого наклонения, в отмеченных и других случаях следовало бы говорить не об императиве, а об императивности.

3б) Индикатив. В индикативе устанавливается связь между субъектом и действием посредством их отнесения к объекту. Отличие от императива касается не только порядка указанных элементов (s_1 , s_2 , P), но и "внутреннего" распределения субъектных значений. Связующим элементом в смысловой структуре индикатива выступает другой, противоположный исходному субъект, которым может быть и говорящий, являющийся в индикативе, по словам Н.П. Некрасова, "не посредником между дей-

ствием и лицом вообще, а простым наблюдателем" /8, с. 106/⁵. Поскольку роль (независимого, активного действующего лица), в индикативе отдана субъекту действия, в предложении субъект-наблюдатель коннотируется посредством указания на объект. Залоговые различия не влияют на тип отношения, характер семантической структуры индикатива. "... Названный другой субъект при страдательном глаголе, - отмечает А.А. Потебня, - ... есть лишь вид грамматического объекта, а настоящим действователем представляется и здесь первый и, по нашему, единственный субъект". И далее: "Конечно, такая самостоятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна, но она действительна в грамматическом смысле, как способ изображения" /3, с. 101/. Поскольку предписующим субъектом в изъявительном наклонении выступает наблюдатель, "основные функции его форм воспринимаются в конкретизированно-суженном смысле, а именно в смысле констатации действия..., которое - в момент говорения - представляется как реальное..." /10, с. 186/.

Смысловая структура индикатива, таким образом, может быть представлена формулой-схемой

$$\frac{-S_2}{S_1 - P}$$

Исходя из сказанного о смысловой структуре изъявительного наклонения, относительно транзитивности-интранзитивности индикативный глагол можно охарактеризовать как изначально транзитивный (трехэлементный по смысловой структуре), а интранзитивность толковать, что практически и делается, как результат того, что "минимальная трехчленная структура редуцируется в минимальную двучленную" /II/. В индикативе, следовательно, может быть редуцировано в первую очередь (понятно и формально) обозначение второго субъекта (объекта). Соответственно, не личная, но субъектная форма⁶ может стать личной (включиться в парадигму индикатива), что и произошло, как известно, с причастиями на -д (писал, читал). Предел между индикативом и индикативностью (наклонением и соотв. модальностью), как и в ряде случаев с императивом (води!,

⁵ В болгарском эта функция говорящего в индикативе подчеркивается наличием так называемого пересказывательного наклонения.

⁶ С выражением субъектности, но не непосредственно с сигнализацией личных значений, связана категория рода.

скальпель! и т.п. - ср. /3, с. 87-88/), устанавливается редукцией глагольного элемента. В частности, в так называемых номинативных предложениях (Утро; Зима, и т.д.) и других, им подобных безглагольных, по отношению к которым не без оснований полагается редукция глагола, индикатив переходит в индикативность.

Зв) Кондиционал (сослагательное наклонение). В смысловой структуре кондиционала осуществляется сопоставление ролей S_2 и S_1 с точки зрения их отношения к определенному действию или состоянию. Формой такого наклонения пассивный (зависимый) субъект, S_2 , оценивается с точки зрения активного субъекта, как бы "примеряется" к роли активного субъекта (S_1): написал бы - написал, прочитал бы - прочитал; Тирье знает все московские сплетни, кто с кем в интриге есть, будет, был бы (А. Герцен). Действие в данном случае выступает наличным (предполагаемым), само собой разумеющимся и потому - с точки зрения организации семантики этого наклонения - связующим элементом. Следует отметить, что в составе кондиционала как частица бы, так и форма на -д существенны прежде всего своими субъектными значениями (поэтому изменение по лицам для них необязательно): бы выступает как индикатор пассивного (зависимого) субъектного значения (S_2), форма на -д - как обозначение активного субъектного значения (S_1). В отличие от индикатива, где понятийно акцентирован S_1 , в структуре кондиционала акцентированным, исходным выступает S_2 . Поэтому именно эловый элемент кондиционала, несмотря на то, что в составе формы этого наклонения выполняет двойную функцию - обозначает действие и является сигнализатором активного субъектного значения, предрасположен к редукции и часто редуцируется. Ср.: Скорее бы утро (наступило); Еще бы тарелочку (съел); Мне бы довольно (было) и этого; Ему бы (предоставили) эти условия; В лес бы (пошел, пойти) сейчас и т.д. Подобно тому, как это делалось выше, из данного факта можно вывести заключение, что в таких случаях сослагательное наклонение трансформируется в сослагательность. Изложенное указывает и на то, что имеющие место попытки представить факт опущения глагольного элемента как доказательство отсутствия в русском языке морфологической формы сослагательного наклонения, не могут быть приняты, так как не учитывают различия строевых и семантических функций элементов кондиционала.

Смысловая структура сослагательного наклонения, исходя

из сказанного, может быть представлена формулой-схемой

$$\frac{P}{S_2 - S_1}$$

Отметим, что в общем такими же, как и форма на -л, субъектными формами являются инфинитив и предикативные наречия (категория состояния), поэтому частица бы присоединяется к ним без ограничений. Собственно, переход от наречия к категории состояния связан с переходом от несигнализации субъектного значения к сигнализации (точнее - коннотации) такового: ср. радостно (как?) заговорил - радостно (кому?) ему, приятно (как?) выглядеть - приятно (кому?) всем и т.д. Указанные образования (инфинитив и категория состояния), однако, отличаются от -л-форм с точки зрения их способности сигнализировать личные значения, поэтому в большинстве случаев (к чему можно относиться и негативно) выводятся за пределы сослагательного наклонения.

В заключение к сказанному о наклонениях добавим следующее. Если роль в структуре каждого из рассмотренных наклонений условно отождествить с представлением о волевом импульсе к осуществлению действия, а характер его связи с действием выразить с помощью определенного временного представления, то получится, что в императиве волевой импульс предшествует действию, "применен к действию"; в индикативе волевой импульс (источником волевого импульса выступает само действующее лицо) совпадает по времени с действием, "соединен с действием"; в кондиционале же волевой импульс (как осознание истинной цели действия) по времени следует за действием, запаздывает и, таким образом, "разъединен с действием". Функциональные взаимоотношения между различными формами наклонений базируются на соответствующих смысловых сдвигах.

4. Транспозиции наклонений. Транспозиция формы наклонения обычно толкуется как вторичное, или периферийное, ее употребление - употребление в контексте, специфическом для другой формы, и потому в той или иной мере вступающем в противоречие с инвариантным значением данной (употребляемой) формы. Транспозиция осуществляется "при обязательном сохранении инвариантного значения" такой формы /2, с. 86/, поэтому сопровождающий ее употребление эмоционально-экспрессивный эффект создается именно благодаря контрасту между значением контекста и значением вторично употребленной формы. В последнее время подобный подход к многообразному употреблению форм наклонений получил значительное распространение в научной литературе /2; 12-13/.

На наш взгляд, однако, при изложенном варианте объяснения, с одной стороны, связь между формами склонения предполагается, в сущности, произвольной, а транспозиция — не зависящей от конкретной семантики формы склонения, с другой — остаются необъясненными те семантические ограничения, с которыми связано, например, употребление императива в индикативе (ср. драматический императив) или, наоборот, индикатива в императиве (см. ниже).

Из сказанного выше следует, что возможность транспозиции обусловлена главным образом однотипностью элементов смысловой структуры форм склонений: в речевом употреблении происходит перераспределение элементов структуры, изменяется эксплицируемая контекстом расстановка акцентов на них. Непосредственно возможность транспозиции склонений определена тем, что в одной и той же форме склонения обозначаются одновременно значение действия и субъектное значение. Последнее позволяет, не изменяя характера означающего, осуществлять в нем перераспределение смысловых акцентов: если, например, в императиве действие предписывается субъекту (S_2), то при переходе от императива к индикативу (скажи — он и скажи) в глагольной форме, наоборот, субъект (S_1) соотносится с действием (предписан действию: см. За и Зб). Осуществление транспозиции, кроме того, связано с обратимостью субъектных значений — возможностью понятийного перехода от одного субъектного значения к другому ($S_1 \rightleftharpoons S_2$), что имеет место, например, при переходе от кондиционала к индикативу или императиву (см. ниже).

Можно отметить, что те или иные разновидности перекрестного употребления склонений более точно следовало бы определять не как транспозиции, а, по аналогии с функциональными реализациями фонемы, как комбинаторные или позиционные варианты проявления инвариантной семантики склонений. В настоящей работе мы продолжаем, однако, называть такие употребления транспозициями, имея в виду при этом прежде всего то, что смысловая структура формы склонения при изменении типа употребления не остается неизменной, а перестраивается в соответствии с условиями ее функционирования.

Принимая во внимание возможные перекрестные речевые взаимодействия различных склонений друг с другом, можно выделить шесть основных типов транспозиции интересующих нас форм.

4а. 1) Императив — индикатив; 2) индикатив — императив.

Первый тип транспозиции представлен прежде всего так называемым драматическим императивом – обозначением с помощью форм императива неожиданных действий в прошлом: ... Осклизнись я, значит, а посуда–то и разбейся (Левитов. Целовальничиха); Стал он малючить Зинаиде – мол, садись, давай, а она возьми да швырни в лодку что–то тяжелое (Ю. Антропов. Ивановский краж); Кущала и жевала, а я подошла доить – она вот так упади и захрипи... (Панова. Ясный берег). Несмотря на то, что речь идет здесь об обозначении индикативного действия, говорящий не отстранен от связи с действием, стоит к нему гораздо ближе, чем субъект–наблюдатель индикатива. Отсюда простекает очевидная эмоционально–экспрессивная выразительность таких форм. Выше уже отмечено, что в транспонированном императиве, как и в индикативе, не действие предцировано субъекту (обычный императив), а субъект предцирован действию; императив в таких случаях используется поэтому не как личная, а как только субъектная, или, по терминологии Н.П. Некрасова, общая личная (абсолютно–личная) форма /8, с. 105–106/.

Следует особо обратить внимание на то, что речевая структура транспонированного (драматического) императива довольно хорошо эксплицирует установленную выше (За) структуру индикатива: исходным и обязательным здесь является обозначение субъекта (с помощью местоимения или существительного); сочинительный союз, располагаемый обычно между местоимением и императивом, не только указывает на то, что предцирующим субъектом выступает наблюдатель (s_2), но и одновременно функционирует как знак особой активности субъекта (s_1), дающей эффект неожиданности в стремительности; превалирующий же порядок расположения названных элементов в речевой цепи (я и позабудь, он и приди, посуда–то и разбейся) довольно четко отражает порядок следования их смысловых коррелятов в структуре индикатива.

Почему в драматическом императиве употребляется только совершенный вид? В рамках бытующих концепций транспозиции наклонений этот вопрос не находит объяснения; ср. /10, с. 196/; /13, с. 55/. Между тем ответить на него не так и сложно, если принять во внимание, что "аспектуальность соотносит действие с его носителем, тем самым обеспечивая имплицитно (на семантическом уровне) связь между субъектом и действием..." /14/. Согласно приведенным выше формулам–схемам (За, Зб) в императиве действие предцируется пассивному

субъекту ($P - S_2$), в индикативе же активный субъект предикторан действию ($S_1 - P$); субъект драматического императива, следовательно, при эксплицировании ситуации должен быть одновременно активным и пассивным. Таковым он является как раз в прошедшем времени (действие прекращено) и совершенном виде (в пределах ситуации активный сам по себе субъект пассивен, потому что действие окончено). Смысловая структура императива при этом видоизменяется как бы в соответствии с принципом взаимного уравнивания субъектных ролей: поскольку активность "отбирается" у говорящего и "отдается" субъекту действия⁷, таковое (действие) воспринимается "как совершающееся помимо воли или вопреки ожиданию говорящего, как бы произвольное" /Ю, с. 196/.

Драматический императив в литературе характеризуется по-разному: одними учеными он определяется как транспозиция, необусловленное употребление императива; другие ученые, наоборот, считают употребление драматического императива обусловленным, закономерным - детерминированным инвариантным значением императива. Характер изложенного выше показывает, что, если устранить крайности, свойственные каждой из названных точек зрения, то правыми в той или иной мере можно признать и тех и других исследователей: первые правы в том, что полагают смысловую структуру императива в индикативном употреблении видоизмененной, преобразованной, вторые - в том, что основания такого употребления считают внутренними, не привнесенными извне, т.е. не навязанными контекстом, а раскрывающимися в нем. В то же время сторонники каждой из указанных точек зрения ограничены тем, что не видят положительного в позиции своих оппонентов, и потому одни, считая структуру императива неизменяемой, статичной, безуспешно пытаются найти общее, предельно абстрагированное, годное для объяснения всех случаев употребления этой формы значение; другие же, отмечая разнообразные оттенки в употреблении императива, не связывают и, по существу, не объясняют их, так как сводят все к интерференции - противоречиям между значением формы и контекста.

Другие случаи транспозиции типа императив-индикатив также связаны с видоизменением субъектной структуры императива

⁷ В транспонированном императиве действие предшествует волевому импульсу говорящего и не связано с ним. Обозначенный же, связанный с действием волевой импульс имеет источником само действующее лицо.

- предципированием, адресата, не как пассивного (зависимого), а как активного или потенциально-активного субъекта. Ср.: Этих денег мне не высылай, а отдай (отдашь) мне их в Москве; Поехал в Москву, на выставку, побывал где надо и давай (начал) по горсправкам околачиваться; А дальше уже прощ: оказывай (будешь оказывать) ему "техническую помощь" - и катайся (будешь кататься) себе в дефиците, как сыр в масле и т.д.

Индикатив в императиве (2-й тип транспозиции), как и драматический императив, используется только в совершенном виде, в двух временных формах - прошедшего и будущего. Ср.: Сзади закричали: - Пошел, чего стоишь? "Мессера" дожидаетесь? (Б. Павленок. Вернись к юности); - А ты, Нюша, сходи заяви Иннокентию Владимировичу, чтоб шли прививки делать. Да смотри - молозиво принесешь (принеси) вовремя, не задержишь (не задержи) (Панова. Ясный берег). Подобно тому, как это сделано выше, объяснить данный факт можно сложением субъектных значений: активный субъект индикатива при императивном его употреблении должен предципироваться действию как пассивный ($S_1 \rightarrow S_2$). Такой субъектный комплекс соотносим лишь с перфективным действием⁸, в данном типе транспозиции и разрешено поэтому употребление только глаголов совершенного вида.

Комплексное субъектное значение совершенности проявляется также при употреблении форм императива с отрицанием. В этом случае, однако, важно не столько наличие субъектной двойственности /I5, с. 211/, сколько то, что частица не обладает способностью в семантике перфективного императива выделить и подчеркнуть именно значение деятеля. Но так как в смысловой структуре императива позиция деятеля (активного субъекта) изначально занята самим говорящим (За), предципированным субъектом действия последний как бы смещается с позиции деятеля на позицию заинтересованного наблюдателя; ср. /I5, с. 212/. Благодаря произошедшей таким образом инверсии субъектных представлений ($P, S_1, S_2 \rightarrow P, S_2, S_1$) соответствующие императивы выражают значение предостережения: Не упади! ("делай нечто, свое, так, чтобы не упасть"), Не урони! ("неси так, чтобы не уронил"), Не промахнись! ("целься и

⁸ Типологическая активность предшествует пассивности (первая "сокращается" во вторую); соотв., в совершенном виде активность - предпосылка пассивности, а не наоборот.

стрельяй так, чтобы не промахнуться") и т.п. Отсутствие производных средств выражения, а также колебания относительно того, считать или не считать подобное употребление отдельным наклонением (и то и другое имеет место в литературе), со своей стороны показывают, что в данном случае следует говорить о транспозиции.

4б. 3) Императив - кондиционал; 4) кондиционал - императив.

Императив транспонирует в кондиционал главным образом в условных предложениях: Подумай он так тогда, сейчас бы всё было по-другому; Опоздай мы сейчас, мы бы его не увидели; Знай мы это раньше, ничего бы не случилось и т.п.

Механизм этого типа транспозиции также нетрудно понять, сопоставив смысловую структуру соответствующих наклонений. Как ясно из изложенного выше, флексией императива обозначен пассивный субъект - смысловой элемент, являющийся исходным в структуре кондиционала (что, безусловно, способствует транспозиции). Если считать, что указанный элемент и при транспозиции императива в кондиционал обозначается окончанием, то тогда основе императива (действию) надлежит сигнализировать (коннотировать) предсказуемое в кондиционале активное субъектное значение ($P - S_1$). По условиям транспозиции смысловой комплекс $P + S_1$ (действие в связи с активным субъектом) должен быть предсказан пассивному субъекту: $S_2 - (P + S_1)$. Генерализованный субъект этого отношения, как видно, одновременно должен быть активным и пассивным; соответственно, транспонированный императив должен быть выражен совершенным видом или несовершенной формой, не имеющей процессного значения. Последнее иллюстрируется примерами. Ср.: Опоздай он еще немного, сказала она, и началось бы заражение (Г. Скоблицов. Лира Орфея); Что там нынче ни приснись (что бы ни приснилось), вся исписана страница этой жизни. Сверху вниз (Б. Слуцкий. Самый старый долг); Случись это секундами раньше - и катастрофа неминуема (Литературная газета, 1982, 14 апр.); Не лучше ли воспринимали бы ребята проблемы современного производства, не уверенней бы себя чувствовали в сессию, имей они рабочую квалификацию... (Комсомольская правда, 1984, 17 июня).

Транспонированная форма императива в подобных случаях, как правило, синонимична не просто форме сослагательного наклонения, а сочетанию такой формы с союзом если: Опоздай он еще немного, и началось бы заражение - Если бы он опоздал

еще немного, началось бы заражение. Данный факт означает, что императив в обсуждаемом типе транспозиции получает не только семантическую, но и синтаксическую функцию — становится показателем подчинительного условного отношения. Поскольку так же, как и при транспозиции императива в индикатив, при транспозиции императива в кондиционал соответствующая форма используется не как личная, а как обобщенная — субъектная, спорадически она сочетается с частицей бы. Ср.: Но с картиной тут так свыклись, что, наверное, исчезни бы она однажды, стало бы чего-то не хватать (А. Минчковский. Рассказы о цирке).

При транспозиции кондиционала в императив (ср. формул-схемы в Зв и За; /2, с. 96/) говорящий получает статус пассивного (зависимого) субъекта, соответствующее действие, наоборот, соотносится с активным (т.е. как бы занятым другим действием) субъектом; в данных условиях транспозиции форма сослагательного наклонения выражает не приказ, а просьбу, пожелание: — Шла бы ты домой, Авдотья Тихоновна. Чай, устала? (Николаева. Жатва); — Вы вот ответили бы, раз уж мы беседуем с вами, что с газом: будет нынче к зиме? (А. Курчаткин. Газификация). Структурно-морфологическим аналогом бы и главным фактором (средством) реализации данной модальности в области употребления "неэловых" форм выступает частица не: Вы не отойдете в сторону?; Вы не скажете, куда ведет эта лестница? и т.п.

4в. 5) Кондиционал — индикатив; 6) индикатив — кондиционал.

Как и при транспозиции кондиционал — императив, при транспозиции кондиционала в индикатив происходит субституция субъектного значения: активный (независимый) субъект индикатива "подается" как пассивный, зависимый (стесняемый, сдерживаемый чем-либо) субъект. Эловый элемент сослагательного наклонения в этом случае, с одной стороны, как и глагольная форма в индикативе, обозначает реальное действие, с другой стороны, будучи вынужденным реализовать совмещенное, активно-пассивное (нейтральное) субъектное значение, выступает в совершенном виде или является формой несовершенного вида с результативным значением. Ср. примеры: Я бы сравнил этот мальчишеский разговор перед сном с чудесной переключкой тетеревов на току (С. Шамаков. Лето в лагере); Первая, я бы сказал, основная причина возникновения всяких конфликтных

ситуаций – это ненормальный климат в коллективе (Правда, 1984, 29 мая); И еще на одном вопросе хотелось бы заострить внимание (Изв., 1984, 8 мая); Выступала стройная белокурая сибирячка уверенно и, я бы сказал, очень элегантно (Сов. спорт, 1984, 23 июня); Я бы назвал его поэтом в значительной мере недоосуществившимся. Он рано умер (А. Кондратович. Дар памяти).

В таких примерах осуществление действия "для других" ставится в зависимость от желания слушающего, определенный факт подается не столько как действие, сколько как его полу-реализованная возможность: "для себя я сравниваю, называю, говорю, но если угодно, я мог бы и для вас сравнить, назвать, сказать..."; ср. /2, с. 95/; /10, с. 203/.

Последний, шестой, тип транспозиции (ср. Зб и Зв) также основан на способности форм на –д допускать субституцию субъектных значений: в условиях транспозиции субъект из деятеля превращается в обозревающего свое действие наблюдателя ($S_1 \rightarrow S_2$), полагаемого в качестве деятеля в пределах другой (коннотируемой) ситуации. Если в условиях обычного употребления кондиционала эту функцию реализует частица бы, то в условиях транспозиции указанное субъектное значение форме на –д предидируется контекстом (т.е. функцию частицы бы выполняет контекст). Ср. примеры: – Ну, Витек, еще бы полчаса, и ты меня не застал (не застал бы). В гости еду (А.Афанасьев. Командировка); – Вот и дотянули – гривы обсохли. А теперь вину валить – давай на нас! – с досадой сказал Александр Иванович. – Еще бы дня два, так и без вас управились (управились бы) (В.Николаев. Весновка); Что думает подписавший эту головоломку директор гостиницы? Не лишенный юмора человек сказал, что он скорее бы прыгнул в окно, чем стал (ср. стал бы) искать выход по этому чертежу (Комс. правда, 1984, 30 мая); Вот и подумали: а что если создать постоянно действующую агитбригаду из наших учащихся... И выехала бы такая бригада в школы на все мероприятия по профориентации, сама организовывала (организовывала бы) вечера встреч со школьниками (Учит. газета, 1984, 19 июня).

Эффект ирреальности в приведенных примерах обусловлен тем, что в структуре как кондиционала, так и транспонированного индикатива, S_2 предшествует S_1 и связан с S_1 не непосредственно, а через действие (Зв). Ср. в этой связи то, что в предложении Охотник кричит шакалом, где охотник и шакал, S_1 и S_2 , связываются друг с другом через действие, действие

шакала полагается мыслимым, ирреальным: "охотник кричит так, как кричал бы или мог бы кричать шакал".

С точки зрения рассматриваемых здесь вопросов весьма существенно, что обсуждаемое употребление форм на -д Дж.Феррел не склонен считать транспозицией. По мнению исследователя, форме прошедшего ("ненастоящего") вообще свойственно обозначать прошедшие и не прошедшие, реальные и ирреальные действия. Поэтому частица бы не создает новой области употребления формы на -д, а только ограничивает его сферой ирреальности /16/. Говоря иначе, контекст не вступает в противоречие с инвариантным значением формы, а только проявляет заложенные в ней самой возможности; ср. /10, с. 202/. Аналогичное толкование этого, как и других, рассмотренных выше типов употребления наклонений, предполагается и предшествующим изложением - с той лишь разницей, что понятие инвариантного, или общего, значения в этом случае должно быть существенным образом пересмотрено и пониматься не как статическая, а как динамическая, способная к различным видоизменениям структура.

В заключение подчеркнем следующее. Каждое отдельное наклонение - это и формально-смысловая структура, и - одновременно - формально-смысловой прием квалификации действия как способа "поведения" субъекта. В морфологической форме наклонения тот или иной способ "поведения" субъекта эксплицирован как тип проявления связи между субъектом и действием и - или другим субъектом, или еще одним рангом (ролью) того же субъекта. Когда, анализируя употребление наклонений, говорят о противоречии между значением формы и контекста или о том, что во всех употреблениях формы должно быть обязательно выявлено ее инвариантное значение, считают смысловую структуру такой формы застывшей, неподвижной. Однако смысловая структура формы наклонения является динамической, подвижной, способной к перераспределению заложенных в ней представлений. Результатом этого и выступают различные перекрестные употребления модальных форм (транспозиции).

Литература

1. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в современном английском языке. Л., 1958, с. II.

2. Широкова А.Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках. - В кн.: Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-2. М., 1958.
4. Kothaj I. K otazke triedenia gramatickych kategorif slovesa. - Studie z porovnavacej gramatiky a lexicologie. Bratislava, 1974, s. 123.
5. Рифтин А.П. Категории видимого и невидимого мира в языке. - Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук, вып. 10, 1946, с. 145.
6. Uhlenbeck G.C. Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen. IF, XII. Bd., 1901, 1 - 2 Heft, S. 170 - 171.
7. Ходова К.И. К проблемам славянской синонимии (синонимичность как стадия развития системы). - Сов. славяноведение, 1971, № 1, с. 94.
8. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865,
9. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, с. 101.
10. Русская грамматика. Т. I. Praha: Academia, 1979.
11. Бернацкая А.А. Принципиальные основы двойного функционирования глаголов в немецком языке. Два типа, четыре модели двойного функционирования. - В кн.: Некоторые вопросы романо-германской филологии. Вып. У, Челябинск, 1972, с. 33.
12. Ницолова Р. Към въпроса за транспозицията на императива в български и в другите славянски езици. - Български език, 1974, № 6.
13. Попова В., Ницолова Р. Към въпроса за транспозициите на императива в славянските езици. - В кн.: Славянска филология. Т. XV. София, 1978.
14. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллин, 1983, с. 19.
15. Bogusławski A. Aspekty w trybie rozkazuja,сум. - Slavia orientalis. XXII. 1973, n. 2.
16. Ferrell J. The Tenses of the Russian Verb. - The Slavonic and East European Review. Vol. XXXII, n. 78. London, 1953, p. 108, 111.

К ВОПРОСУ О СУБКТЕГОРИЗАЦИИ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р.М. Теремова

Проблема изучения отдельных функционально-семантических категорий приобрела особую актуальность в связи с активной разработкой теории функциональной грамматики (Бондарко А.В., 1984), предполагающей изучение языковой динамики, описание языковой системы с точки зрения функций языковых средств, с применением ситуативной методики анализа языковых объектов (Бондарко А.В., 1983).

Актуальным в связи с этим представляется исследование категории уступки как системы субкатегориальных значений с опорой на те структуры, которые являются их носителями.

Уступительная ситуация имеет сложную структуру. Ее составляют четыре семантических компонента, отношения между которыми могут быть представлены как взаимодействие двух причинно-следственных ситуаций: ситуации обоснования необходимости совершения действия, состоящей из уступительного компонента (потенциальной причины) и ожидаемого следствия, и ситуации предметной причины, представляющей собой отношения превосходящей причины и осуществившегося следствия.

Проанализируем уступительную ситуацию на примере следующего уступительного сложноподчиненного предложения: "И хотя кругом никого не было, но Евлампий все-таки шагнул к окну, за которым в близком и недоступном Ивану солнечном мире скандалили воробьи, захлопнул его" (В. Тендряков. Кончина). Событие, заключенное в придаточной предикативной единице, должно было породить событие-следствие (Так как кругом никого не было, то, следовательно, Евлампию не надо было закрывать окно). Но в силу наличия другой, превосходящей причины (Так как Евлампий боялся, что их услышат) совершилось событие, противоположное ожидаемому (он захлопнул окно).

Если обозначить компоненты уступительной ситуации соответствующими символами (уступительный компонент — символами $У$ и $П_1$, модальный элемент ожидаемого следствия — $М$, диктальный элемент этого же следствия — $С_1$ превосходящую причину —

Π_2 , фактическое следствие - C_2), то уступительная ситуация может быть представлена следующей схемой:

$$\text{Хотя } \mathcal{Y}, \text{ но } C = \Pi_1 \rightarrow (M, \text{ что } C_1), \text{ но } C_2 (-C_1) \leftarrow \Pi_2 = \\ \Pi_1 \not\rightarrow C_2 (-C_1) = \mathcal{Y} \not\rightarrow C (-C_1).$$

Итак, реализации ситуации прямого обоснования необходимости совершения действия, а именно: такого ее варианта, как ситуации прямого обоснования нужды, надобности в совершении действия $[\Pi_1 \rightarrow (M, \text{ что } C_1)]$, помешала реализации ситуации предметной причины $[\Pi_2 \rightarrow C_2 (-C_1)]$, в результате чего было осуществлено событие-следствие (C_2), противоположное ожидаемому ($C = -C_1$).

Именно противоречие фактического и ожидаемого следствий и составляет сущность конфликта уступительности. Отношения же препятствующего, но недейственного основания и совершившегося вопреки ему следствия, противоречащего ожидаемому, определили отношения "обратной" обусловленности, немотивированности одного явления другим.

Представляется целесообразным представить систему содержательного варьирования категории уступки в виде иерархии типов, разновидностей и вариантов уступительных ситуаций, связанной с наличием разных классификационных оснований.

Группа классификационных признаков, составляющая первый аспект иерархии, сориентирована на выражение уступительной семантики сущности уступительной специфики, нюансов уступки, возможностей ее реализации в высказывании.

Второй аспект иерархии связан с выражением противительной семантики.

Рассмотрим каждый из аспектов.

В пределах первого аспекта классификации в зависимости от конкретных классификационных оснований различаются три ранга (уровня) разбиения уступительных ситуаций, с выделением внутри рангов семантических рядов.

Уступительная ситуация состоит из четырех семантических компонентов, однако не все они представлены на уровне высказывания. На первом ранге разбиения в зависимости от того, какие из компонентов уступительной ситуации эксплицированы в высказывании, она представлена двумя типами: уступительно-следственной ситуацией и уступительно-причинной ситуацией.

Уступительно-следственная ситуация состоит из двух компонентов: уступительного (недейственного основания - Π_1) и

фактического следствия, противоположного ожидаемому ($C, C_2 = -C_1$). Именно эти два компонента следует определить как базовые, ведущие, ибо они наиболее отчетливо выражают специфику уступительного конфликта. Схема уступительно-следственной ситуации такова:

$$П_1 \longrightarrow C_2 (-C_1).$$

Данная ситуация широко представлена в современном русском языке как на уровне сложного, так и на уровне простого предложения: "Отставка министра финансов широко огласилась, хотя и не была еще объявлена" (Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников); "А у Ермолова не было ни одной победы, и он был великий полководец" (Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара); "Иной раз люди живут годами и не сходятся..." (Р. Гордин. Странная персона); "Так бы и сидела, и ветер бы заносил прахом - не двинулась бы с места" (В. Токарева. Длинный день); "Несмотря на однообразие проповеди своей, - безгранично разнообразен этот сказочный человек" (М. Горький. Лев Толстой).

Данная ситуация имеет и другую модификацию, когда эксплицитным оказывается еще один компонент уступительной ситуации - превосходящая причина ($П_2$), обусловившая существование фактического следствия. Однако ведущей линией, обеспечивающей уступительный конфликт, остаются взаимоотношения недействительного, недостаточного основания и противоречащего ожидаемому следствия. Присутствие же превосходящей причины не обязательно.

Превосходящая причина может входить в конструкцию на основании подчинения (в этом случае она представлена причинной придаточной предикативной единицей, условной, целевой и др.), сочинения, бессоюзия: "И хотя папа был простым участковым врачом, а совсем не доктором медицины, дощечку не снимали, так как ее подарил дедушка и сам привинтил к дверям" (Б. Васильев. А зори здесь тихие...); "И хотя Ивану Африкановичу не хотелось "Беломору" (у него всегда поднимался кашель от переменного курева), хотя он и привык к "Байкалу", но, чтобы не обидеть человека, взял беломорину" (В. Белов. Привычное дело); "Хотя там сухо и овцы больше года не были там, все же нужно хорошо убрать хлев, если ты с Идой хочешь жить в нем" (М. Горький. Сказки об Италии); "Хотя дирекция заповедника и предоставила ей отдельный домик, своего хозяйства Савина не вела: некогда, да и стоит ли для одной?" (А. Рекамчук. Исток и устье).

Превосходящая причина может быть выражена предложно-падежными сочетаниями, обособленным предикативным обстоятельством причины и др.: "Благодаря его твердости и настойчивости дело, для которого он приехал, пошло превосходно, несмотря на многие неожиданные препятствия" (Н.С. Лесков. Железная воля); "Мои, догадываясь о моей потере, о ложке ни слова, хотя до пропажи она нередко служила предметом разговоров" (В. Муссалитин. Солдатская ложка).

Превосходящая причина может быть восстановлена из контекста: "Хотя я уже ездил один раз в Чурасово, но местность всего пути была мне совершенно неизвестна. Во-первых, потому, что тогда стояла зима, а зимой под сугробами снега ничего не увидишь и не заметишь; во-вторых, потому, что летняя дорога отчасти шла по другим, более степным местам" (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука).

При реализации уступительно-причинной ситуации оказываются эксплицитированными два основания: основание Π_1 , позволяющее сделать вывод о том, что должно совершиться следствие C_1 и оказавшееся недействительным по отношению к реализовавшемуся следствию C (C_2), и основание Π_2 , превосходящая причина по отношению к недействительному основанию, породившая следствие, противоположное ожидаемому (C_2).

Схема данной ситуации имеет следующий вид:

$$\Pi_1 \longrightarrow \dots, \text{ но } \Pi_2 \longrightarrow \dots$$

В качестве примера приведем следующее предложение: "Он любил Горького, считал его великим писателем, но истина была для него дороже" (В. Катаев. Маленькая железная дверь в стене).

Развернем данное предложение, восстановив в нем фактическое следствие: Хотя он любил Горького, считал его великим писателем, но не соглашался с ним, так как истина была для него дороже.

Особенно широко уступительно-причинная ситуация выражается сложносочиненными предложениями. При этом первая предикативная единица сложносочиненного предложения отражает уступительный компонент данной ситуации, вторая предикативная единица – превосходящее, недействительное основание: "Не много, не много радостей отвалила ему Мамониха, чаще злой мачехой оборачивалось; но это была его родина" (Ф. Абрамов. Мамониха). Ср.: Не много, не много радостей отвалила ему Мамониха, чаще злой мачехой оборачивалось, но он продолжал ее любить,

так как это была его родина.

Предикативные единицы в составе сложносочиненного предложения объединяются противительным союзом.

Данная ситуация репрезентируется и сложносочиненными предложениями фразеологизированной структуры, отмеченными исследователями как специфический глагольный тип сложносочиненных предложений фразеологизированной структуры: "Знать-то знаю, только жить по-цыгански надоело" (К. Седых. Даурия); "Кричать-то кричала, проявляя патриотизм, но у самой четверо и муж ее, Константин, - недужный, подкосили его литовкой, и нога у него сделалась навыверт, вроде кочерги" (В. Астафьев. Жизнь прожить).

Уступительно-причинная ситуация реализуется уступительными сложноподчиненными предложениями, сложными уступительными предложениями с фразеологизирующими элементами "напрасно" и "можно": "Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют, второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их, - но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец" (Н.В. Гоголь. Мертвые души); "Кажется, я никогда не гнался за удобствами и благополучием, но, должно быть, этого было мало, надо было еще гнать удобства и благополучие прочь от себя?" (С. Залыгин. Без перемен); "Напрасно ты будешь теперь от меня ждать мрачных дум; на сию минуту довольно счастлив" (А.И. Герцен. Н.П. Огареву).

Возможен и такой вариант уступительно-причинной ситуации, когда в уступительном компоненте (V , P_T) выражается модальность желательности действия. При реализации данной ситуации синтаксическими конструкциями, чаще всего сложносочиненными предложениями, значение желательности выражается модальными глаголами, выражающими желательность, попытку, усердие, рвение, заинтересованность в осуществлении действия, выраженного инфинитивом (хотеть, желать, мечтать, стремиться, стараться, пытаться, собираться и др.): "Филипп хотел приласкать этого домового уттым словом, но надо было спешить" (К. Федин. Похищение Европы); "В воскресенье собралась всей компанией поехать за город позагорать, но с утра было пасмурно" (Л. Агеев. Лесенка - площадка, лесенка - площадка).

Особенность семантики таких конструкций заключается в

том, что второе, превосходящее основание не просто превосходит первое, но и прерывает его, т.е. прерывает намерение совершить действие: "Аларин хотел бросить ему гневное замечание, но самоуверенная, спокойно-дерзкая манера Кашперова совершенно парализовала его обычную смелость" (А.И. Куприн. Впотьмах).

При эксплицировании недостающего звена (фактического следствия, противоположного ожидаемому) чаще всего дублируется предикат уступительного компонента, причем этот предикат отрицается: Аларин хотел бросить ему гневное замечание, но не бросил (но не сделал этого), так как самоуверенная, спокойно-дерзкая манера Кашперова совершенно парализовала его обычную смелость.

Превосходящее ожидание может быть неожиданным, что эксплицируется употреблением союза "как вдруг" или лексемой "вдруг" во второй части конструкции (но вдруг): "Француз хотел что-то сказать, как вдруг над самой головой их низко и страшно просвистело ядро..." (Л.Н. Толстой. Война и мир).

На втором ранге разбегания во внимание принимается специфика уступки, основанная на противоречии, несовместимости ожидаемого и имеющегося следствий.

В зависимости от того, в каких отношениях находятся эти два следствия - в отношениях противопоставления, когда фактическое следствие отрицает предполагаемое, или несоответствия, когда содержание фактического следствия не соответствует содержанию ожидаемого следствия, в сфере действия уступительно-следственной ситуации выделяются две ситуации: уступительная ситуация и ситуация уступительного несоответствия.

В уступительной ситуации следственный компонент содержит результат, противопоставленный ожидаемому. Противоречие между следствиями сводится к отрицанию ожидаемого следствия фактическим.

Противоположность двух следствий, составляющая специфику уступительной семантики, при реализации уступительной ситуации формальными, языковыми средствами выражается в противопоставленности уступительного и следственного компонентов, что на уровне высказывания оформляется употреблением союзов ("несмотря на то, что", "вопреки тому, что", "даром что" и др.), частиц-союзов ("все-таки", "все же", "все равно", "все", "тем не менее" и др.), предложно-падежных местоименных сочетаний ("между тем", "в то же время", "вместе с тем"

и др.): "Мы верили в это даже вопреки тому, что против сада имени Борцов революции, из которого мы вышли на базарную площадь, уже был отремонтирован двухэтажный дом, и маляры, громыхая босыми ногами по железной, свежеекрашенной крыше, подымали на уровень второго этажа большую вывеску" "И.К. Долгушин. Кондитерский магазин" (П.Илиин. Жестокость); "И хотя кромка льдины была высоко, он все-таки ухитрился как-то лечь на нее грудью и успел схватить за руки Стрельцова" (С. Залыгин. Пик половодья); "Хоть сама всегда чистая и косы пахнут, вымытые в травах, а между тем наших болячек не боится..." (О. Гончар. Твоя зоря).

Временное несоответствие уступительного и следственного компонентов уступительной ситуации передается употреблением наречий "еще" и "уже": "Она (гроза - Р.Т.) была еще за много верст, но уже глухо содрогалась от тяжелых раскатов грома земля" (К. Седих. Даурия).

Противоположность предполагаемого и фактического следствий может реализовываться через противопоставленность уступительного и следственного компонентов уступительной ситуации в плане утверждения и отрицания. При вербализации уступительной ситуации различными конструкциями данная противопоставленность оформляется включением в одну из частей конструкции различных видов отрицания: "Но сейчас Марина молчала, хоть и не сомкнула всю ночь глаз" (И. Штемлер. Признание).

В следственном компоненте ситуации уступительного несоответствия сообщается о факте, несходном с тем, который ожидается на основании события уступительного компонента, что проявляется в несоответствии уступительного и следственного компонентов данной ситуации: "Жизненный путь академика Усова оборвался на пятьдесят четвертом году, но еще много лет после этого Обручев в некоторых работах ссылался на своего любимого ученика" (С. Залыгин. Без перемен); "Я и прежде почти никогда не вспоминал, что есть такая территория в России, хотя когда-то сдавал экзамены по географии" (Е. Носов. Красное вино победы).

Поскольку уступительная семантика проявляется в отношениях "обратной" обусловленности (недостаточного, недействительного основания и фактического следствия, противоположного ожидаемому), особое значение приобретает характер взаимоотношений уступительного и следственного компонентов. Именно он и определяет III уровень классификации уступительных си-

туаций. В качестве классификационного основания при разграничении разновидностей рассматриваемых ситуаций (первый семантический ряд) следует иметь в виду специфику воздействия события уступительного компонента на событие следственного компонента, т.е. наличие или отсутствие семы допущения (Ляпон М.В., 1986), в связи с чем выделяются собственно-уступительная ситуация (1) и ситуация уступительного допущения (2): 1) "Он, кажется, спал, хотя, по-видимому, человеку решительно невозможно было заснуть на этом сиденье и не свалиться" (В.А. Слепцов. Владимирка и Клязьма); 2) "Пусть она на вас не обращала никакого внимания, пусть вы сами никогда и не пытались даже полюбить ее, пусть вы потом встречали женщин умных, чутких, красивых, - ни один образ не застелет этого неуловимо-своеобразного тонкого образа" (А.И. Куприн. К славе).

Второй семантический ряд III уровня градации ситуаций уступительного допущения связан с силой воздействия препятствующего фактора уступительного компонента на осуществление события следственного компонента, что приводит к разграничению ситуации усилительно-уступительного допущения (1) и ситуации нейтрально-уступительного допущения (2): 1) "Как ни силен был ночью припадок подагры..., а Кистунов все-таки отправился утром на службу..." (А.П. Чехов. Беззащитное существо); 2) "И пусть это мне только почудилось, но жизнь сразу показалась мне в тысячу раз интереснее!" (Е. Суворов. Сивка).

Сила воздействия события-уступки может иметь различные модификации. Она может быть связана с возможно большим охватом событий, лиц, обстоятельств, в этом случае в качестве конститутивного выступает признак обобщения; может определяться максимальным проявлением признака, действия события-причины. Таким образом, в зависимости от характера проявления усилительного воздействия уступительного компонента различаются ситуация обобщенно-уступительного допущения (1) и ситуация уступительного допущения максимума признака и действия (2): 1) "Кем бы Мельников ни работал - директором МТС, управляющим трестом, секретарем райкома, она заводила один и тот же порядок" (А. Стреляный. Депутатский запрос); 2) "Как мы ни хитрили - никакого толку" (К. Федин. Похищение Европы).

Широта, диапазон допускаемых лиц, объектов, обстоятельств может быть беспредельно широким, так что произвольность вы-

бора достигает крайних пределов: неважно, кто, что, какой и т.д. Идентификаторами семы обобщения в этом случае служат: любой, каждый, везде, всегда и др. Каждый из препятствующих факторов действителен и каждый оказывается недейственным для реализации фактического события-следствия.

Обобщение, охват событий может сужаться до альтернативы: допускается, предполагается не любой вариант, а два.

Таким образом, в пределах ситуации обобщенно-уступительного допущения в зависимости от степени обобщения выделяются две ситуации: 1) обобщенно-уступительная ситуация и 2) альтернативно-уступительная ситуация.

Для выражения обобщенно-уступительной ситуации прежде всего приспособлены уступительные относительные конструкции с частицей "ни" (Осипова Л.Е., 1978). Это конструкции, оформленные союзами сочетаниями "как ни" (в значении образа и способа действия), "кто ни", "что ни". "какой ни": "Как бы ни сложились твои отношения с сыном, ты помни об этом..." (А. Левин. Тайна "Запретного города"); "С кем бы Горленко ни встречался, он незаметно для собеседника выпытывал у него все, что касалось его работы, жизни, его познаний" (К. Паустовский. Синева); "Что бы он ни говорил в свое оправдание, слова его звучали для всех как-то жалко, неубедительно..." (А. Иванов. Печаль полей); "Обман - всегда обман, маменька, какие бы ни были цели" (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон).

Близки к рассмотренным конструкциям предложения, в которых уступительный компонент выражен оборотами с "даже". Сила воздействия препятствующих обстоятельств, признаков, субъектов, эффект усиления здесь создается за счет того, что из всех возможных, допускаемых фактов, явлений берется во внимание один, но зато в наибольшей степени препятствующий осуществлению фактического события-следствия. Приводить другие факты (субъекты, признаки, обеспечивающие препятствующее воздействие меньшей силы, нет смысла: "Ну, она разворачивалась сегодня! Даже Серега не видел еще такой своей жену" (В. Шукшин. Беспалый). При этом уступительный смысл может раскрываться за счет "фонда общих знаний" (пресуппозиций), за счет контекста, при помощи лексических актуализаторов в составе самой конструкции: "Момун молчал. Что сказать? Теперь даже родная дочь не хотела видеть его" (Ч. Айтматов. После сказки (Белый пароход)); "Даже Ермолай изумлялся: "Забрало тебя!" (В. Шукшин. Билетик на второй сеанс); "Даже всегда невозмутимый Коля Соловьев говорит: "Жалко, я маску

против мошкеры с собой не захватил" (П. Нилин. Жестокость).

Значение множества фактов (лиц, признаков, обстоятельств) может быть подчеркнута употреблением местоимений и местоименных наречий: "Он назначал игру за игрой, и все удивлялись, даже спокойный Яков Иванович" (Л. Андреев. Большой шлем).

Объем допускаемого в уступительном компоненте альтернативно-уступительной ситуации ограничивается двумя событиями, осуществление любого из них не может предотвратить осуществление фактического следствия. Данная ситуация репрезентируется сложными предложениями, построенными по схеме "или/или - но", "ли-ли - все равно" и др. (Русская грамматика, 1980): "И хотите вы или не хотите, но придет такой день, когда на месте вашего цеха, нынешнего, появится громадный деревообрабатывающий комбинат" (С. Воронин. Деревянные пяточки); "Дамы же решили: "Пьян ли был Бессонов или просто в своеобразном настроении, - все равно он волнующий человек..." (А. Толстой. Хождение по мукам).

Альтернативно-уступительную ситуацию отражают сложные фразеологические построения, первый компонент которых представляет собой конденсированную форму выражения семантики противительной альтернатики (Исламова Н.Ф., 1985): "Сердись не сердись, а я за правду завсегда стоять буду" (А. Веселый. Россия, кровью умытая); "Я отвела место на болоте - всю войну не знали горя. Уродило, не уродило, - мы сыты" (Ф. Абрамов. Трава-мурава).

Возможен и такой вариант уступительно-альтернативной ситуации, когда эксплицирована только одна из версий, а именно: та версия, которая представляет собой событие, в наибольшей степени препятствующее совершению события-следствия. Такой вариант альтернативно-уступительной ситуации передается уступительными сложноподчиненными предложениями с союзами "даже если", "если и", "даже в том случае, если", "пусть": "Даже если судно по всем правилам морской науки меняет курс и уменьшает ход, удар волны может быть смертельно опасен" (В. Конецкий. В шторм и штиль).

Ситуация уступительного допущения максимума признака или действия характеризуется тем, что уступительный компонент в ней содержит в себе указание на высокую, максимальную степень проявления признака или действия. В этом случае в уступительной конструкции показывается несущественность любой степени признака или действия для реализации фактического

события-следствия. Данную ситуацию наиболее отчетливо выражают сложные уступительные предложения, формируемые местоименными словами "как" (в значении степени интенсивности признака, действия), "какой", "каков", "сколько" с частицей "ни"; "Все-таки, как я ни старался утешить себя соблазнами солидной роли друга, а в душе у меня ныло и сверлило чувство обиды" (А.И. Куприн. К славе); "Не знаю: но как ты ни прячешь свое счастье, оно выглядывает из твоих глаз" (И.А. Гончаров. Обрыв); "Он всюду видел поэзию, какой бы скромной на вид она ни была..." (К. Паустовский. Фридрих Шиллер).

Необходимо отметить, что лексическое наполнение уступительной части рассматриваемых конструкций имеет определенные ограничения: действия и признаки, выраженные глаголами, словами категории состояния, прилагательными, наречиями, обладают способностью менять степень интенсивности.

Данную ситуацию могут передавать сложноподчиненные предложения с союзом "хотя", бессоюзные сложные предложения; чаще всего в этих предложениях степень проявления признака, действия может приобретать характер гиперболы: "Приезжайте хоть сто раз, ничего не сыщете!" (А. Степанов. Порт-Артур); "Нерушимое его решение, теперь хоть убей - по-своему сделает..." (Ю. Герман. Россия молодая); "Десять лет проплывает - ни один червь ее не возьмет" (К. Паустовский. Черное море).

Ситуация уступительного допущения максимума признака или действия может выражаться предложениями, в которых уступительный компонент построен по схеме "даже + прилагательное + существительное", причем усилительная частица "даже" относится к прилагательному, выражающему признак определяемого предмета.оборот с "даже" указывает на предельную степень проявления признака (очень большую или очень маленькую). Именно эта предельная степень интенсивности признака и обеспечивает уступительные отношения между недействительным основанием и реализовавшимся следствием. Высшая степень качества может подчеркиваться превосходной степенью имени прилагательного, лексическим значением прилагательных (гениальный, прекрасный и др.): "Даже самые преданные секретарши не могли уберечь своих начальников от ее вторжений" (Н.Кожевникова. Внутренний двор); "Так уж оно устроено, и даже гениальный человек не может быть пророком в отношении себя...:" (П. Проскурин. Черные птицы).

В зависимости от модификации семы допущения ситуация

нейтрально-уступительного допущения может быть представлена двумя вариантами: 1) ситуацией предположительно-уступительного допущения и 2) ситуацией аргументирующе-уступительного допущения.

Ситуация предположительно-уступительного допущения характеризуется тем, что значение допущения здесь выступает в своем собственном значении – гипотетичности. Идентификаторами семи допущения являются: допустим, положим, предположим, готов согласиться, понимаем, примем во внимание и др. Такого рода построения представляют собой как бы полемику автора (говорящего, действующих лиц) с кем-то, с самим собой. Факт, событие уступительного компонента рассматриваются как предполагаемые в целях рассуждения, как один из возможных вариантов (в ответ на утверждаемое, на тезис, высказанный собеседником или выдвигаемый автором же, автор как бы рассуждает: да, я согласен, готов согласиться с..., но...).

Собеседник (адресат) может быть эксплицирован в высказывании употреблением обращений, вводных единиц, содержащих разного рода призывы к собеседнику с целью обратить его внимание на сообщаемое, вызвать в слушателе желательную для говорящего реакцию, (знаешь, поверь мне, вообрази и др.), прямой речи, вводящие слова автора при которой эксплицируют адресанта: "А хоть и легкие, – отвечал беззаботно князь, – все же они поостоят за нас, коли неравно попадутся нам еще опричники!" (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Автор может размышлять сам по поводу излагаемых им событий, соглашаться с собственными соображениями, проявляя при этом свою позицию, свою оценку событий. При этом элемент предположения может быть эксплицирован при помощи уступительной придаточной предикативной единицы (я знал, я понимал, я соглашался, я допускал и др.): "Было обидно, хотя я и понимал, что не такое уж это большое несчастье – действительно, разве здесь была остановка?" (В. Быков. Обелиск); "И хоть я знал, что все равно что-нибудь найду, пропущенное другими, расхотелось собирать в этом лесочке, и само хрустальное утро словно померкло" (В. Солоухин. Камешки на ладони).

Позиция автора может быть актуализирована употреблением частиц ("ведь"), введением в состав главной части вводных единиц, указывающих на способ изложения мысли ("надо признаться"): "И хоть медленно еще поворачивается твой тяжелый язык, но ведь он выражает эмоции" (А. Макаренко. Педагогиче-

ская поэма). В данном предложении частицей "ведь" подчеркиваются размышления автора, он сам высказывает утверждение (в уступительной части) и сам себе как бы возражает, приводя факты, возмещающие те негативные явления, о которых он сообщил. "Конечно, мудрена женская половина человеческого рода; но почтенные читатели, надо признаться, бывают еще мудренее" (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Размышление автора может подчеркиваться введением в состав уступительной части вводных слов и сочетаний слов ("казалось бы"), подчеркивающих элемент раздумья, размышления: "И хотя, казалось бы, фактов к такому обоюдному недоброезательству, а точнее — антагонизму, еще не было, но то, что принято называть впечатлением от первой встречи, было, и это впечатление не сулило ничего доброго ни тому, ни другому" (С. Воронин. Деревянные пятачки).

Элемент предположения может быть эксплицирован контекстом: "Его будто околдовали. Счастье это или несчастье?... Но даже если несчастье, хотелось бы пережить такое" (И. Нагибин. В те юные годы).

Наиболее ярко выражают предположительно-уступительную ситуацию сложноподчиненные предложения с союзом "пусть": "Пусть он не разглядел лица, но он успел заметить, как и во что был одет сидящий рядом с шофером человек, и этого было вполне достаточно" (А. Рекамчук. Тридцать шесть и шесть).

В качестве второго варианта ситуации нейтрально-уступительного допущения следует рассмотреть ситуацию аргументирующе-уступительного допущения, когда сообщаемое в уступительном компоненте имеет подчеркнута аргументирующий, разъясняющий характер; довольно явственно ощущается здесь и авторская позиция (идентификаторы: не смотри, не обращай внимания, что). В следственном же компоненте содержится непредвиденное, неожиданное событие. Все эти нюансы допущения усиливают препятствующую роль события уступительного компонента.

Наиболее отчетливо ситуация аргументирующе-уступительного допущения передается уступительными сложноподчиненными предложениями с союзом "даром что": "Строгий был, даром что всю жизнь скоморошил" (Ф. Абрамов. Трава-мурава); "Чего она не успеет наделать, даром что тихонькая!" (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Выражают данную ситуацию и сложносочиненные предложения: "За семью замками сидел, а знает в сто раз больше нашего" (К. Седых. Даурия); "Утоши —

и такой норв" (Ф. Абрамов. Собачья гордость).

Второй аспект классификации уступительных ситуаций связан с собственно противительной семантикой.

Отношения между уступительным и следственным компонентами уступительной ситуации характеризуются наличием двойного противопоставления. С одной стороны, причина или условие, содержащиеся в уступительном компоненте, противопоставляются следствию, противоположному ожидаемому. Таким образом, на уровне уступительно-противительных отношений речь идет о несоответствии, противопоставления между причиной и следствием, ибо здесь утверждается следствие, противоречащее ожидаемому и, именно в силу этого, противоположное имеющейся мотивировке.

С другой стороны, между событиями, заключенными в уступительном и следственном компонентах, устанавливаются и собственно-противительные отношения, основанные на противопоставлении, несоответствии между двумя фактами, поскольку осуществление события-следствия не исключает существования события-уступки; ср.: "Добрая старушка, несмотря на то, что двадцать пять лет прожила с мужем, еще плохо знала его" (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные) и "Добрая старушка двадцать пять лет прожила с мужем и в то же время плохо знала его".

С точки зрения специфики противительных отношений между эксплицированными компонентами уступительной ситуации (У и С) данная ситуация может иметь следующие разновидности: уступительно-противительная ситуация: У, но С (1), уступительно-сопоставительная ситуация: У, а С (2), уступительно-присоединительная ситуация: У, причем С (3), уступительно-возмездительная ситуация: У, зато С (4): 1) "Хотя через окно с улицы доносились голоса и смех, грохот проезжавших мотоциклов, но тишина облепила меня вплотную" (В. Тендряков. Шестьдесят свечей); 2) "Лицо проезжающего было не ласково, даже холодно и строго, но, несмотря на то, и речь и лицо нового знакомого неотразимо-привлекательно действовало на Пьера" (Л.Н. Толстой. Война и мир); 3) "Кириллу, похоже, нравился апломб жены, хотя в глазах его порой мелькала усмешка" (Ю. Нагибин. Дорожное происшествие); 4) "... но хоть голова его и прояснела от необычности положения, зато лыжи находились в самом дурном состоянии, как бы поклялись вечно цепляться друг за друга и не давать друг другу ходу" (Л. Андреев. Баргамот и Гараська).

Одна и те же уступительная конструкция может являться средоточием сразу нескольких противительных ситуаций: "На фабрике его предложение было, естественно, принято с восторгом, хотя иные работники удивлялись" (С. Голицын. Дедов дом).

Таким образом, многоаспектный подход к рассмотрению уступительных конструкций, реализованный с применением разработанной в функциональной грамматике ситуативной методики, позволяет: выявив категориальную сущность уступительной семантики, представить один из участков семантической базы языка — уступительные отношения — в виде многоступенчатой системы семантической вариативности, с выделением типов, разновидностей и вариантов уступительных ситуаций.

Л и т е р а т у р а

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
2. Бондарко А.В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики). — ВЯ, 1983, № 2.
3. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986, с. 145-148.
4. Осипова Л.Е. О значении относительных конструкций с частицей ни. — В кн.: Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978.
5. Русская грамматика, т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980, с. 593.
6. Исламова Н.Ф. Сложные фразеологизированные предложения, выражающие противительные отношения. — В кн.: Синтаксис сложного предложения (Устойчивые структуры русского языка). Казань: Изд-во Казанского университета, 1985, с. 5-35.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА "СЛОЖНОЕ ДЕЙСТВИЕ" В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Н. Ремчукова

Количественность в системе языковых категорий связана с категориями предметности, действия и признака. Из всех реалей, которым свойственна количественность, разнообразнее всего она представлена в действиях. С точки зрения функциональной возможно широкое понимание зоны "действия", она включает не только глагол как часть речи, но и отглагольное существительное, смешанное категориальное значение которого обуславливает переплетение признаков количественности предметов и действий. Таким образом, структурно-семантическая зона "сложное действие" (далее - СД) является определенным участком в сфере количественности (которая трактуется как функционально-семантическая категория), связанная с двумя частями речи - глаголом и существительным.

Семантический компонент "сложное действие", выделяемый на основе функционального подхода, является общим семантическим признаком, "семантической темой" (Д. Н. Шмелев) для ряда слов с различными формальными показателями (например, мы находим его в глаголах лексически многоактных типа мигать, качать; многократных типа покачивать, пришептывать, высвистывать; в разнонаправленных глаголах движения типа бегать; в глаголах взаимных типа ссориться; в глаголах, мотивированных именами типа лестать, крошить и т. д.).

Сложное действие понимается как действие, состоящее из нескольких элементарных единиц (крат, квантов): в одних случаях эти единицы представляют собой само действие, а в других его часть; в первом случае следует говорить о действии повторяющемся, многократном (хаживать), во втором - о многоактном, отрезки которого распределяются на временной пространственной оси (стучать и рассадить). Само понятие и термин "сложное действие" предложен В. В. Виноградовым, который пользуется им при анализе некоторых существительных лексико-грамматического разряда *pluralia tantum*, среди которых он выделяет слова, "обозначающие сложный процесс, слож-

ное действие, которое складывается из повторяющихся или вообще многих актов, движений, например, роды, посылки, перекоры, проводы, хлопоты..." (I, 161). Здесь это понятие применяется прежде всего к глаголу как части речи, основным значением которой является действие, процессуальный признак, а кроме него - и к отглагольному существительному.

Инвариантным семантическим признаком СД является абстрактная кратность действия, понимаемая как его дискретность, расчлененная, "квантовая" структура. Выражение СД связано с использованием разноуровневых средств: лексических (значение СД в таком случае является компонентом семантической структуры словообразовательно немотивированного глагола или существительного); словообразовательных (оно связано с определенными аффиксами); морфологических (компонент СД находит свое выражение в форме множественного числа); синтаксических (данное значение выражается на уровне словосочетания), причем часто эти средства выступают не в чистом виде, а во взаимодействии. Так, множественность действия может быть элементом семантической структуры глагольной леммы и одновременно зависеть от внешних факторов - количества субъектов или объектов действия (ср. стучать и перестукиваться). Таким образом, как "сквозной" семантический признак СД охватывает самые различные группы глаголов.

Такие семантические признаки действий, как итеративность (многократность), мультипликативность (лексическая и словообразовательная многоактность), разнонаправленность (может выступать и как многократность, и как многоактность) являются, с нашей точки зрения, разновидностями общей семантики СД. Исследования последних лет были направлены в основном на разграничение этих понятий (см., напр., работы В.Н. Яковлева /2, 76/), но они являются и тесно, неразрывно связанными, семантически родственными. Напр., в основе как многоактности, так и многократности лежит понимаемая широко абстрактная кратность действия, основанная на его множественной структуре, дискретной по своей природе.

Как принадлежность зоны СД рассматривается и взаимность действия на основании того, что взаимное значение невозможно без множественности деятелей, не существует без него. Принципиально важным является понимание того, что действие, выраженное глаголом с взаимным значением, является кратным, т.к. состоит из нескольких отдельных фаз, качественно однородных, неразличимых, и связано с понятием многоактности в

широком смысле слова, включающей в себя, в частности, те виды кратности, которые основаны на субъектно-объектной характеристике действия, в отличие от кратности, связанной с повторением, т.е. многократностью.

Разнонаправленность представляет ту количественность сложного действия, которая связана не с временными, а с пространственными значениями, с условиями его протекания в пространстве. Такую кратность как основной семантический компонент выражают глаголы разнонаправленного движения (бегать, ходить, таскать и т.д.). Это позволяет выделить в зоне СД участок пространственных значений, в выражении которых участвуют не только разнонаправленные глаголы, но и локативные префиксы (напр., пере-, раз-). Глаголы разнонаправленного движения подвергнуты анализу с точки зрения выражаемых ими оттенков кратности: они обозначают действие, либо совершаемое в разных направлениях (Он катает мяч по столу), т.е. сложное многоактное, либо действие многократное, совершаемое в одном направлении, но много раз (Он ходит в школу через дорогу). Таким образом, глаголы движения объединяют в своем значении две разновидности СД и являются хорошей иллюстрацией мысли о родственности многоактности и многократности. Отметим, что при выражении взаимности семантический компонент кратности сопровождается дополнительным оттенком направленности действия от одного субъекта к другому, характеристикой по существу пространственной, которую мы находим и у глаголов разнонаправленного движения.

Выражение СД в рамках глагольной лексики связано не только с лексическим значением глагола, но и с его аспектуальными характеристиками. Понятие сложного действия не противоречит значениям обоих видов, однако существенно различается у глаголов несовершенного и совершенного вида. Так, для лексически многоактных глаголов (несов. вида) характерно значение кратности, не сводимой в единое целое (см. также итеративные глаголы типа покачивать, прищепывать). Для дистрибутивных же глаголов (сов. вида: перебить, потоптать, разведать) характерна "комплексная" кратность, т.к. действие сложное, раздробленное оказывается сведенным здесь к единому результату: совокупность звеньев такого действия составляет единое целое, и главным становится сомкнутость, сконцентрированность отдельных "квантов" в общем результате. В случаях выражения СД глаголами несовершенного вида оно связано с такой характеристикой, как длительность, у глаголов же совер-

шенного вида - с его сложной реализацией.

В первую очередь интерес представляют те возможности выражения СД, которые сконцентрированы в самом слове. Однако привлечение контекста совершенно необходимо в тех случаях, когда морфологические средства в силу своей сильной "загруженности" в языке неясно сигнализируют то или иное значение. Так, контекст становится "диагностирующим" средством при анализе пограничной зоны между дистрибутивностью и результативностью, при омонимии монопрефиксальных глаголов с приставкой по-, "семантическая наполненность" (В.М. Солнцев) которой в русском языке очень высока (ср., напр., порубить (вырубить) и порубить (саблей всех врагов) и т.п.).

Отметим то важное значение, которое имеет при анализе глагола структура объекта: его роль выше, чем роль других слов, например наречий, т.к. структура объекта (который может быть как внешним, выраженным при помощи дополнения, так и внутренним, "скрытым", ср. накупить книг и напылить) может быть множественной по своему характеру, и в этом случае именно она определяет квантификацию действия (напылить - наполнить пылью; объект носит имплицитный характер и имеет собирательную, т.е. множественную структуру). Количественные значения приставок и количественная структура объекта находятся в отношениях семантического согласования.

О "внутреннем" объекте речь идет и в тех случаях, когда перед нами производные глаголы, мотивированные различными существительными, структура которых и определяет количественную характеристику действия. Так, если мотивирующим является собирательное существительное, глагол воспринимается как "сложный": шелуха - шелушить, мусор - мусорить, стружка - стружить.

Структура объекта играет не последнюю роль и при уточнении соотношения лексической многоактности и предельности действия. Характер глагольного действия зависит, как известно, от его сочетаемости с прямым объектом. Непредельность действия характеризуется в большинстве случаев непереходностью: действие сосредоточено в сфере субъекта и может мыслиться как абсолютно безобъектное. Многоактные глаголы находятся среди тех немногочисленных непредельных глаголов, которые допускают переходность (швырять вещи, листать книгу, дергать веревку и т.п.): "А мы эти мировые струны колебали беспрерывно" (М. Цветаева. Письмо к А. Ахматовой). Анализ предельных значений многоактных глаголов (качать ребенка,

чтобы он уснул) показывает, что глагол и в этом случае не утрачивает присущей ему "сложности" значения. Граница между предельными и непредельными значениями глагола подвижна. "Включение - невключение результативности" (М.А. Шелякин) может зависеть в данном случае от семантической структуры объекта - от его одушевленности (качать ребенка; глагол имеет видовую пару; Василиса укачала Ванятку и ушла". (М.Ганина. Настины дети) или не одушевленности (качать колыбель: "Какая из смертных качает твою колыбель?" (М. Цветаева. Без зова...). См. также глагол бить (в значении "наносить удар"): бить человека (побить) - бить ковер (побить и перестать) (Ср. понятие семантической структуры объекта (в частности, при глаголах совершенного и несовершенного вида) в работах А. Вежицкой). Приставка "снимает" признак предельности, но не многоактности "... и идет на меня - стоптать ногами хочет" (Л. Толстой. Власть тьмы).

Глагольный участок зоны СД является наиболее богатым с точки зрения структурно-семантических характеристик и разнообразия формальных средств. Количественные отношения представлены у глаголов наиболее полно и в то же время неоднородно: многоактностью, многократностью и их различными переплетениями в структуре глагола. Признак СД выражен глаголами определенных разрядов. Это или семантические группы глаголов, или лексико-грамматические разряды, т.е. способы глагольного действия, в которых его выражение акционально и словообразовательно и в рамках которых находит свое отражение перфективная и имперфективная количественность.

Хотя лексически многоактивные глаголы, в которых значение многоактности выражено имплицитно, довольно подробно описаны в аспектологической литературе (см. работы Д.С. Маслова, А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, В.Н. Яковлева), мы считаем возможным еще раз остановиться на этой интересной группе.

Анализ существующих критериев многоактности показывает, что они не дают точных оснований для определения ее границ: как и всякая лексическая система, многоактность является открытой. Можно расширить границы этого явления, т.к. акцентирование внимания на группе многоактных глаголов с элементом -а-(ть) и ограничение сферы многоактности кругом немотивированных глаголов оставляет за ее пределами многие глаголы русского языка. Расширение границ лексической многоактности должно идти в двух направлениях: I) дальнейший поиск много-

актных основ с учетом их специфичности среди непроеизводных глаголов, несоотносительных по разным причинам с одноактными; 2) выделение таких основ среди производных отыменных глаголов (листать, полосовать, графить, пятнать и т.п.). Глаголы первой группы - напр., елозить, шарить (членимость таких действий менее очевидна, чем у глаголов качать, толкать и др.), а также имеющие нехарактерные морфологические показатели типа глаголов на -ировать (вибрировать, массировать и др.) и глаголы второй группы мы называем нетрадиционно многоактными глаголами в отличие от глаголов традиционно многоактных (бодать, свистеть и т.д.). Среди них мы выделяем такие глаголы, действие которых предполагает соприкосновение только с множественным по структуре объектом (последний может быть как внешним - шинковать капусту, лущить горох, так и внутренним - крошить, пятнать, клочить и т.п.).

Пометим, что анализ лексической многоактности, "слитой" со значением несовершенного вида, показывает, что истолковывать глагольную лексику безотносительно к виду невозможно: об этом свидетельствует, напр., не двувидовой характер большинства обозначающих СД глаголов на -ировать (аллодировать, боксировать, канканировать и др.).

Оценивая соотношение значений многоактности и одноактности в современном русском языке, (также обсуждавшееся в аспектологической литературе) необходимо исходить из того, что между ними, конечно, нет жесткой зависимости. С одной стороны, одноактность необязательно сопряжена со всяким проявлением расчлененного действия в языке, хотя одноактный глагол и "стремится" образоваться, часто преодолевая препятствие нормы и возникая как разговорный или окказиональный (см. лайнуть, сопнуть /"Ролинг только сопнул. А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина/, пыхнуть /"Увидев Марию, он пыхнул возмущенно". М. Ганина. Если будем живы.../). С другой стороны, образование глаголов с суффиксом -ну и -ану, очень активное в современном русском языке, явно перерастает значение многоактности. Подобные недавние образования не всегда сигнализируют "сложную" семантику их производящих (ср. крикнуть, глушануть и т.п.). Думается, что необходимо последовательно различать глаголы совершенного вида, выражающие отдельный акт многоактного сложного действия (листнуть), и глаголы совершенного вида, указывающие на одноразовое проявление нерасчлененного длительного действия (глушануть), называя первые одноактными в отличие от вторых - однократных.

При этом мгновенность действия, почти всегда отмечаемая как характерный признак одноактности, не является обязательной и зависит от семантики исходного глагола, которая может в некоторых случаях допускать разные оттенки длительности (ср. топнуть, мигнуть и прыгнуть с парашютом, длинно свистнуть, протяжно крикнуть и т. п.).

Анализ значения СД на акциональном уровне предполагает выделение группировки способов глагольного действия (далее — СГД), для которых данный признак является интегрирующим, основным и в то же время наиболее абстрактным. С ним легко сочетаются другие акциональные компоненты (см., напр., прерывисто-смягчительные глаголы типа посвистывать, покачивать, в которых есть значения кратности и небольшой интенсивности действия), т. к. в структуре СГД различные семантические признаки могут "нанизываться" друг на друга. При этом множественный характер действия оказывается неразрывно связан с особенностями перфективной и имперфективной количественности (см. таблицу).

разновидность СД			
перфективная количественность	многоактность	многократность	имперфективная количественность
	характер (множественность объектов или субъектов)	кратности (множественность действий)	
	С Г Д		
перфективная количественность	дистрибутивный СГД	собственно-многократный СГД	имперфективная количественность
	кумулятивный СГД	прерывисто-смягчительный СГД	
	тотальный СГД	сопроводительный СГД осложненно-интенсивный СГД	
длительно-дистрибутивный СГД			
длительно-дистрибутивно-взаимный СГД			

Подобный подход к СГД (с точки зрения их интеграции, а не дифференциации) уже встречался в аспектологической литературе (см., напр., группировку дистрибутивных СГД в работах Ю. Хартунга и сделанный им тонкий анализ акционального зна-

чения дистрибутивности в соотношении с перфективностью и имперфективностью)³.

Нам же при анализе способов действия, обладающих компонентом СД, хочется особое внимание уделить той взаимосвязи, которая существует между лексически "сложной" основой и ее способностью или неспособностью выступать в качестве исходной в указанных СГД. Поскольку данные СГД относятся к аффиксальному словообразованию, значение СД создается в них либо одним аффиксом (напр., пере- в дистрибутивном СГД), либо взаимодействием нескольких аффиксов (по + -ива-/-ва-/а- в прерывисто-смягчительном) либо взаимодействием основы и аффиксов, т.к. многоактное значение глагола сохраняется во всех его словообразовательных модификациях (кроме одноактной), и кратный характер основы ярко проявляется в производных (дергать - подергать /одно за другим/ - дистрибутивный СГД; подергивать /время от времени/ - прерывисто-смягчительный; надергать /много/ - накопительный и т.п.). Так, например, компонент СД выражен в глаголе перестукиваться и основой, т.к. глагол стучать - лексически многоактный, и дистрибутивным префиксом пере-, указывающим отчасти на многосубъектность действия (одновременно и на многообъектность), отчасти на пространственную характеристику, и постфиксом с тем же значением многосубъектности (ср. чисто постфиксальные взаимные глаголы), и, наконец, суффиксом многократности.

Особый интерес представляет "поведение" основ в прерывисто-смягчительных глаголах, для большинства которых многоактные основы являются исходными. Особая, "усиленно" сложная структура таких действий хорошо видна в сопоставлении их с действиями, не обладающими внутренней дискретностью. Ср.: "... и знаменитая русская клюква, которую он все время похваливал". (Ю. Герман. Дорогой мой человек); "Был ветер, и небольшая волна все время нас похлестывала". (Ю. Трифонов. Предварительные итоги). В прерывисто-смягчительных модификациях с многоактным корнем, характеризующихся как дважды кратные, речь идет не о полном дублировании значений корневых и аффиксальных морфем, а скорее об их "семантической пересечаемости" (Н.А. Крылов): аффикс частично дублирует корень, не создавая при этом информационной избыточности; регулярная кратность выражена глагольным корнем (лексически многоактным), а нерегулярная - аффиксально (суффиксом многократности). В зависимости от контекста, от потребностей коммуникации может быть реализована та или иная из этих сем (ср.:

"Здесь у воды паслась, и зредка" позвякивая железными путями, лошадь". (А. Толстой. Мишука Нальмов); "Итак, правой рукой, — объясняла она, надо равномерно" поколачивать складки на правой стороне..." (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

Длительно-дистрибутивный и дистрибутивно-взаимный СГД (т.е. дистрибутивно-многократный) выражают значение СД на акциональном уровне дважды, т.к. находятся на пересечении многоактности и многократности, занимают промежуточное положение в зоне СД.

Таким образом, активность лексически многоактных глаголов в многократных СГД объясняется нами как их стремление к сохранению своей семантической специфики и в приставочных акциональных образованиях.

С этой точки зрения интересно посмотреть на соотношение глаголов вскрикнуть — вскрикивать, встряхнуть — встряхивать. По своей аспектуальной природе оно, на наш взгляд, такое же, как и трясти — тряхнуть, кричать — крикнуть, т.е. акциональное, а не чистовидовое. Из утверждения, что значение многоактной (и шире — всякой расчлененной) основы сохраняется во всех ее модификациях, кроме того случая, когда оно "снимается" суффиксом -ну-, следует, что глагол вскрикивать такой же многоактный глагол, как и кричать. От исходного многоактного глагола глаголы типа вскрикивать отличаются только структурно. Суффикс возвращает глаголу форму несовершенного вида, свободно выражающую многоактность действия (ср.: "Он спал, сопя, всхлипывая и вздрагивая во сне". /М. Ганина. Настинны дети/).

Если имперфективная количественность действия не связана с его актантами характеристикой, то в секторе перфективной количественности "четкость" сложного значения зависит от количества действующих актантами. Многоактные способы действия характеризуются как суммарные, т.е. акциональная многоактность указывает не на повторяемость, а на количество тождественных действий, исходящих от разных субъектов, либо распостраняемых на разные объекты.

Перфективная количественность тесно связана с результативностью, следовательно, выражающие ее префиксы создают количественное значение со значением результата действия, подчиняются ему, осуществляя "единство через результат" (А. Мазон). При акциональной многоактности множество субъектов связано с действием, множество объектов им охвачено (ср.

повскакать и перекусать). Как многоактное рассматривается и значение "распространения действия на много мест в пределах одного объекта": изранить (покрыть поверхность объекта ранами), избороздить и т.п., многообъектность действия связана в данном случае с его разноместностью.

В секторе перфективной количественности, связанной с выражением СД, особый интерес представляет участок дистрибутивности как разновидности акциональной многоактности, имеющей ряд своеобразных черт: она, во-первых, нейтральна к интенсивности действия (в отличие, напр., от тотальности) и, во-вторых, стилистически окрашена (особенно в области полипрефиксации). В зоне СД представлены экспрессивные элементы разной степени (см. чавкать, подборматывать и т.д.), среди которых дистрибутивность является наиболее выразительным средством (поперепачкать, понатащить и т.д.).

Немногочисленны дистрибутивные глаголы от многоактных основ, что связано с относительно редким употреблением последних в переходных значениях. Образованию их с префиксом по- обычно препятствует наличие глаголов с тем же префиксом, обозначающих ограниченное в своем протекании сложное действие: покидать (и перестать), попрыгать (и успокоиться). Необходимо заметить, что, выступая в субъектном подтипе данного СГД, многоактные основы реализуют не сложное, а одноактное значение: "Ведь мы в щель попрыгали". (Ю. Герман. Дорогой мой человек.), т.е. каждый субъект действия прыгнул один раз. Дистрибутивные глаголы с приставкой раз- (Она рассадила гостей; Они разошлись по вагонам) еще раз подтверждают, что те многообразные количественные значения, которые широко выражаются русским глагольным словом, выходят за рамки традиционного круга способов действия, в которые, как правило, не включаются локативные префиксы. Вслед за П.А. Соболевой, мы считаем, что включение локативных префиксов в СГД подчеркивало бы существенную роль пространственных характеристик для протекания действия (4, с. 47, с. 51-52).

Выражение семантики СД в области отглагольного имени имеет свои закономерности. Своеобразие отглагольного имени позволяет ему сохранить в своей структуре определенные элементы глагольной семантики, глагольной временной дискретности, в частности, те из них, которые указывают на плюральность. Исходным явилось положение о том, что значение отглагольных слов не индифферентно к видовым различиям глагола, в частности, их акциональной семантике. В данном случае это

связано с количественными значениями видовых форм. Количественный оттенок отглагольного имени не обусловлен тем, от какого глагола (совершенного или несовершенного вида) он формально образован: с точки зрения формальной имеет место думотивированность, с семантической же — отглагольное существительное соответствует только одному глаголу (напр. чих — чихать и чихнуть, но контекстно определяется семантическая соотношенность только с одним глаголом, напр., многоактным (Он чихал отчетливо и утомительно долго: в этом чихе сквозило возмущение. — Лит. газета). Но семантическая видовая мотивированность существительного может, на наш взгляд, проявляться не только контекстно, но и системно: форма множественного числа слов типа зевки соответствует только глаголу несовершенного вида.

Все отглагольные имена со значением СД разделены нами на две группы. В первой — имена с "наследственным" компонентом, т.е. семантика этих существительных выводится из "сложной" семантики мотивирующего глагола: зевать — зевание, бегать — беготня, хохотать — хохот. Таким образом, первую группу формируют словообразовательные гнезда глаголов со значением СД. Наследственный компонент может быть выражен и лексически, и аффиксально (ср. таскать — таскание и выплясывать — выпляс). Среди этих существительных в работе подробно описаны группы существительных с суф. -ни(я) — (потрескивать — потрескивание), -от (цокать — цокот), -н(я) — (возиться — возня) и нулевым (хохотать — хохот). Интерес представляет образование форм множ.ч. у подобных существительных, которые, как и другие абстрактные существительные, употребляются преимущественно в форме единств.ч., но, благодаря унаследованной от глагола расчлененной семантической структуре, она функционально эквивалентна форме множ.ч. Однако анализ случаев употребления таких существительных в форме множ.ч. ("Тем более, что мои постукивания в дверь были не слышны за голосами очень громкими" /Л. Толстой. Живой труп/; "При этом возникает беспорядочная игра грохотов, урчаний, скрежетов и гулов, выдаваемых за новую музыку". /Лит. газета/ показывает, что форма множ.ч. может быть функционально значимой и указывать на повторяемость (многократность) одноактного (несколько подтягиваний на перекладине) или сложного действия (меня тревожат постоянные летания во сне), а также на многосубъектность такого действия, выраженного формой отглагольного имени (в классе хихиканья).

Анализ существительных, мотивированных глаголами со значением Сд, показывает, что говорить о "зачеркиваниях" акциональных значений префиксов во всех случаях нельзя. Акциональные компоненты значения приставки могут быть унаследованы именем так же, как и пространственные. Ср., напр., существительные от глаголов типа переписываться (переписка) или оказ. пережев (ср. перезвон), в котором "сложное" значение префикса моделируется у существительного даже при отсутствии в языке мотивирующего глагола с дистрибутивно-взаимным значением (пережевываться).

Во второй группе имен компонент Сд не зависит от структуры и семантики мотивирующего глагола. Эти образования называют действия сложные, в то время как их мотивирующие глаголы нейтральны к выражению данной семантики. Следовательно, здесь не приходится говорить о предсказуемости значения Сд глаголом. Среди этих имен — имена лексико-грамматического разряда *pluralia tantum*: названия многосубъектных действий (толки, прятки), действий, состоящих из многих актов, движений (схватки), действий, совершаемых одновременно многократно и многосубъектно (бега). Этот словообразовательный тип непродуктивен. Некоторую продуктивность в разговорной и художественной речи проявляют слова, относящиеся к названиям игр, сборищ (см., напр., ловитки: "И вижу за окном то же, что видел тогда... двор, где на переменах гоняли мяч, еще не называя футболом, играли в ловитки". /В. Сафронов. Вечер на Миридаде/. Словообразовательная структура таких слов различна, а семантика их специфична и имеет по сравнению с мотивирующим глаголом дополнительные компоненты значения (ср. догонять и догонялки), следовательно, вслед за В.В. Лопатиным, мы считаем, что носитель семантического значения "сложности" во всех указанных существительных данного разряда — система флексий множ. числа (5, с. 85).

Кроме того, можно выделить группу существительных с префиксом по- и различными суффиксами. В словах типа попойка, посвист, позевота компонент Сд, выражаемый префиксом, лишен аспектуального характера, поскольку эти образования не соотносительны по значению префикса с однокоренными глаголами с по-: ни с глаголами типа попить, позевать — временно ограничительными, ни с глаголами прерывисто-смягчительными (позевывать). Появление префикса по-, который является в этом случае носителем семантики Сд, в сфере имени для выражения определенных количественных оттенков не случайно: он активно

выражает такую семантику и у глаголов, являясь наиболее регулярным средством выражения дистрибутивности. Слова типа повзвота, посвист, погром и др. следует рассматривать как префиксально-суффиксальные образования с префиксом по-, мотивированные беспрефиксальными глаголами (некоторые из которых могут быть многоактными: зевать, свистеть).

У существительных, мотивированных глаголами разнонаправленного движения — поводырь, побегушки, поход (напр., по местам боевой славы) и др., префикс по- дублирует идею "сложного" движения, семантически присущую самому исходному глаголу. Среди существительных с этим суффиксом есть и ряд слов *pluralia tantum*. Так, в слове поиски префикс дублирует идею сложного действия, семантически присущую глаголу искать, связанному с многообъектностью (разноместностью) действия (искать в разных местах). Семантическое "согласование" основы и префикса усилено и системой флексий множ. числа.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. "Сложное действие" можно представить как "семантический комплекс" (Н.Ю. Шведова), единицы которого (многоактность, многократность, разнонаправленность и др.) имеют общую семантическую доминанту (кратность действия) и в то же время противопоставлены по ряду признаков (по уровневой принадлежности, по стилистической окраске и т.д.). С точки зрения "полевого анализа" (А.В. Бондарко) зона СД находится на пересечении полей количественности и аспектуальности.

Комбинации кратких основ с различными модификаторами показывают, что значение СД может выражаться в слове несколько раз: полностью или частично дублируются те значения, которые выражаются аффиксами и лексическим значением корня, напр., в слове побегушки такое значение выражено трижды: префиксом по- (ср. со словами попойка, погром), флексией множ. числа (ср. со словами толки, хлопоты) и сложным (разнонаправленным) значением мотивирующей основы (основа глагола бегать, ср. летать, катать). Подобные комбинации находим и у глаголов (см. перестукиваться, покрикивать и т.д.).

У существительных и у глаголов обнаруживаются одинаковые возможности в выражении количественных оттенков, сходные сочетания разновидностей СД. Ср., напр., многоактные глаголы типа качать и "сложные" существительные со значением действия, состоящего из многих актов, движений (схватки); глаголы, в которых одновременно выражены многоактность и многократность действия (перебраниваться) и существительные с такой же комбинацией значений (бег).

Список цитируемой литературы:

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Гос. уч.-педагог. изд-во, 1947.
2. Яковлев В.Н. Многоактные (мультипликативные) глаголы в современном русском языке. - Дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1972.
3. Хартунг Ю. Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способы действия в современном русском языке: - АКД. - Ростов-на-Дону, 1979.
4. Соболева П.А. Опыт упорядочения способов глагольного действия. - В кн.: Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков МПС. Сб. статей. /Отв. ред. Н.Ю.Шведова. - М.: Наука, 1983.
5. Лопатин В.В. О семантической структуре словообразовательного форманта. - В кн.: Русский язык, вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I.УШ. /Отв. ред. Н.Ю. Шведова - М.: Наука, 1978, с.78-89.

КОНКРЕТНО-ПРОЦЕССНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ОТРИЦАНИИ

Т.Г. Акимова

Конкретно-процессное значение (Он сейчас пишет письмо) выделяется наряду с другими значениями несовершенного вида — неограниченно-кратным (По вечерам он пишет письма), общефактическим (Вы мне писали, не отпирайтесь) и постоянно-непрерывным (Сумма углов треугольника равняется 180°). Эти значения определяются с опорой на значение всего высказывания в целом и прежде всего в зависимости от семантики глагольной лексики. Нет глаголов, которые в одном лексическом значении могли бы выражать весь набор выделенных значений. Глагол писать (письмо), например, не имеет постоянно-непрерывного значения, глагол равняться (в значении отношения) имеет только постоянно-непрерывное значение и не имеет остальных значений НСВ^I.

Большинство глаголов конкретного действия и временного состояния, т.е. предикатов, обозначающих локализованные во времени действия, выражают конкретно-процессное значение, ср.: Сашка, налевая женским голосом, рыл яму среди голых кустов... Вдали... шумели грачи. Кругом пели скворцы, стрекотала сорока, солнце сушило слежавшуюся листву в корнях кустов, а Сашка твердо и с удовольствием наступал на лопату... (И.Бунин). В то же время в аспектологических исследованиях (в работах Ю.С. Маслова, А.З. Бондарко, М.А. Шелякина, М.Я. Гловинской) выделяются некоторые глаголы конкретного действия, например, замечать, находить, приходить, выучивать, для которых выражение конкретно-процессного значения затруднено. Это означает, что нормально они не могут служить

^I Нелокализованные предикаты, обозначающиеся либо вневременные положения дел, либо действия, относящиеся к значительному промежутку времени, не выражают конкретно-процессного значения и всегда имеют постоянно-непрерывное значение. Среди них выделяются предикаты со значением качества, постоянного свойства и отношения: быть высоким, знать, любить, обладать; предикаты, описывающие род деятельности, занятия субъекта: руководить, воспитывать /5/.

ответом на вопрос "Что ты сейчас делаешь?". Существуют, однако, условия, при которых употребление этих глаголов в таком контексте становится возможным. Семантика этих глаголов и эти условия обсуждаются в работе.

I. Характеристика конкретно-процессного значения.

В работах по аспектологии приводятся следующие определения этого значения НСВ: "... в тот период, о котором идет речь, находится в процессе своего осуществления данное действие или длится данное состояние" /4, с. IIS/. Как видим, конкретно-процессное значение характеризуется двумя признаками: конкретностью, т.е. прикрепленностью действия к конкретному моменту или отрезку времени и процессностью, которая понимается как имперфективность, т.е. представление действия или состояния в его протекании, в срединной фазе, без указания на его начальную или конечную границу. Очень важно подчеркнуть, что "процессность" действия предполагает его длительность: обозначается незамкнутый отрезок на линии времени, но не точка (которая передается в большом числе случаев при употреблении форм СВ). Конкретно-процессное значение выражается и глаголами действия (Он сейчас читает книгу), которые в полном смысле слова переживают развивающийся во времени процесс, и глаголами состояния (Он сейчас лежит на диване), описывающими не изменяющееся во времени положение дел. В последнем случае вторую часть термина - "процессность" нужно воспринимать как условность, обозначающую, что состояние, как и действие (собственно процесс), является конкретным и длительным (ср. приведенное определение А.В. Бондарко). Представляется, что в большей мере описываемому значению НСВ соответствует термин "конкретно-длительное значение", но мы при всех оговорках все же остаемся в рамках традиционной терминологии.

Особой проблемой является определение значения НСВ при отрицании действия (Он сейчас не читает книгу, Он сейчас не лежит на диване). Влияние отрицания на конкретно-процессное значение отмечалось аспектологами /7; I5/². Высказывалось мнение о том, что НСВ при отрицании не обозначает развивающийся во времени процесс, а имеет значение длительности /10/. Эта проблема выходит за рамки данной статьи. Здесь же

² В большей мере изучено общефактическое значение при отрицании /4; 8; 6/, а также модальные значения видовых форм при отрицании /9; I5/.

мы будем говорить о конкретно-процессном значении НСВ при отрицании, имея при этом в виду, что передается особого рода состояние, представленное как конкретное и длительное.

2. Контексты, в которых реализуется конкретно-процессное значение.

В аспектологической литературе (Э. Кошмидер, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко) предлагались контексты, в которых глагол в форме НСВ имеет конкретно-процессное значение; невозможность употребления какого-либо глагола в таком типовом высказывании говорит о том, что он не выражает конкретно-процессного значения. Для настоящего времени предлагались такие контексты: 1) ответы на вопросы "Что ты сейчас делаешь?", "Что с тобой происходит?"; 2) Смотри... 3) обстоятельства сейчас, в настоящее время, в последнее время. Для прошедшего времени возможны следующие типовые контексты: 1) придаточные времени с союзами когда, пока и главные части сложноподчиненных предложений с этими придаточными; 2) Я видел слышал, как...; 3) обстоятельство долго. Большинство глаголов конкретного действия и временного состояния свободно употребляются в выделенных контекстах. При употреблении же глаголов типа замечать, приходить, находить, выучивать, доходить получаются неправильные высказывания, ср.: Что ты сейчас делаешь? — *Я нахожу очки, *Я замечаю Колю, *Я прихожу домой; Что с тобой происходит? — *Я задумывался над твоим вопросом; *Смотри, он находит очки, *Смотри, он приходит домой; *Я сейчас замечаю Колю, *Я сейчас выучиваю стихотворение; *Я его встретил, когда он приходил ко мне, *Все молчали, пока он задумывался над этим вопросом, *Когда я встретил почтальона, он принес мне письмо, *Я видел, как он доходил до угла дома, *Он долго находил очки, *Он долго приходил домой.³

³ Важно отметить, что речь идет о глаголах в определенном лексическом значении. Многие из приведенных глаголов в других значениях передают процесс или состояние и могут быть употреблены в контекстах приведенного типа, ср.: Из сада сейчас долетает аромат сирени; Большой долго приходит в сознание. Некоторые глаголы имеют значение отношения и выражают в форме НСВ постоянно-непрерывное значение, ср.: Ее находят что-то странной, провинциальной и неманной. И что-то бледной и худой, А впрочем очень недурной (А. Пушкин).

3. Семантика глаголов типа находить, замечать, приходить.

Невозможность использования глаголов этого типа в конкретно-процессном контексте объясняется тем, что они передают мгновенные, точечные действия, которые не могут быть представлены как процесс или состояние, имеющее длительность. Значение этих глаголов можно понять, лишь обратившись к форме СВ: найти, заметить, прийти. Форма СВ представляет действие как точку на линии времени и не сочетается с обстоятельствами типа медленно, постепенно: *Мальчик медленно (постепенно) нашел гриб. Форма НСВ этих глаголов также представляет действие как точку, не имеющую длительности. Это происходит при выражении общефактического значения (Ты замечал это раньше? Вчера к нам приходил Коля), а также в случае переносного употребления формы презенса в значении настоящего исторического, сценического, в спортивных комментариях. Ср.: Вчера я вхожу в комнату и замечаю, что...; Спортсмен опережает всех и первым приходит к финишу. Кроме того, форма НСВ этих глаголов, условно говоря, обозначает много точек, т.е. передает множество достигших предела действий: она имеет неограниченно-кратное значение (Собака радовалась, когда находила хозяина; Он часто к нам приходит) и дистрибутивное значение (Смотри, к нам приходят гости (один за другим)).

В зависимости от аспектуального характера действия, выражаемого формой СВ, описываемые глаголы могут быть разделены на три группы:

1) точечные глаголы, относящиеся к классу "происшествий" /II; I8; 5/. Они обозначают действие как точку, не предполагающую предшествующей или последующей длительности процесса или состояния. Это глаголы обнаружения: находить, обнаруживать, замечать, обращать внимание, доставать; глаголы обозначающие случайные происшествия: случаться, терять, рвать, опрокидывать, задевать, встречать; глаголы движения: появляться, являться, возникать, показываться, приходить, приезжать, прибегать, прилетать, приносить, приводить, привозить⁴.

⁴ Неспособность глаголов перечисленных лексических групп передавать длящийся процесс является особенностью не только русского языка. В английском языке глаголы с таким значением не употребляются в форме прогрессива, который имеет конкретно-процессное значение: (р.16, с.67-70).

2) глаголы, относящиеся к классу "свершений" /18; 5/⁵. Они обозначают действие как точку, предполагающую предшествующую длительность: достижению результата предшествует процесс или состояние. Здесь выделяются глаголы движения с префиксом до: доходить, доезжать, долетать, доносить, глаголы со значением полного охвата действием объекта: съесть (весь суп), выпивать (все молоко), выучивать (все уроки). По значению к этим глаголам примыкают конструкции с фазовыми глаголами прекращения действия: прекращать петь, пение, останавливать пение, прерывать пение, песню, отрывать от песни, пения, переставать петь.

3) начинательные глаголы задумываться, запевать, заговаривать (для которых пока трудно найти место в существующих классификациях семантических типов предикатов /ср. 17/). Они обозначают действие как точку, предполагающую последующую длительность.

4. Условия, при которых глаголы типа замечать, находить, приходить выражают конкретно-процессное значение.⁶

4.1. Одно из таких условий уже описано в аспектологической литературе /14; 6/. В высказываниях с описываемыми глаголами передается конкретно-процессное значение при множественности субъектов и/или объектов, т.е. при выражении дистрибутивной множественности действий. Ср. такие предложения: *Он находит гриб и Он находит один гриб за другим; *Ко мне сейчас приходит Коля и Ко мне сейчас приходят гости (один за другим); Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим (А.Пушкин).

⁵ Английский термин "accomplishment", предложенный З. Вендлером, был бы в данном случае более уместным. Класс "свершений" в русском языке включает глаголы СВ, соответствующие тем парным глаголам НСВ относятся к "тенденциям", или "попыткам" передают процесс, направленный на достижение результата, ср. делать/сделать /11; 5/. В паре доходить/дойти форма НСВ не обозначает направленности на достижение предела, но, как и форма СВ, имеет значение достижения предела. Значение предшествующего процесса составляет неаSSERTивную часть значения глаголов типа доходить, что позволяет отнести их к классу "свершений".

⁶ В статье рассматриваются несколько групп глаголов, объединяемых по типу условий, способствующих реализации конкретно-процессного значения. Для других групп глаголов релевантными оказываются другие условия. Например, для глаголов речи таким условием является их дискриптивное употребление, перформативы не имеют конкретно-процессно-

4.2. Другим условием, которое, насколько нам известно, пока осталось не отмеченным в аспектологии, является употребление описываемых глаголов в контексте отрицания. Как показало исследование, многие из перечисленных глаголов (но не все) могут выражать при отрицании конкретно-процессное значение либо в личной форме и в форме деепричастия, либо в одной из этих форм⁷. Это связано с тем, что при отрицании снимается значение точки, присущее этим глаголам, и внимание фиксируется на предшествующей длительности (для глаголов "свершений"), либо на последующей длительности (для начальных глаголов). Для большинства глаголов—"происшествий" описываемое условие не является релевантным, т.к. они обозначают действие как точку, не предполагающую предшествующей или последующей длительности. Исключение составляют глаголы движения типа появляться, приходить, для которых предшествующая длительность составляет презумптивную часть их значения, которая реализуется только в контексте отрицания. При отрицании, таким образом, передается процесс или состояние, имеющее длительность, что позволяет описываемым глаголам выражать конкретно-процессное значение.

При отрицании в высказываниях с описываемыми глаголами выражаются следующие значения:

1) обозначается длительность (процесс), предшествующая достижению результата, 2) обозначается длительность (состояние), предшествующая появлению субъекта, 3) обозначается длительность как состояние субъекта.

го значения /2, с. 38/. Глаголы типа менять, давать, брать, получать имеют конкретно-процессное значение лишь при таких актантах, которые позволяют представить описываемое в высказывании действие как процесс, требующий для своей реализации определенной длительности. Ср.: "Когда я вошел, он открывал глаза и Когда я вошел, он открывал окно;" "Вчера он долго получал ответ и Вчера он долго получал на почте посылку. Интранзитивы выражают конкретно-процессное значение при удотреблении сирконстанта определенной семантики, ср.: "Он долго сходил с места и Он долго сходил с лестницы.

Интересно, что в контексте отрицания возможен любой актант и сирконстант, т.к. отсутствие действия представляется как состояние субъекта, имеющее длительность: Робко постукалась она к Николаю Всеволодовичу и, не получая ответа, осмелилась приотворить дверь (Ф. Достоевский).

⁷ Деепричастие НСВ в русском языке имеет те же значения, которые выделяются для личной формы: конкретно-процессное (Лесик уныло слушал его, стоя на стене... (Ф. Искандер), постоянно-непрерывное (Он приехал на воеводство,

4.2.1. Значение длительности (процесса), предшествующей достижению результата.

Это значение выражается в высказываниях с глаголами "свершениями" и с конструкциями с фазовыми глаголами прекращения и прерывания действия.

4.2.1.1. В конструкциях с фазовыми глаголами предшествующий процесс обозначается предикатным актантом, отрицается его прекращение или прерывание и передается тем самым другая фаза процесса – его продолжение. Ср. типовой контекст: *Смотри, ребенок отрывается от игры и Ребенок не отрывается от игры = 'Ребенок продолжает играть, играет'; *Они долго переставала спорить и Они долго не переставали спорить = 'Они долго спорили'. Описываемое значение передается и при употреблении деепричастия: Дядя Коля, не прерывая песни, перешел на музыкальный инструмент (Ф.Искандер); Не отрываясь от дела, она кивнула в сторону Степана Трофимовича (Ф.Достоевский).

4.2.1.2. Глаголы находить и обнаруживать, которые мы выше отнесли к "происшествиям", являются многозначными⁸. В другом своем значении они обозначают точку (неконтролируемый субъектом результат), который предшествует длительности (контролируемый субъектом процесс, направленный на достижение результата) /ср. 13, с. III/. Ср. толкование глаго-

вовсе не зная дел (А.Герцен), общефактическое (Мы столкнулись раза три в лодях. Не знакомясь со мной и не заговаривая, он (Гаганов) нашел-таки возможность быть дерзким (Ф. Достоевский), неограниченно-кратное (Вспомнила Наталья свое детство, когда, бывало, гуляя вечером, она старалась идти по направлению к светлому краю неба... (И.Тургенев).

⁸ В качестве глаголов-"происшествий" эти глаголы, так же как и случаться, терять, задевать, встречать, цеплять, рвать, обозначают точечные неконтролируемые субъектом действия, которым не предшествует длительность: терять очки, рвать ботинки. Поэтому в контексте отрицания они также не имеют конкретно-процессного значения: они могут выражать только точку, но не длительность. Приведенные глаголы (кроме случаться и терять) имеют еще одно значение – контролируемого процесса; в этом случае они имеют конкретно-процессное значение в утвердительной форме: Вчера он встречал на вокзале делегацию из Москвы, Я видел, как она рвала письмо на мелкие кусочки.

ла найти/находить в МАС: "в результате поисков обнаружить, отыскать". В этом значении глаголы относятся к "свершениям" и различают в своем значении ассертивную и неассертивную части /I2, с. 72-75; 3, с. 29-30/. Ассертивная часть - значение достижение результата, неассертивная - указание на предшествующую длительность (в данном случае - это процесс поисков чего-либо). Отрицанию подвергается только ассертивная часть /I, с. 29/, неассертивная часть значения отрицанию не подвергается и выражается, таким образом, значение предшествующей длительности - процесса, направленного на достижение результата.

Глагол находить с частицей не является неполным синонимом глагола искать, который можно признать сушлетивной видовой парой глагола найти. Эти глаголы, как и многие другие пары типа умирать/умереть, будить/разбудить, противопоставлены по типу "попытка-успех" /II, с. 60/, ср.: /Берсенева/: Вас могут хватиться дома - /Елена/: И что же? - Вас будут искать. Вас найдут (И.Тургенев). Так же, как и в других парах этого типа, в толкование формы СВ (найти) почти целиком входит толкование формы НСВ (искать) /I, с. 83-84/. Если искать = "совершая действия, пытаться обнаружить что-либо", то найти/находить = "совершая действия, обнаружить что-либо"; не находить = "совершая действия, не обнаруживать что-либо". Ср. типовой контекст: Смотри, он не находит свои очки = "совершая действия, он не обнаруживает свои очки", ср. также: Камтанка ... не находила хозяина (А.Чехов); Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности (А.Пушкин). Это значение выражается и при употреблении деепричастия: ...работники, походивши по улицам с вопрошающим взглядом и не находя ни совета, ни призыва, отправились домой (А.Герцен).

Таким образом, не находить (так же, как и искать) образует с глаголом найти пару типа "попытка-успех" (в отличие от пары находить/найти, обе формы в которой обозначают точечные действия), ср.: Долго не находил я никакой дичи, наконец из широкого дубового куста... полетел коростель (И.Тургенев). Глаголы искать и находить с частицей не все же, как отмечалось, являются неполными синонимами, о чем свидетельствует возможность их употребления в противительном контексте: Ростову стало неловко, он искал и не находил в уме своем шутки, которая ответила бы на слова Додохова (Л.Толстой).

4.2.1.3. Глаголы-"свершения" со значением движения с префиксом до- типа доходить, доезжать также различают в своем значении ассертивную часть - значение достижения конечной точки движения и неассертивную часть - значение предшествующего процесса движения. Отрицание действует только на ассертивную часть значения, однако личные формы не доходит, не доезжал не имеют конкретно-процессного значения. Значение длительности процесса, предшествующего достижению результата, передается в контексте отрицания деепричастиями, ср.: Не доезжая церковной площади, увидел он сильно шумевших мужиков (А.Толстой) = 'Приближаясь к церковной площади, он увидел...'. Эти деепричастия, однако, во многих случаях развивают пространственное обстоятельственное значение и превращаются в наречия. Формы не доходя, не доезжая + обстоятельство места уже не имеют значения процесса движения, а обозначают нахождение субъекта вблизи этого места. Названное значение реализуется в тех случаях, когда действие, выраженное личной формой, предполагает прекращение действия, переданного деепричастием, ср.: Я услышал, как он слез с коня... Потом шаги его приблизились, но он все же остановился, не доходя до ямы (Ф.Искадер) = 'Он остановился, находясь около ямы'. Но не доезжая площади Бастилии, она /Брике/ сменила такси и направилась к Монмарту (А.Беляев) ('находясь около площади, она сменила такси'.

4.2.2. Значение длительности, предшествующей появлению субъекта. Это значение передают в контексте отрицания глаголы являться, появляться, возникать, показываться, а также глаголы движения с префиксом при- типа приходить, приносить. Эти глаголы обозначают появление субъекта (S_1) в определенном месте, которое фиксируется наблюдателем (S_2). МАС дает следующее толкование глаголу появиться/появляться: "придя, прибыв или возникнув где-то, оказаться в поле зрения кого-либо, явиться, показаться". Это же значение (не выделяемое словарями), которое отражает, условно говоря, точку зрения наблюдателя, а не субъекта действия, имеют и глаголы с префиксом при-. Эти глаголы мы отнесли выше к точечным. Однако

⁹ Эти глаголы имеют и другое значение, которое, условно говоря, отражает точку зрения не наблюдателя, а самого субъекта действия. Именно это значение толкуется в словаре МАС: прийти/приходить - "идя, следуя куда-либо, достичь какого-либо места, прибыть", принести/принести - "неся, доставить". В этом значении глаголы относятся

при их употреблении и высказывании возникает особое значение — пресуппозиция ожидания: наблюдатель (S_2) ждет появления субъекта (S_1). Этой пресуппозиции может не быть, если субъект появляется неожиданно, ср.: Все было спокойно, но вдруг появился Коля. Он каждый раз приходил без предупреждения. Для нас важны случаи возникновения этой пресуппозиции, так как именно это значение создает возможность для употребления описываемых глаголов в конкретно-процессном значении. О наличии этого значения в утвердительных конструкциях свидетельствует сочетаемость с обстоятельствам типа быстро, скоро, наконец, в конце концов, которые характеризуют длительность ожидания, предшествующего появлению субъекта, ср.: Коля пришел очень скоро = 'Мы его недолго ждали', Обычно все приходило во время, в конце концов появлялся Коля = 'Колю обычно долго ждали'.

Мы будем считать, что состояние ожидания (S_2) является неассертивной частью значения описываемых глаголов, ассертивная часть — значение появления субъекта в соответствующем месте. При отрицании, как и в других случаях, снимается значение точечности (в данном случае это значение появления субъекта) и передается состояние наблюдателя, которое имеет длительность. Наблюдатель, которым может быть и автор и герой повествования, может быть явно обозначен в контексте: Один из мальчиков нырнул и долго не появлялся на поверхности. Ребята забеспокоились... (С. Долецкий) = 'ребята долго ждали, но один из мальчиков не появлялся на поверхности', в случае прямой речи наблюдателем является говорящий: "Да ведь к обеду обещался сегодня же прийти. Что ж не приходил? Нелли нарочно с постельки встала, "Хочу, дескать, с вами вместе Ваню ждать" (Ф. Достоевский). В контексте отрицания описываемые глаголы свободно сочетаются с обстоятельствами длительности, ср.: Мария Алексеевна шмыгала мимо дочери и учителя во время первой их кадрили, но во время второй она не показалась подле них... (Н. Чернышевский);

к классу "свершений", но в отличие от глаголов типа дойти и находить, они не имеют конкретно-процессного значения ни в личной форме, ни в форме дееспричастия, ср. неправильность высказываний: "Я выехал рано, но не приехал на дачу, "Не приходя в город, она решила передохнуть. Неправильность этих высказываний, возможно, объясняется их избыточностью: в русском языке есть глаголы с префиксом под-, специально обозначающие процесс движения, не достигшего конечной точки, типа подходить, подъезжать; а также глагол приближаться.

Письмеца недель пяток почта не приносит, Понимаешь ли, браток, Сердце ласки просит (С.Альмов).

Значение ожидания может составлять не только часть значения описываемых глаголов, но кроме того может быть выражено в контексте в явном виде, ср.: Ожидание продолжалось целый час, а барин все не показывался (Д.Мамин-Сибиряк); Голод част-от-часу становился ужаснее. Ожидаемой помощи не приходило (А.Пушкин). Несоответствие между ожидаемым и реальным положением вещей подчеркивается в высказывании противительными союзами а, но, однако, обстоятельством все еще: Мне хотелось уснуть, но сон не приходил (К.Паустовский); Между тем деревня все еще не показывалась (Д.Григоревич); Надо сказать какое-то первое слово, а оно, как нарочно, не приходит на язык (В.Рождественский).

То, что описываемое значение связано именно с состоянием наблюдателя, а не с действием субъекта, подтверждается примерами, в которых субъект движения не является активным агенсом, ср. деревня не показывалась, сон не приходил, слово не приходит на язык.

Данное значение выражается только личной формой глагола, конструкции с деепричастием не придя, не появляясь не имеют в контексте отрицания конкретно-процессного значения. Повидимому, это объясняется тем, что эти конструкции предполагают в русском языке обязательное тождество субъектов двух действий, либо действия и состояния, для выражения же описываемого значения необходимо, чтобы субъект действия и субъект состояния (наблюдатель) не совпадали.

4.2.3. Значение длительности как состояние субъекта.

4.2.3.1. Это значение выражается в высказываниях с глаголом замечать в неконтролируемом значении¹⁰. В словаре дается следующее толкование этого значения замечать: 1) "воспринимать зрением, видеть", 2) "воспринимать слухом, слышать". Несовершенный вид глаголов в толкованиях не совсем точно отражает реальное положение вещей. Замечать в утвердительной форме не синонимично формам видеть и слышать,

¹⁰ Этот глагол с частицей не имеет также контролируемое значение намеренного действия (поведения) ср.: Сама был горд и не замечал меня (М.Горький). В этом лексическом значении при отрицании он имеет конкретно-процессное значение. В утвердительной форме он не употребителен, используется его синоним обращать внимание.

выражающим длительное состояние субъекта, а скорее формам СВ – увидеть, услышать, имеющим значение наступления состояния, так как замечать, как и заметить, обозначает точку – наступления состояния. При отрицании значение глагола меняется: снимается значение наступления одного состояния и обозначается другое состояние субъекта. Это состояние уже представляет собой не точку, а длительность, что позволяет глаголу замечать выражать конкретно-процессное значение. Не замечать в значении "воспринимать зрением" синонимично глаголу не видеть, не замечать в значении "воспринимать слухом" синонимично не слышать. Ср. типовые контексты: Смотри, он нас не замечает = 'он на не видит', Он долго спал, не замечая уличного шума = 'не слыша уличного шума'. Ср. также: Никто не замечал маленькую худую женщину, которая провозжала взглядом струю воды... (И.Смоктунувский); Пока Иван пил чай, мимо него проходил то один, то другой член семьи, но ... словно не замечали его (Э.Казакевич). Это же значение имеет и деепричастие: Она шла в раздумье, ничего не замечая (И.Тургенев).

4.2.3.2. Состояние субъекта обозначается также в высказываниях с начинательными глаголами задумываться, заговаривать, запевать. Структура значения этих глаголов как бы обратна структуре значения глаголов-"свершений" типа доходить. В их значении выделяется ассертивная часть – точечное значение начала процесса или состояния и неассертивная часть – последующая длительность, продолжение процесса или состояния. Однако, вопреки известному правилу, согласно которому отрицание действует только на ассертивную часть, в данном случае отрицанию подвергаются обе части значения глаголов. Это представляется вполне естественным, так как нельзя продолжать процесс, который не начался: процесс может не иметь фазы завершения (не доходя, не находил), но не может не иметь начальной фазы. Отрицается, таким образом, и значение точки (начала) и значение длительности (продолжения действия). В результате обозначается некоторое состояние субъекта, имеющее длительность, что позволяет этим глаголам выражать конкретно-процессное значение. Ср.: Что с тобой происходит, почему ты не начинаешь петь? – Я не запеваю, потому что еще не все собрались; Он не заговаривал со мной и я тоже молчал; Мы прошли минут пятнадцать, не заговаривая друг с другом. Во всех случаях начинательный глагол может быть за-

менен без изменения смысла высказывания на глагол, обозначающий соответствующее действие — не пел, не говорил, не разговаривал.

Глагол задумываться требует особого рассмотрения. В своем основном значении — "начинать размышлять о чем-либо" он не выражает конкретно-процессного значения ни в утвердительном, ни в отрицательном контексте. Ср.: *Я молчал, пока он задумывался над моим вопросом; *Учитель видел, что ученик смотрит по сторонам и не задумывается над его вопросом. Деепричастие не задумываясь имеет идиоматичное значение "решительно, без колебаний" (БАС) и, перейдя в наречие, утратило свои глагольные свойства.

* * *

*

Подведем некоторые итоги.

1. В статье были рассмотрены три группы глаголов русского языка, не выражающие в утвердительной форме конкретно-процессного значения и имеющие это значение в контексте отрицания. Это связано с тем, что отрицание, действуя только на ассертивную часть значения глаголов, меняет их значение: они обозначают при отрицании не точку, а длительность (которая содержится в их презумптивной части). Особым образом ведет себя отрицание с начинательными глаголами. Оно воздействует не только на ассертивную, но (вопреки установленному правилу) и на неассертивную часть их значения, что однако представляется вполне естественным, так как трудно представить себе продолжение действия, которое не было начато.

2. Отрицание меняет аспектуальный характер глагола, помещает его в другой аспектуальный класс (в смысле классов Э. Бендлера и семантических типов предикатов Т. В. Бульгиной). Глагол находить, например, относится к классу "свершений" (Наконец-то я нашёл свои очки!), находить с частицей не уже относится к "попыткам", или "тенденциям" (Я долго не находил свои очки). Глагол замечать, относящийся к "происшествиям", в контексте отрицания передает временное состояние субъекта (Она шла, ничего не замечая). Глаголы типа появляться, приходить являются точечными, а при отрицании обозначают временные состояния, но не субъекта действия, а наблюдателя (Сон долго не приходил). Начинательные глаголы запевать, заговаривать, которые пока трудно отнести к какому-либо из

существующих классов, при отрицании обозначают состояние субъекта (Он долге со мной не заговаривал).

3. Важным для реализации конкретно-процессного значения оказался признак контролируемости/неконтролируемости действия. Глаголы, обозначающие неконтролируемые действия (случаться, терять), в значении которых нет указания на предшествующую длительность, не выражают в контексте отрицания конкретно-процессного значения.

4. В статье были уточнены лексические значения некоторых глаголов, в частности находить и приходить.

В заключении отметим, что проблема влияния отрицания на аспектуальный характер глагола, семантику глагольной леммы в целом и на значения видов глагола, затронутая в статье на материале лишь трех групп глаголов, является важной и малоизученной. Исследования в этом направлении могут углубить наше представление и о семантике вида, и об отрицании в плане выделения нетривиальных значений отрицания (в смысле /3/).

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Апресян Ю.Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. — В кн.: Восприятие языкового значения. Калининград, 1980, с. 27–48.
3. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
5. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982.
6. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
7. Калабухова Т.А. Употребление видов глагола при отрицании. АҚД, Л., 1975.
8. Калабухова Т.А. Обедофактическое значение несовершенного вида при отрицании. — В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976, с. 47–60.
9. Калабухова Т.А. Потенциальное значение высказываний с формами несовершенного вида при отрицании. — В кн.:

- Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985, с. 72-82.
10. Кумар Й. Основная видовая оппозиция и роль отрицания. - *Russian Linguistics*, 1977, № 3.
  11. Маслов Д.С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке. - В кн.: Очерки по аспектологии. Л., 1984, с. 48-65.
  12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
  13. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. - В кн.: Семантические типа предикатов. М., 1982, с. 87-157.
  14. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
  15. Шелякин М.А. О функциях видовых форм русского глагола при отрицании действия. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, № 719, Функциональные аспекты грамматики русского языка. Тарту, 1985, с. 109-115.
  16. Edgren E. The progressive in English: another new approach. - In: *Studia linguistica*, v. 38, № 1, 1985, p. 67 - 83.
  17. Lehmann V. Affigierung und Verbedeutung. - In: *Beitrag zur aspektuellen Klassifizierung russischer Verben. Slavistische Beitrage. Bd. 181.*
  18. Vendler Z. Verbs and times. - In: *Der Englische Aspekt* (ed. A. Schopf). Darmstadt, 1974, p. 217 - 234.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКО-ЭСТОНСКОЙ ИДИМАТИЧНОСТИ
НЕСВОБОДНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ
(на материале сочетаний с глаголом давать
и с его эстонским соответствием andma)

Э.А. Вайгла

Несвободные (иначе — фиксированные, устойчивые) сочетания аналитической семантики (в первую очередь модели Г+С и Пр+С) в последние десятилетия постоянно привлекают к себе внимание исследователей. Это не случайно: круг проблем, связанных с номинативными единицами этого типа, широк и разнообразен: фразеологический статус несвободных сочетаний, степень их идиоматичности, вопросы серийной, групповой и единичной сочетаемости, десемантизация стержневого элемента и др. Теоретически и практически существенны вопросы сочетаемости компонентов несвободных сочетаний; особую остроту эти вопросы приобретают в двуязычной ситуации (обучение языку, перевод, лексикография).

Исследование несвободных сочетаний связано со значительными трудностями и на материале одного языка. Наглядно об этом свидетельствует книга О.Н. Селиверстовой (8), своего рода образец этой трудоемкой работы, требующей кропотливого, поэлементного изучения несвободных сочетаний. Хорошо известна прихотливость, "капризность" сочетаемости их компонентов, ибо "сочетаемость слов определяется не только сочетаемостью понятий, которая лежит вне языка, но и внутриязыковыми факторами — различными привычками, закономерностями, определяющими выбор слов при их соединении" (2, 203).

Количественно же этот пласт особых структурно-семантических средств номинации в современном русском языке весьма многочислен (в работе Г.И. Климовской /3/ приводится внушительная цифра порядка 50 000 единиц).

Понятие межязыковой идиоматичности (МЯИ), как известно, теоретически в советской лингвистике разрабатывалось прежде всего в работах М.М. Копыленко (4). Ряд аспектов МЯИ несвободных сочетаний подвергался анализу на русско-английском и русско-немецком материале (см., например, диссертационные

работы: 6, 7); Практической необходимостью продиктован выход в свет ряда словарей и сборников несвободных сочетаний, ориентированных прежде всего на изучающих русский язык как иностранный.

Чаще всего в сопоставительных работах ставится задача выяснить совпадения-расхождения определенных групп несвободных сочетаний в сопоставляемых языках, исследуется характер этих совпадений и расхождений, их количественные соотношения и т.п. Естественно, уже само выявление и регистрация единиц этого типа - необходимо и важно, как и любое их описание. В то же время неизбежно возникает вопрос о природе и факторах МЯИ, вопрос о закономерностях ее возникновения, в конце концов, вопрос о наличии/отсутствии этих закономерностей и о возможности их выявления.

О русско-эстонской МЯИ сочетаний этого типа специальные исследования не публиковались; отсутствуют и русско-эстонские словари этих единиц.

Представляется, работа по русско-эстонскому сопоставлению несвободных сочетаний должна преследовать цели: 1) определить реальные схождения и расхождения и 2) по возможности выявить их причины, закономерности, хотя бы тенденции, - приводящие к МЯИ.

Традиционный путь исследования несвободных глагольно-именных сочетаний - путь от глагола: анализ сочетаний с тем или иным глаголом Γ_1 и их соответствий в Γ_2 . Известно, что в МЯИ чаще "виновен" глагольный компонент, и этой не случайно: существительное как семантический центр сочетания обычно не только сохраняет свое первичное значение, ибо непосредственно связано с обозначаемым внеязыковым явлением, но в известном смысле "заражает" этим значением глагол, а при переводе обычно выражается "первообразными" лексическими средствами, основными словарными соответствиями. Глагол же как грамматический стержень в этом смысле менее "обязателен": он в известной степени десемантизируется и в определенных условиях может в качестве строевого элемента быть заменен другими глаголами. МЯИ чаще всего и обусловлена специфическим переводом глагольного компонента. Поэтому имеет смысл рассматривать словосочетания по сериям, образующимся с тем или иным глаголом. Более того, думается, что характер глагольного компонента в разных его аспектах так или иначе находит отражение в механизме образования несвободных сочетаний. В этом смысле небезразличными могут оказаться та-

кие свойства глагола, как его частотность в языке в целом и продуктивность в сфере Г+С, степень его десемантизации, широта/узость его семантики и др. Бесспорно, наибольший интерес представляют многочисленные серии.

Ниже будут рассмотрены сочетания с глаголом давать и их эстонские соответствия. Выбор не случаен: это один из наиболее употребительных русских глаголов (по "Частотному словарю русского языка" под ред. Л.Н. Засориной /15/ входит в число пяти самых частотных русских глаголов), в то же время это и один из наиболее продуктивных глаголов в области Г+С (подсчеты по словарю В.М. Дерибаса: 11). Мы рассматриваем сочетания Г+С без предлога с существительными в функции прямого объекта. Источником материала послужили специальные и толковые словари (10, 11, 12, 13, 14)¹. Эстонский материал во многом опирается на картотеку лексикологического сектора ИЯЛ АН ЭССР. Нашу цель мы видим в выявлении объема, природы и - по мере возможности - факторов русско-эстонской идиоматичности этих сочетаний, иначе, делается попытка определить наличие и причины нерегулярного, специфического перевода этих единиц на эстонский язык.

Первым шагом была семантическая классификация существительных (в подавляющем большинстве это существительные абстрактного значения), с которыми сочетается глагол давать, а также его эстонское соответствие andma в функции прямого объекта. При этом мы имели возможность использовать имеющиеся разработки (прежде всего следует назвать упомянутую выше книгу О.Н. Селиверстовой, а также статью З.В. Белкиной: 1). Однако выделенные нами группы сочетаний в целом не повторяют результатов указанных исследований. Мы определили по общей семантике компонента С 14 групп сочетаний в русском языке и 13 - в эстонском, из них 12 совпадающих. Не учитывалось прямое, исходное значение, с которыми образуются, как правило, свободные словосочетания с нулевой МЯИ. В каждой из выделенных групп инвариантное значение глагола определенным образом модифицируется, выражая некоторый вариант семантики глагола. Следует отметить, что для наших целей несуществен "ранг", статус этих вариантов - самостоятельное ли это значение или т.н. "оттенки".

¹ Тем не менее мы не берем на себя смелость утверждать, что материал в работе охвачен с абсолютной полнотой: вряд ли все сочетания фиксируются в словарях; более того, нормативность сочетаний этого типа нередко спорна, о чем говорят результаты соответствующих экспериментов (5, 33-47), как и сам факт их проведения.

Исходным определением инвариантного значения глагола давать, а также, естественно, andma может служить определение, данное О.Н. Селиверстовой: :Глагол дать <...> вносит информацию о том, что денотат подлежащего исключает У из своего "существования" и/или включает его в сферу отношений другого объекта, который обозначен косвенным дополнением" (8, 168). Следовательно, семантический инвариант глагола давать предполагает трехактантную ситуацию: субъект действия (денотат подлежащего), объект "давания" (обозначаемый О.Н. Селиверстовой символом У) и адресат действия – денотат косвенного дополнения. Модификация исходного значения нередко сопряжена с отсутствием подлежащего, а также косвенного дополнения. Однако необходимо подчеркнуть, что мы не ставим нашей целью исследование дополнительных языковых условий реализации некоторых значений – условий семантических, контекстных, ситуативных (особый характер подлежащего–субъекта /8, 169 и след./, отсутствие подлежащего или косвенного дополнения и др.). Эти явления требуют специального исследования. Нас же интересует принципиальная возможность "обычного", неспецифического перевода компонентов сочетания.

Количество сочетаний в группах, помимо сочетаемостного фактора, во многом зависит от самой семантики группы, от объема круга понятий в ней и, следовательно, от количества существительных, покрывающих этот круг понятий. Есть группы с весьма широкой серийной сочетаемостью, граничащей со свободной, есть и группы, включающие ограниченный круг сочетаний.

Отметим, что некоторые существительные проявляют своеобразную "диффузность" семантики и могли бы быть отнесены в разные группы: так, слова рецензия, характеристика совмещают в себе в известной степени значение информации и оценки, урок – это и некоторый род информации, и определенное специфическое мероприятие. Наличие таких случаев, в целом единичных, как кажется, не колеблет основ нашей классификации.

Итак, классификация сочетаний Г+С с глаголом давать и, соответственно, с andma – с учетом семантики компонента С и общей семантики сочетаний – приобрела следующий вид. Сочетания приводятся без пословного перевода; однако оговариваются случаи МЯИ.

1) Обширную группу – как в русском, так и в эстонском языке – составляют сочетания, компоненты С в которых могут быть объединены понятием информации в той или иной ее форме,

в том числе письменного или устного сообщения. Адресат информации может быть конкретным или же неопределенным, иногда "обобщенным", предполагаемым: давать адрес, телефон; весть, депешу, телеграмму (но: ⁺ давать известие, письмо); анализ, аннотацию; обзор, описание, картину (чего-л.), классификацию; отчет; объявление, сообщение, опровержение, уточнение; заключение, решение (вопроса); информацию, сведения, цифру/н/, показания; характеристику; определение, формулировку; прогноз; интервью; консультацию; объяснение, разъяснение, толкование; понятие, представление; идею, мысль, ключ (перен.); пример, образец; урок (как своего рода информация) и др.

Сюда же можно отнести С со значением средства и способа передачи информации: давать гудок, свисток, звонок, знак, отбой, ракету, сигнал.

Такого же рода широкой сочетаемостью характеризуется и эстонский глагол *andma* в рассматриваемом значении: *aadressi, telefoni /mumbrit/; analüüsi, annotatsiooni; ülevaadet, kirjeldust, pilti* (перен.), *klassifikatsiooni; otsust; informatsiooni, andmeid, teateid, ütlusi, tunnistust; iseloomustust; definitsiooni; ennustust; lahendust; intervjuud; konsultatsiooni; seletust, selgitust, tõlgendust; ettekujutust, aimu; ideed, mõtet, võtit* (перен.); *näidet, eesküja; tundi andma* и др.

Ср. также: *vilet, kella, uksekella, ära kella, rasunat, udurasunat andma* и некот. др., а также *alarmi, häiret andma* (букв. давать тревогу).

Итак, в рассматриваемой группе в целом наблюдается значительное сходство сочетаемости. В большинстве случаев возможен и дословный перевод сочетаний в обоих направлениях.

И все же сочетаемость не полностью тождественна. Не поддаются дословному переводу на эстонский язык сочетания давать весть, депешу, телеграмму: эстонский язык соответствующие сочетания строит обычно с глаголом *saatma* 'отправлять, посылать' и с его синонимами². Сочетания давать объявление, сообщение, опровержение, уточнение имеют значение информации, передаваемой в целях оповещения широкого круга

² Хотя в картотеке сектора лексикологии и зарегистрировано словоупотребление *anti telegramm* 'была дана телеграмма' (из художественного текста), оно эстонскому языку несвойственно и требует определенных контекстуальных и стилистических условий.

людей. В эстонском языке глагол **andma** с существительными этого значения, как правило, не используется (впрочем, существует сочетание **teada andma**/буквально давать знать, т.е. 'сообщить'/). Сочетанию давать знак соответствует в эстонском сочетании (с дефектной парадигмой существительного) **märku andma**. Особый случай - давать отчет. По-видимому, характер самого эстонского существительного (отчет - **aruanne**) не позволяет его использовать с глаголом **andma**; употребляется идиоматическое сочетание **aru andma** 'отчитываться' (в зависимости от контекстных и ситуативных условий возможны, разумеется, и сочетания **aruannet esitama** 'предъявлять отчет', **aruandega esinema** 'выступать с отчетом'). Неупотребительно в эстонском языке сочетание **raketti andma** - давать ракету. Эстонско-русская идиоматичность возникает при переводе сочетаний **alarmi, häiret andma** - букв. давать тревогу; ср. русск. бить, поднимать тревогу.

2) Многочисленны сочетания с глаголом давать в значении 'предоставлять' (или близком к нему) с существительными, обозначающими то или иное условие, возможность и т.п.: давать власть, должность; право, полномочия; преимущество, привилегии, льготу/н/; гарантию, возможность, шанс; работу; основание, повод, стимул, толчок (перен.); волю, выход, свободу, санкцию; пощадку; ход (чему-л.), простор, размах, пищу (перен.); место, помещение, дорогу; ночлег, пристанище, приют; время, отсрочку; передышку, роздых, отпуск, отставку; слово (разрешать выступление); жизнь, начало, старт.

Как примыкающие к этой семантической группе можно, по-видимому, рассматривать сочетания с существительными в значении некоторых материальных "условий": давать аванс, задаток, взятку, пенсию, расчет, ссуду.

Отметим, что в обоих языках возможны лишь сочетания с существительными в значении положительного условия.

Широкую сочетаемость с существительными указанной семантики обнаруживает эстонский глагол **andma**: **võimu, ametit; õigust, volitusi; eesõigust, privileege, soodustust/i; garantiid, võimalust, äanssi; tööd; alust, põhjust, põhjendust, ajendit, stiimulit, impulssi/e, tõuget**(перен.); **voli, vabadust, sanktsiooni; käiku, hoogu, toitu**(перен.); **kohta, maad, ruumi, teed; õõnaja, /pea/varju, ulualust; aega, /aja/pikendust; hingetõmbeaega, hõlpu, puhkust; sõna; elu, algust, starti, lähet andma, а также avanssi, tagatist, käsiraha, laenu, altkäemaksu, pensioni, lõpparvet, krediiti andma.**

Большинство сочетаний имеют и тождественные соответствия. Случаев МЯИ немного. Русскому давать отставку соответствует в эстонском *ergu laskma* (существительное дефектной парадигмы) – букв. пускать в отставку. Давать пощадку (= щадить) находит в эстонском глагольное соответствие *halastama* (эстонское *argu andma* /букв. давать милость/ имеет значение 'помиловать'). В эстонско-русском направлении интересно отметить группу /*esma/abi, toetust, tuge, kaitset andma* – при 'давать помощь, поддержку, содействие, защиту: сфера, в русском языке "обслуживаемая" глаголом оказывать. См. также *rahnist andma* (перен.) 'делать, вносить вклад'. При переводе *laenu andma* – давать займы, в долг МЯИ возникает в связи с именным компонентом.

3) Существительное имеет значение той или иной разновидности оценки деятельности человека, а также средства выражения этой оценки: давать вознаграждение, награду, грамоту, премию, орден, повышение, чин/н/; выговор, нагоняй, головомойку; отзыв, оценку, рецензию.

Ср.: *autasu, aukirja, preemiat, ordenit, ametikõrgendust, aunimetust, aukraadi/e/; peapesu; hinnangut, retsensiooni andma.*

Небезинтересно отметить, что в обоих языках отсутствуют сочетания с существительными, имеющими более общее значение оценки: 'давать одобрение, осуждение, упрек и соответственно – + *heakskiitu, etteheidet, hukkamõistu andma.*

Русско-эстонская идиоматичность возникает при переводе сочетаний давать выговор, нагоняй, головомойку: в эстонском обычно – *noomitust, peapesu tegema* 'делать' (хотя в картотеке ИЯЛ АН ЭССР зарегистрировано и сочетание *peapesu andma*). Отметим, что вместо *noomitust tegema* 'делать выговор' в эстонском более употребительно конверсивное *noomitust saama* 'получить выговор'.

В картотеке сектора лексикологии ИЯЛ АН ЭССР зарегистрированы и сочетания *tähendust andma* (букв. давать значение; ср. русское придавать значение), *vüüd andma* (букв. давать вину – 'обвинять, винить').

Примыкает сюда и сочетание *õigust andma* в значении 'оправдывать кого-л., признавать чьи-л. суждения, действия правильными' (букв. давать кому-л. правоту).

4) Достаточно широка сочетаемость глагола давать с существительными, обозначающими результат действия, труда, це-

ленаправленного процесса. Адресат обычно не выражен в виде косвенного дополнения, но в известном смысле подразумевается: тот, кто так или иначе пользуется результатами труда, действия.

Давать продукцию, норму, выработку; брак; выгоду, доход, прибыль, прирост, сборы; прирост; пользу, плоды (перен.), результаты, эффект; победу; опыт, урок (перен.); осечку, ошибку.

Ср. *toodangut, normi* (напр., *kaks normi vahetuses andma*); *praaki; kasumit, sissetulekut, kassat; juurdekasvu, järelkasvu; kasu, tulemusi, tagajärgi, efekti; võitu; kogemusi, õppetundi* (перен.) *andma*.

Глагол *andma*, как правило, не сочетается с существительными *tõrge* 'осечка' (в обоих значениях), *viga* 'ошибка' (и с синонимами этого слова). Специфического перевода требует также сочетание давать плоды: *vilja kandma* (букв. носить плоды; ср. русское приносить плоды).

5) В ряде сочетаний субстантивный компонент имеет значение некоторой "формулы" руководства к действию. Адресат — чаще конкретное лицо/лица: давать директиву, приказ, приказание, команду, наказ; распоряжение; наставление, предписание, указание, установку, инструкцию, ориентир, рецепт (перен.); задание, поручение; совет; назначение, направление; заказ, заявку.

Ср. эстонские сочетания: *direktiivi, käsk; käsklust, korraldust; juhendit, juhatus, juhtnöore, näpunäiteid; suunist, orientatsioon, retsepti* (перен.), *ülesannet, nõu andma*.

Различия наблюдаются в трех семантических микрогруппах: давать назначение, направление (в эстонском — глагольные соответствия *määrama* 'назначать', *suunama* 'направлять') и давать заказ, заявку, где обычное соответствие также однолексемное — *tellima* 'заказать', реже *tellimust sisse andma*; в устной речи встречается и *tellimust andma*. Эстонский язык допускает и сочетания *seadust/si/, seadlust/si/, määrust/si/ andma*, что приводит к эстонско-русской МЯИ: глагол давать не сочетается, как правило, с существительными закон, постановление.

Давать предписание переводится обычно как *ette kirjutama* 'предписывать', при *ettekirjutust andma*.

6) Немногочисленны существительные, обозначающие "ответное действие на некоторое требование, просьбу, претензию,

вопрос" (8, 177): давать ответ; отказ, отвод, отповедь, отпор; согласие, позволение, разрешение; реванш, сатисфакцию (но: + давать извинение, запрет, запрещение). Вслед за О.Н. Селиверстовой причисляем сюда - с некоторой оговоркой - сочетание давать клятву, зарок, присягу; обязательство, слово, обещание.

Ср. в эстонском: *vastust*; *vastulõõki*; *nõusolekut*, *luba*; *revanši*, *satisfaktsiooni*; *vannet*, /*vande/tõotust*, *sõna*, *lubadust andma*.

Сочетание давать отвод имеет в эстонском однолексемное соответствие *taandama* 'отвести'.

7) Немногочисленна в русском языке и группа сочетаний с существительными, обозначающими качества, свойства: давать воспитание, образование; силу, крепость, твердость, устойчивость; характер (чему-л.) а также давать форму; выражение, внешность, вид (ИЗ); смысл, хотя большинство этих существительных обычно сочетаются с глаголом придавать; сочетания же с давать в ряде случаев имеют оттенок устарелости.

У эстонского *andma* сочетаемость с существительными в этом значении шире: в русском "контигент" существительных этой семантики "делят" между собой глаголы давать и придавать (см. также 8, 172).

Ср. *kasvatust*, *haridust*; *jõudu*, *kindlust*, *tugevust*, *vastupidavust*, *püsivust*, *stabiilsust*; *iseloomu*; *vormi*, *kuju*, *ilmet*, *väljanägemist andma*, а также *tähtsust*, *kaalu*; *kuraasi andma* и др. (букв. давать значение, вес; задор).

8) С - наименование чувства, ощущения, психического состояния: давать (кому-л.) счастье, любовь, наслаждение, удовлетворение, радость; сознание (чего-л.); веру (во что-л.), уверенность; покой, успокоение, спокойствие; смелость, храбрость, мужество.

Группа немногочисленна, возможны лишь названия положительных эмоциональных состояний, однако и здесь с ограничениями (напр., ^ждавать восхищение).

Ср. *õnne*, *armastust*, *rahuldust*, *lootust*; *kindlustunnet*; *hingerahu*; *julgest andma*.

Однако глагол *andma* в этом значении сочетается с ограниченным кругом существительных. Одна из причин этого - "конкуренция" с глаголами *pakkuma* ('предлагать') в значении 'доставлять', *tegema* ('делать'), *valmistama* ('уготавливать'). Ср. *naudingut pakkuma*, *valmistama* - давать наслаждение; *rõõmu tegema*, *valmistama* - давать радость; обычно и *rahuldust*

раkkima - давать удовлетворение.

О.Н. Селиверстова отмечает, что большинство сочетаний этой семантической группы требует дополнительных языковых условий, одно из которых - употребление (обычно) с глаголом мочь. Интересно отметить, что в эстонском языке наблюдается аналогичное явление. Ср. Только ты можешь дать мне счастье (8, 173) = ainult sina võid mulle anda õnne. Сочетание давать покой, как и эстонское rahu andma используется, как правило, в отрицательной конструкции: не дает покоя = ei anda rahu.

9) Есть немногочисленная группа сочетаний, в которых глагол выступает в значении 'именовать, называть', существительное же имеет семантику собственно наименования: давать имя, кличку, название, прозвище.

Ср. nime, hüüdnime andma.

10) Субстантив имеет значение некоторого мероприятия, события, организуемого, как правило, для "множественного" участника: давать завтрак, обед, ужин; вечер, бал; спектакль, концерт, представление; сеанс одновременной игры. Думается, сюда же можно отнести существительные иной семантики: давать бой, сражение. Семантическая модификация давать - 'устраивать, организовать'.

В картотеке ИЯЛ АН ЭССР представлены аналогичные сочетания эстонского языка: einet, dineed, (pidulikku) õhtusõõki; pidu; balletiõhtut; etendust, kontserti, eeskava; simultaani andma. Засвидетельствовано в картотеке и lahingut andma.

11) Существительное обозначает "результат приложения физической силы" к кому-л. (8, 175).

Давать пинок/пинка, подзатыльник, пощечину, шлепок/шлепка, а также дать сдачи. То же с названиями существительных в значении орудия наказания, экзекуции; дать палок, плети/плетей, розги/розог (но +дать дубины и др. под.); ср. также дать шпоры.

Представляется, что с оговоркой могут быть отнесены сюда и сочетания давать выстрел, залп, огонь, очередь (из автомата).

Ср. jalahoopi, müksu, võmmu, kõrvakilu, laksu, obadust andma и др. Шире глагол andma сочетается с названиями "орудий" побоев: kerpi, piitsa, muuti, vitsa, а также malakat, kaigast andma (дать дубины); не только panku, kogupanku, tuld, valangut andma, но и kuuli, tina andma (дать пулю, свинца) и даже püssi andma (букв. дать винтовки - 'застрел-

лить, расстрелять'). Есть и сочетание **kannuseid andma**.

О.Н. Селиверстова обращает внимание на факт, что глагол **давать** не сочетается со словами **удар**, **толчок**, т.е. с существительными более общего, родового значения (8, 175). В эстонском языке сочетания **hoopi, lõõki andma** (букв. дать удар) имеют переносное значение; для реализации прямого значения физического действия требуется "поддержка" со стороны контекста - уточнение характера удара: **andis hoobi käeseljaga** (дал удар тыльной стороной руки), **andis osava hoobi**, **andis hoobi vastu pead** (дал ловкий удар, дал удар по голове); ср. также **gusika hoop, jalahoop** (не **lõök!**) (удар кулаком, ногой).

Своего рода идиоматичность возникает при переводе словосочетания **давать выстрел**, где у существительного более или менее равноправных соответствий два: **lask** и **pauk**. Возможно **pauku andma**, при **lasku andma**.

12) Своеобразно модифицируется значение глагола с существительными, обозначающими результат естественного процесса, происходящего в самом субъекте: **давать течь, трещину, щель**; **всходы, побеги, ростки, цветы, плоды, урожай**; в ряде случаев глагол приобретает значение, близкое к 'выделять, образовать': **давать дождь, воду, влагу, пену, осадок, пар; тепло, свет, освещение и др.**

Ср. **võausid, kasve, õisi, vilja, saaki, lõikust; vihma, vett, marga, sadet, auru, varju, sooja, valgust andma**, а также **värvi andma** (букв. давать краску 'лнить' /под воздействием влаги/), **karvu andma** (букв. давать шерстинки 'лнить' /о воротнике и т.п./). Не имеют аналогичных соответствий в эстонском сочетании **давать течь, трещину, щель**³.

13) Существительное - наименование движения самого субъекта - не-лица: **дать заворот, задний ход, колено, поворот/н/, прыжок, скачок**. Но **дать шаг**. Для эстонского языка сочетания этого типа нехарактерны.

14) Особую группу составляют единичные сочетания, в которых глагол приобретает значение 'ослабить, отпустить': **давать вошки, поводок, поводья**. "Адресат" - животное. Глагол **andma** в этом значении не употребляется. Аналогичные сочета-

³ Отметим, однако, что, по-видимому, **pragu andma** ('давать трещину, щель') в принципе не "противопоказано" эстонскому языку, по крайней мере, переносно и в occasionalном словоупотреблении (?): в картотеке сектора лексикологии ИЛИ АН ЭССР зарегистрирован пример из поэтического текста.

ния возможны со слитными глаголами⁴ *järele andma* и *järele laskma* 'ослабить, отпустить', у которых сочетаемость с существительными широкая, по-видимому, свободная; см. напр., *pööri, kõit, trakse järele andma/laskma* 'ослабить веревку, канат, подтяжки' и др. Однако эстонский язык не позволяет строить фразы с названием животного в функции косвенного объекта (ср. *Вася дал вожжи лошади /ИЗ/*).

15) Эстонский глагол *andma* образует сочетания особой семантики, отсутствующей у русского глагола давать, и толкуемой по данным картотеки ИЯЛ АН ЭССР как 'использовать орудие, инструмент, приспособление и т.п. для наладки, обработки чего-либо'. "Адресат" (может быть и невыраженным) — предмет, приспособление и т.п., подвергаемое действию: *starterit, pidurit andma; vikatile luisiku andma* (давать стартер, тормоз; давать косе оселка) и др.

Особняком стоят некоторые сочетания несерийной, единичной сочетаемости, граничащие с фразеологическими оборотами, в отличие от которых их субстантивный компонент сохраняет самостоятельность семантики (значения, фиксируемые в толковых словарях). В нашем материале таких единиц немного: дать голос 'заговорить, закричать', дать крику, дать веру чему-л. 'поверить', дать промах. Сюда же, как кажется, следует отнести сочетание дать занавес. Эстонских соответствий с глаголом *andma* указанные сочетания не имеют. Следует отметить, что МПИ не коррелирует со степенью идиоматичности самих сочетаний: внутри- и межъязыковая идиоматичность, как известно, — относительно самостоятельные явления.

Итак, в типологии сочетаний с глаголами давать и *andma* по модели Г+С в функции прямого объекта наблюдается не только большое разнообразие семантики (в русском языке I4 семантических групп, в эстонском — I3), но и весьма значительный диапазон совпадений — I2 в целом тождественных семантических групп.

Во всех группах, сочетаясь с существительными, входящими в эти группы, значение глагола в большей или меньшей степени модифицируется: давать — 'сообщать, доставлять, наделять, присваивать, предоставлять в чье-л. распоряжение, делать возможным, устраивать' и др.

⁴ Слитные глаголы эстонского языка (*ühendverbid*) представляют собой сочетания глагола с наречием (9), функционирующие в большинстве случаев аналогично русским приставочным глаголам.

Однако в большинстве случаев сохраняется – также в разной степени – экстралингвистическая трехчленность ситуации. Субъект – подлежащее и объект – косвенное дополнение могут не иметь языкового выражения, однако же они при этом обычно подразумеваются (см. также 8, Г70, Г76 и др.). Адресат "экстралингвистически" отсутствует лишь в двух случаях: не предполагает адресата естественный процесс, а также физическое движение самого субъекта (не-лица). Естественно, отсутствует здесь и "давание" (Saus иметь) в любой его форме и модификации; следовательно, распадается обычная трехактантная ситуация. Можно бы спросить, почему в таком случае привлекается глагол давать. Это, как кажется, объясняется тем, что результат естественного процесса или движения воспринимается как бы с точки зрения субъекта, в том или ином смысле не безразличного к происходящему, так или иначе расценивающего происходящее. Хотя значение глагола предельно удалено от исходного, некоторый его "ореол", пусть весьма слабый, по-видимому, сохраняется, что и объясняет функционирование глагола давать в роли стержневого элемента, наряду с другими способами выражения этого содержания; различие в весьма тонкой нюансировке. Ср. дать скачок и сделать скачок: налицо интерпретация ситуации под несколько иным углом зрения. В целом наблюдается своего рода парадокс: взгляд на "безадресатную" ситуацию через призму лица (или даже не-лица) – весьма условного "адресата". Следовательно, и в случаях полного, казалось бы, отхода от "классической" трехактантной формулы – с неопределенным, обобщенным, иногда лишь подразумевающимся адресатом – обычно сохраняются некоторые отголоски исходного значения, по природе своей требующего трехчленной ситуации.

Хотя механизм образования сочетаний с глаголами давать и *andma* обнаруживает в целом значительное сходство, все же представляется, что эстонский глагол в несколько большей степени придерживается исходной семы. Так, в эстонском, как мы видели, отсутствуют сочетания с *andma* в значении движения субъекта, что представляет собой наиболее явный случай распада трехактантной ситуации. Иначе в эстонском языковом сознании видится ситуация, в которой глагол давать выступает в значении 'ослабить, отпустить'. Эстонский язык интерпретирует ее иначе – не как "давание" адресату-животному (впрочем, и в русском языке здесь весьма своеобразная интерпретация "давания": уменьшение воздействия на "адресата").

Что касается сочетаний со значением естественного про-

цесса, то глагол *andma* в них возможен, как представляется, по той причине, что здесь более явственен момент значимости результата процесса для кого/чего-либо.

У русского глагола давать, как мы видели, отсутствует значение 'налаживать, обрабатывать что-л. с помощью некоторого предмета'.

Следовательно, первый фактор МЯИ имеет семантическую природу. Опираются на семантику и некоторые частные сочетаемостные особенности. Так, не имеют, как мы видели выше, тождественных соответствий в эстонском языке сочетания с существительными телеграмма, весть, депеша (названия определенных видов связи), а также с существительными сообщение, объявление, опровержение, которые семантически близки как формы информации с целью публичного оповещения людей. Не имеют эстонских аналогов с *andma* сочетания с существительными осечка, ошибка; назначение, направление; заказ, заявка; выговор, нагоняй, головомойка; течь, трещина, щель (последние в группе результатов естественного процесса своей семантикой (появление некоторого изъяна в субъекте действия) отличаются от других существительных этой группы). С другой стороны, не образуют сочетаний с глаголом давать существительные закон, постановление и др. под.; помощь, поддержка, защита и др.; отсутствует у русского давать семантический оттенок 'линять'. Объясняется семантически более широкая сочетаемость глагола *andma* в группе приложения физической силы: не только с наименованиями орудий "присужденной" экзекуции.

Одной из причин межъязыковых расхождений являются, по-видимому, некоторые свойства существительных. Не могут сочетаться с глаголом *andma* эстонские существительные *määramine* 'назначение', *ümlerlukkamine* 'опровержение', *taandamine* 'отвод', обладающие лишь значением *nomen actionis*. Сочетания *erru laskma*, *erru saatma* 'давать отставку' и некоторые другие имеют в своем составе существительное дефектной парадигмы, что и морфологически ограничивает структуру словосочетания. Иногда препятствием может становиться структура, мотивация и др. особенности субстантивного слова (см. выше отчет - *aruanne*, где *-anne* и *andma* - однокоренные слова).

Для характера русско-эстонских соответствий несвободных сочетаний Г+С существенны и соотношения русских бесприставочных и производных от них приставочных (особенно с несемантическими и слабосемантическими приставками) глаголов, с

одной стороны, и эстонских простых и т.н. слитных (см. о них выше, сноску 4) глаголов, с другой стороны, что обуславливает весьма разнообразные и сложные взаимосвязи и специфику использования глаголов в функции компонента сочетаний Г+С. Так, нередко русским сочетаниям с глаголами подавать, отдавать, придавать, сдавать соответствуют эстонские с *andma* (отдавать жизнь, голос, приказ, распоряжение, силы; отдавать, подавать команду; придавать значение; подавать надежды; задавать загадку; издавать запах, голос, звук /ср. в картотеке *asjad, mis häält annavad* — букв. вещи, дающие звук/).

Одна из причин МЯИ — разное распределение субстантивов между "конкурирующими" глаголами: давать — оказывать, *andma* — *pakkuma* — *tegeema* и др.

Иногда в сопоставляемых языках реализуется противоположный, конверсивный взгляд на ситуацию (давать выговор и *poositust saama* 'получить выговор').

Некоторые случаи представляют собой как бы ослабленную степень МЯИ — по "вине" субстантивного компонента: существительное переводится словарным соответствием, но "периферийным", весьма отдаленным от основного, первого. Естественно, такие сочетания в двуязычной ситуации представляют определенную трудность, как с точки зрения перевода, так и с точки зрения построения сочетания (давать выход чему-л., давать наставление и некоторые другие).

Случаев МЯИ, которые хотя бы предварительно следует отнести к объясняющимся только узусом, языковой традицией, в нашем материале немного. Таковы сочетания давать предписание, ракету, пощадку, плоды, в эстонско-русском направлении *rahuist, süid, õigust andma* (букв. давать вклад, вину, правоту) и некот. др.

Цель своего исследования наличие синонимических средств типа Г+С в сопоставляемых языках (ср. давать, делать, выносить, объявлять выговор). Существование синонимических возможностей выражения нередко приводит к нетождественному распределению "контингента" субстантивов между разными глаголами и их соответствиями.

Естественно, совершенно особый вопрос — внутриязыковая сочетаемость существительных с глаголом в пределах той или иной семантической группы.

Отметим, что классификация словосочетаний по субстантивному компоненту позволяет, как кажется, в некоторых случаях

отказаться от общих формулировок толкования значений ("с некоторыми существительными глагол образует сочетания со значением того или иного действия" и т.п.). Думается, и при составлении двуязычных словарей такая классификация способна в той или иной мере содействовать построению более целесообразной системы соответствий.

Как кажется, не требует доказательств необходимость составления и издания специальных двуязычных словарей и списков несвободных сочетаний, и не только тех, при переводе которых обнаруживается МИИ: важно дать читателю определенный набор хотя бы самых употребительных языковых средств этого типа. В выпущенном недавно "Учебном русско-эстонском словаре устойчивых словосочетаний" (16) представлены в основном идиомы; несвободные сочетания приводятся в весьма ограниченном количестве (с глаголом давать их в книге 7).

Теоретически же изучение русско-эстонской межъязыковой идиоматичности несвободных сочетаний должно дать представление о действующих в этой области тенденциях и закономерностях, что, как кажется, в конечном итоге могло бы лечь в основу сопоставительной типологии несвободных глагольно-именных сочетаний русского и эстонского языков.

Литература

1. Белкина З.В. Русские фразеологизмы с глаголом давать. — В сб.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. — М.: Международные отношения, 1977.
3. Климовская Г.И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Система. Границы. Функционирование. — Томск.: Изд-во Томского ун-та, 1978.
4. Копыленко М.М. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. — В жур.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1964, № 1.
5. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. — М.: Просвещение, 1973.
6. Муршель Е.П. Сочетания "глагол + абстрактное существительное" английского языка и их соответствия в русском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

7. Пеклер М.А. Русско-немецкая идиоматичность (на материале глагольно-субстантивных сочетаний, образуемых частотными переходными глаголами). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1967.
8. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
9. Rätsep H. Eesti keele väljendverbide olemusest. - Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1973, N 1.
10. Демидова А.К., Шенцова С.В. Русско-английские эквиваленты глагольно-именных словосочетаний. - М.: Высшая школа, 1984.
11. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. - М.: Русский язык, 1975.
12. Словарь русского языка в четырех томах. Т. I. - М.: Русский язык, 1981.
13. Словарь современного русского литературного языка. Т. III. - Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
14. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. - М.: Русский язык, 1978.
15. Частотный словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1977.
16. Шанский Н.М., Быстрова Е.Н., Окунева А.П., Рюмет А.Э. Учебный русско-эстонский словарь устойчивых словосочетаний. - Таллин.: Валгус, 1983.

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА РУССКОГО ЯЗЫКА

М.А. Шелякин

В настоящей статье, как и в статье, посвященной семантическому описанию дательного падежа (I), мы исходим из признания локальных значений падежей как первичных, отправных для всех других падежных значений и положения А.А. Потебни о том, что "...лучше, как это и делают, при изложении значений падежей руководствоваться лишь генетической их связью, как бы она не казалась сомнительной" (2, 432). Эти взаимосвязанные принципы описания падежей одинаковы как для изучения исторического развития падежных значений, так и для выделения и соответствующего определения падежных значений в современном языке с одной только разницей: для синхронного описания необязательно точное установление исторически засвидетельствованного первичного значения и хронологии его поэтапного развития – важна прежде всего сама логика семантического развития падежа, логико-генетическая связь его отдельных значений. Причем следует подчеркнуть, что производные значения падежей не во всех случаях восходят непосредственно к локальным значениям, поскольку ряд из них мог развиваться из промежуточных значений и не иметь прямой связи с локальными значениями. В этой связи уместно заметить, что разочарование в так называемых "локалистических" теориях падежей скорее всего объясняется именно стремлением "локалистов" свести любые значения падежей непосредственно к пространственным значениям, что не подтверждалось фактами и создавало впечатление надуманной умозрительности. Однако сама по себе идея о первичности локальных значений падежей, как представляется, оправдывается и методологически, и известными языковыми фактами.

Русский творительный падеж уже был предметом многочисленных семантических исследований, среди которых наиболее крупными и значительными можно считать раздел "Творительный падеж" в книге А.А. Потебни "Из записок по русской грамматике" (2), коллективную монографию "Творительный падеж в сла-

вянских языках" (3), работу Р. Мразека "Синтаксис русского творительного падежа" (4) и др. Учитывая объем и характер статьи, мы не ставим перед собой задачи проанализировать существующие опыты описания творительного падежа. Напротив, наша цель заключается в попытке представить значения творительного падежа в их логико-генетической связи с использованием уже накопленных наблюдений и высказанных мнений о значениях этого падежа.

I

Как можно предположить, исходным значением твор. пад. для всех других его значений было указание на предмет, являющийся совместным (социативным) с другим предметом и независимым от направленности глагольного действия, т.е. второстепенным для глагольного предиката. По словам А.А. Шахматова, "дополнение в творительном падеже вообще за немногими исключениями означает не зависимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а напротив представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющее или определяющее его проявление; в этом существенное отличие творит. падежа от родит., винит. и дательного" (5, 340). В этой характеристике твор. пад. подчеркнуто его орудийное значение, которое многими исследователями считается основным для твор. пад. Однако вряд ли можно вывести все значения твор. пад. из орудийного значения: ср. дом высотой в десять метров, он бледный лицом, идти лесом и др.

Вслед за Дельбрюком мы полагаем, что исходным значением твор. пад. было значение социативности предмета, который мог быть отчуждаемым и неотчуждаемым по отношению к субъекту, направленным на объект (при переходных глаголах) и ненаправленным на объект (при непереходных глаголах). Для понимания значения социативности представляется важным следующее замечание А.А. Потебни о сущности социативно-пространственных отношений: "...мы может представить социативность как линию, бегущую параллельно с другой, главной, т.е. обращающей на себя преимущественное внимание. В отличие от этого некоторый род совпадения второстепенной линии с главной мог выразиться творительным так назыв. местным (идти дорогом)" (2, 434). Хотя А.А. Потебня и отличает социативно-пространственный твор. от твор. местного, он вместе с тем не отрицает их вза-

имосвязи: "Мнение Дельбрюка, что в основании "идти путем" лежит представление социативности, как в нем. "Immer mit dem Wege gehen" (подобно тому, как в русск. "плыть за водой" или "с водой", так что вода плывет и вслед за ней или вместе с ней — другое...), пока не может быть ни принято, ни опровергнуто. Мы видим только, что рассматриваемый творительный (места — М.Ш.) означает путь движения, на неопределенном протяжении совпадающий с движением" (2, 437). Таким образом, А.А. Потебня видел в социативно-пространственном и местном значениях твор. пад. нечто общее — указание на социативные линии (главную и второстепенную), которые в социативно-пространственном значении представлены как параллельные, а в местном значении — как частично совпадающие. Отсюда можно предположить, что исходное значение твор. пад. заключается в идее социативности по отношению к центральному (главному) предмету.

Рассмотрим отражение этого исходного значения сначала в употреблении беспредложного творительного падежа.

1. Социативно-пространственное значение. Реализуется обычно с глаголами движения и указывает на место, пространство, частично или полностью совпадающее с направленным движением субъекта: идти лесом, улицей, пройти переулком, коридором и под. С этим значением связаны следующие адвербиализованные формы слов: идти следом, кругом, кровь пошла носом, заехать проездом, зайти мимоходом, гроза прошла стороной, идти напрямик (= прямой дорогой), тащить волоком (их волоком — "пространство земли, по которому перетаскивали суда, грузы"), путем (= способом, в метафорическом значении) и др.

2. Социативно-временное значение. Указывает на отрезок времени, частично совпадающий с осуществлением действия: шли поздней ночью, уехал вечером, встретились утром и под. В древнерусском и старославянском языках твор. пад. мог обозначать и полное совпадение отрезка времени с осуществлением действия, т.е. иметь количественно-временное значение (см. 2, 439; 3, 225—229). Данное значение лексически связано главным образом с именами, имеющими значение времен года и частей суток, а также мгновности, непродолжительности (мигом, махом, разом, мельком). В форме мн.ч. твор. пад. этих существительных указывает на неограниченно-повторяющиеся моменты времени: вечерами, ночами, целыми днями и др. (ср. пространственное значение — местами). Ср. также: порой (временами), давным-давно, работать урывками и под.

3. Значение одновременного совпадения состояния (положения) субъекта и его действия: типа уехал ребенком (= тогда был ребенком), расстались солдатами, встретились полковниками и под. Реализуется в существительных, имеющих значение возрастного периода жизни или социального положения и только с предикатами в форме прошедшего времени. В отличие от социативно-временного значения, твор. пад. в данных конструкциях характеризует не столько временную локализацию действия, сколько посессивную совместность возрастного или социального положения с его носителем. А.А. Потебня назвал такой твор. "творительным совпадения" и квалифицировал его синтаксическую связь с глаголом как аппозитивную (2, 489).

4. Социативно-параметрическое значение. Указывает на посессивную совместность параметрического признака и его носителя: лестница высотой в два метра, комната шириной в четыре метра, книга стоимостью в два рубля, он родом из крестьян и под. Ср. аналогичную функцию твор. пад. с предлогом с: человек с дурным характером, "Татьяна (русская душой, Сама не зная, почему) С ее холодной красой Любила русскую зиму" (Пушкин).

5. Значение социативно-посессивного предмета (как части целого) в качестве носителя или сферы проявления предикативного признака: типа он похож лицом на мать, высок ростом (выше ростом), русский душой, похорошеть лицом, истекать кровью, упасть духом; страна богата лесами, стакан полон водой, поникнуть ветвями, удариться головой о стену, рехнуться умом, хлеб пахнет тмином, отличаться чем-л. и др. Видимо, сюда же относятся: рисковать жизнью, обмолвиться словом, "Растерян мыслями, чего-то ожидаю" (Грибоедов), я вал душой и телом, ошибся номером (дверью), поступиться чем-л. Ср. подобное социативно-ограничительное значение твор. с предлогом с: он хорош с товарищами, дерзок с начальством, ласков со всеми.

Значение социативно-посессивного предмета легло в основу таких адвербиализованных сочетаний, как упасть вниз головой, лежать вверх ногами, ничком, встать/повернуться спиной (лицом) к окну, сесть/сидеть спиной, бокком, идти бокком, встретиться носом к носу и др.

6. Социативно-инструментальное (орудийное) значение, указывающее на совместный с субъектом и подчиненный ему отчуждаемый/неотчуждаемый предмет, который сопряжен с действием субъекта и проявляет действие субъекта: моргать глаза-

ми, писать карандашом. Нам не кажется неправдоподобным известное мнение Дельбрюка о развитии инструментального значения из твор. социативного. Об этом свидетельствуют не только факты немецкого языка (ср. *mittels* - "посредством, при помощи чего-л."), но и факты финно-угорских языков: ср. финно-угорский комитатив, объединяющий в рамках одного падежа социативное и инструментальное значение. Для понимания развития инструментального значения твор. пад. представляет интерес наблюдения М.М. Покровского над тем, что "индоевропейским (как, вероятно, и другим) народам очень свойственно представление о частях тела, как об орудиях соответствующих действий", поэтому еще в индоевропейскую эпоху инструментальные суффиксы часто выбираются для обозначения частей тела" (6, 121).

Социативно-инструментальное значение реализуется как при переходных, так и при непереходных глаголах: ср. махать руками, шевелить ногой и т.д., рубить топором, взять рукой и т.д.

7. Значение социативно-вспомогательного (наделительного) предмета, сопряженного с действием субъекта и направленного им на наделение объекта (или самого субъекта): типа засыпать яму песком, завязать чемодан веревкой, выкрасить пол краской, обрасти волосами и т.д. Как представляется, связано с инструментальным значением признаками совместности с субъектом, подчиненности (управляемой) и сопряженности с действием (при отсутствии признака проявления действия в предмете: ср. руками засыпать яму песком).

8. Значение социативно-управляемого предмета: управлять машиной, крутить рулем, водить руками, владеть оружием, а также: руководить, командовать, распоряжаться, заведовать, располагать чем-л. Связано с инструментальным и социативно-вспомогательным значениями признаком подчиненности (управляемой).

9. Агентивное значение (с признаком периферийного или стихийного характера субъекта): типа дом строится бригадой, ветром унесло лодку, вкусно пахнет свежим хлебом. Обычно агентивное значение твор. пад. связывают с инструментальным значением. Так, А.А. Потебня считал, что агентивный твор. "весьма близок к твор. орудия и легко может быть выведен прямо из него" (2, 453), интерпретируя инструментальный твор. как "образ, знак, а не значение" агентивного творительного (2, 454). Однако не исключено и другое предположе-

ние: твор. агентивный мог возникнуть самостоятельно в результате осмысления твор. пад. как функционально-параллельного имен. пад. Об этом свидетельствует, например, обычное использование агентивных суффиксов в инструментальном значении и наоборот (ср. суффикс -тель: учитель, делец и выключатель, истребитель, творец и резец, мыло и кутила, косарь - "лицо" и "большой нож"), а также многие случаи олицетворения инструментальных предметов (ср. иголка маленькая, да больно колет, руки не дошли до чего-л. и под.).

10. Значение социативного предмета, каузирующего предикативный признак (состояние) или способствующего его возникновению: а) интересоваться математикой (ср. математика интересуется меня), соблазняться, наслаждаться, обольщаться, восторгаться, увлекаться, плениться, удовлетвориться, гордиться, мучаться чем-л./кем-л., глаза светятся радостью, б) болеть гриппом, умереть неестественной смертью, дорожить честью, брезгать чем-л., бредить чем-л., подорвать здоровье курением и под., в) довольный, гордый, известный, обязан чем-л. и под. А.А. Потемня относил к "следам страдательности" (2, 452) "заниматься чем-л." (ср. свеча занимается огнем). Связано с агентивным значением, являясь его "ослабленным" вариантом.

Примечание: Одним из трансформированных вариантов агентивного значения можно считать также твор. причины, основания, встречающийся в языке 18 и 19 вв.: "Осел мой глупостью в пословицу вошел" (Крылов); "Вспомни, что тобой злой рок меня унес и вырони о мне хоть каплю слез" (Сумароков); "Кто тебе еще нужен? Чем он тебе не муж?" (Тургенев). Ср. фразеологизмы: чем черт не шутит (значение возможности с причинным оттенком), этим не шутят/этим нельзя шутить (= это не должно быть основанием, предметом для шуток).

11. Значение сравнительного уподобления или превращения, указывающее на функциональное уподобление предмета тому, что выражено твор. пад.: время летит как птица - время летит птицей, хвост трубой, брови дугой и др. Закрепилось в качестве обязательного употребления при глаголах притворяться, прикидываться, представляться, вообразить, казаться кем-л./чем-л. и используется при указании на форму или внешний вид предмета (завязать галстук бантом, собрать волосы пучком и под.).

Как отмечал А.А. Потемня, "значения превращения и сравнения существуют рядом и в древнерусском, и в новом языке,

причем некоторые сравнения вытекают из веры в превращения" (2, 485). Выбор твор. пад. для выражения сравнительного уподобления или превращения был основан на стилистическом (метафорическом) осмыслении его агентивного значения как функционально-параллельного имен. пад.

12. Творительный предикативный при знаменательных и полужнаменательных глаголах: типа стать, являться, считаться и др. кем-л./чем-л., назначить (директором), приехать (инженером), вернуться (раненым) и под. Данная функция твор. пад. несомненно связана с предыдущим значением, которое стало осмысливаться вообще как значение образа (см. 2, 486), ср. строить взвод шеренгой, волосы стоят дыбом, говорить обиняком и др. А.А. Потебня иллюстрирует путь развития твор. предикативного следующим образом на примере "стать волком": "В "стать волком" представлением превращения служит его последний момент: некто, перевернувшись, стал на ноги в виде волка. Так. обр., твор. превращения становится совместным с научным мирозерцанием, например, в следующем: "в сильный мороз слюна льдом падает на землю", т.е. не "подобно льду", а "в виде льда", "превратившись в лед" (2, 485-486).

Действительно, все полужнаменательные и знаменательные связки, требующие твор. предикативного, объединяются общим семантическим признаком "быть в качестве, в виде, в функции": ср. являться примером, доводиться дядей, оказаться плохим, остаться сиротой, избрать депутатом, служить офицером, издать доклад брошюрой и т.д. Связь с идеей превращения еще чувствуется в таких сочетаниях, как вернулся другим человеком, пришел инвалидом, сделаться квалифицированным рабочим, приехал больным (= стал больным, но ср. приехал больной = в состоянии нездоровья) и др.

Примечание: В отличие от В.И. Чернова (?), мы видим во всех случаях употребления твор. пад. с знаменательными глаголами по сравнению с употреблением имен. пад. указание на наличие у субъекта ранее отсутствующего признака; имен. пад. не имеет этого дополнительного указания "ранее отсутствующего...". Думается, что семантическая разница между твор. пад. и имен. пад. в одинаковой предикативной позиции с знаменательными глаголами может быть установлена только при анализе текста, а не отдельных предложений.

13. Значение обстоятельственно-определятельной совокупности: типа птицы летят стаей, идти ватагой, продавать яйца десятками и под. Связано. с одной стороны, с признаком со-

циативности, что объясняет его употребление при собирательных существительных, и, с другой стороны, с признаком "в виде", что объясняет его обстоятельственно-определятельную функцию при глаголах (указывает на форму, вид предмета при совершении действия).

Перечисленные значения, по сути дела, охватывают все случаи употребления беспредложного твор. пад. в современном русском языке. Мы не выделяем в качестве отдельного значения твор. пад. так называемый "твор. образа или способа действия", поскольку он является результатом адвербиализации разных значений твор. пад. и требует нередко исторических или словообразовательных комментариев. В исторических справках нуждается и употребление твор. пад. при таких глаголах, как клясться кем-л./чем-л., забыться сном и др. Однако наличие таких случаев (причем немногочисленных) несколько не подрывает общего положения о мотивированности и взаимосвязи отдельных падежных значений, которые не всегда характеризуются резкими разграничительными линиями.

II

Как показывает употребление твор. пад. с предлогами, твор. пад. и в этих сочетаниях выступает в том или ином варианте социативного значения и предлоги лишь дифференцируют или специализируют в соответствии со своими значениями социативные отношения, что подтверждает положение о том, что исходным значением твор. пад. является социативное значение.

Творительный падеж употребляется в современном русском языке с шестью предлогами: над, под, перед, за, между, с. Все они имеют пространственные значения и вторичные, производные значения, при которых твор. пад. выполняет производные от социативного значения функции.

I. Социативно-пространственные значения твор. пад. с предлогами. Предлоги над, под, перед, за, между, с в пространственных значениях в сочетании с твор. пад. указывают на предмет, по отношению к которому параллельно расположен или направлен в пространстве другой предмет: ср. лампа висит над столом, книга лежит под столом, стоять перед домом, за домом, между домами, стул стоит рядом со столом и т.д.

2. Вторичные значения предложно-падежных форм:

2.1. С предлогом над:

а) Значение социативного объекта, находящегося в состоянии "быть под" другим предметом: властвовать, начальствовать, господствовать над кем-л./чем-л., шефствовать над (школой), превосходство над (противником), победа над (врагом) и др.

б) Значение социативного объекта как основания направленности умственной деятельности или отрицательного эмоционального отношения: задуматься над (письмом), биться над (задачей), работать над (проблемой), смеяться, шутить, издеваться, насмеяться, глумиться, скалиться, смеяться над кем-л./чем-л. (связано со значением "быть под").

2.2. С предлогом под:

а) Значение социативного объекта, находящегося в состоянии "быть над (поверх)": дом под железной крышей, кресла под чехлами, пароход под советским флагом, рыба под соусом, быть под влиянием, под руководством, отправить под конвоем, жить под надзором, под видом, под предлогом и др.

б) Значение словесной формы, смысл которой подлежит раскрытию (при глаголах понимать, разуметь, подразумевать): под словом роман мы понимаем... (связано с предыдущим значением).

2.3. С предлогом перед:

а) Значение социативно (непосредственно) - временного предшествования: прогулка перед сном, ночь перед Рождеством и под.

б) Значение социативного объекта, в присутствии или наличии которого выражается эмоциональное состояние, отношение (из фронтально-пространственного значения): преклоняться перед кем-л., благоговеть перед памятью, извиниться, оправдываться, лебезить, хвастаться, робеть, трепетать, капитулировать перед кем-л./чем-л.

2.4. С предлогом за:

а) Значение социативно (непосредственно) - временной по-

следовательности: годы идут за годами, читать книгу за книгой и др. (ср. пространственное значение: идти за ним).

б) Значение социативного действия, во время которого происходит другое действие: вспомнить за завтраком, молчать за едой и др.

в) Значение объекта взятия (с собой), получения как цели пространственно-направительного движения: сходить за водой, сбегать за врачом, приехать за сыном, полезть за книгой и под.

г) Значение социативного объекта надзора (связано с пространственным значением "следовать за кем-л."): следить за политикой, присматривать, смотреть, наблюдать, надзирать за кем-л., ухаживать за кем-л., уход за больным и др.

д) Значение социативного объекта, который признается как посessor предмета: долг за вами, товар оставлен за покупателем, оборудование числится за цехом, документ за номером... (связано с пространственным значением предлога за).оборот "за подписью...", видимо, возник из значения прикрытия, ограждения, в основе которого лежит пространственное значение предлога (тыльная сторона предмета как место прикрытия, защита), ср. тайна за семью замками, за семью печатями (см. 3, 267-268).

е) Значение препятствующей причины: за неимением комнаты, за отсутствием средств, за дальностью расстояния, за деревьями не видеть леса и др. Данное значение также связано с пространственным значением предлога: "предмет, обозначенный конструкцией за твор. пад., всегда можно представить как препятствие для позади находящегося предмета" (3, 270).

2.5. С предлогом между:

а) Значение промежутка времени, отделяющее одно явление (событие) от другого: между боями, между делом, между лекциями и под.

б) Значение группы предметов, лиц, явлений, в среде которых что-л. происходит или находится: это встречается редко между охотниками, разговор между нами, между нами говоря, между строк и под.

в) Значение объектов сравнения: делать различие между поэзией и прозой, разница лет между ними была значительной и под.

Все вторичные значения предлога между связаны с его пространственным значением.

2.6. С предложом с:

а) Социально-временное значение, выражающее событие, действие, явление, с наступлением которых совершается другой действие: вставать с солнцем, с первыми лучами солнца, уехать с рассветом, поумнеть с годами, с каждым днем становится холодней и под.

б) Значение социативно-сопроводительного предмета: мать с отцом, мы с ним, войти с книгой в руке, часы с кукушкой, человек с ружьем и др.

в) Значение социативного образа действия: смотреть с любопытством, говорить с рыданием, бороться с отвагой, работать с напряжением, толкнуть с силой, сидеть с опущенной головой, относиться с уважением и др.

г) Значение социативного предмета (качества, свойства), принадлежащего другому предмету: девушка с голубыми глазами, диван с высокой спинкой, человек с характером, письмо с жалобой, заявление с просьбой, остаться не с чем и др.

д) Значение социативного предмета, содержащегося в объемном предмете: банка с медом, корзина с углем, ящик с бумагой, ведро с водой, обоз с провизией и др.

е) Значение социативного средства осуществления действия: отправить письмо с посыльным, с почтой, приехать с утреннем поездом, стирать с мылом, защищать с оружием в руках, искать с собаками, с помощью и др.

ж) Значение социативного предмета (явления, действия), с которым связан, соединен другой предмет (явление, действие): соединить кого-л./что-л. с кем-л./чем-л., скрепить, связать, сплести, смешать, сочетать что-л. с чем-л., с ним плохо, случай, происшествие с отцом, граничить с чем-л., ср. также: во главе с кем-л., сводить концы с концами. Отсюда причинный предлог "в связи с чем-л." (ср. союз "в связи с тем"), предлог соответствия "в соответствии с чем-л.", значение основания, повода с глаголом поздравить (поздравить с днем рождения, с приездом, с присвоением звания и т.д.).

з) Значение социативной цели: прийти с делом, с просьбой, с предложением и т.д., обратиться с призывом, вопросом, отправить с поручением, с целью, с намерением и др., ср. также: с тем, чтобы...

к) Значение социативного объекта как одного из участников совместных действий. Реализуется с глаголами взаимно-возвратного значения (общаться, объясняться, целоваться,

обниматься, шептаться, переписываться, прощаться, бороться, спорить, разговаривать, беседовать, ссорить, любезничать, играть и др. с кем-л.), ср. также: война, бой, схватка, битва с кем-л. и др. С данным значением связано образование предлогов: вместе с, наравне с, наряду с, совместно с.

л) Значение социативного предмета как объекта сходства, сравнения: отождествить кого-л./что-л. с кем-л./чем-л., сравнить, сличить, сверить копию с оригиналом, сообразоваться с обстоятельствами, ср. предлоги: в сравнении с, по сравнению с, сравнительно с, а также: сходный с чем-л. солидарный, общий с кем-л.

м) Значение социативного объекта, ограничивающего проявление признака, действия: он хорош с товарищами, ласков с женой, внимательный со всеми и под., медлить с ответом, тянуть с выполнением, спешить с отъездом, торопиться с ответом, авария с отоплением, покончить с курением, поступить с ним нечестно, энтузиазм творит с людьми чудеса и под.

н) Значение социативно-дополнительного количества: пробыть час с четвертью, заплатить пять рублей с полтиной, заплатить с процентами, приехать через двое с половиной суток и др.

Литература

1. Шелякин М.А. Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1983, вып. 65I.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.
3. Творительный падеж в славянских языках. Под ред. С.В. Бернштейна. М., 1953.
4. Мразек Р. Синтаксис русского творительного падежа /Структурно-сравнительное исследование/. Прага, 1964.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
6. Локровский* М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
7. Чернов В.И. Конструкции с знаменательными связками в современном русском языке. - Филологические науки, 1986, № I.

О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИЙ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ
ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЗИЦИИ ПРЕДИКАТА

Н.А. Казавчинская

Вопрос о нормах употребления краткой и полной форм имен прилагательных, о различии в их значении давно привлекает внимание исследователей. Проблема эта изучалась на материале старославянского (Толстой, 1957), древнерусского (Истрина, 1921) и русского языка XV-XIII вв. (Шведова, 1948); кроме того, ей отводилось место во всех курсах истории и грамматики русского языка, начиная с грамматики М.В. Ломоносова (Ломоносов, 1952). В то же время нельзя сказать, что данный вопрос достаточно изучен и не вызывает трудностей. Несомненно и то, что употребление полных и кратких форм прилагательных в функции предиката явление относительно позднее и развивающееся: так, А.Х. Востоков, Д.И. Давыдов, Г. Павский считали членные прилагательные в роли сказуемого неупотребительными, а случаи употребления полных форм имен прилагательных в функции сказуемого, которые все же имели место, объясняли опущением определяемого существительного, которое совпадает с подлежащим (Давыдов, 1852, с. 292; Буслаев, 1959, с. 419), что позволило Ф.И. Буслаеву еще в конце прошлого века сделать следующий вывод: "Различие в значении между формами краткими и полными уже затерялось как в старинном, так и в народном языке русском, так что употребление той или другой формы по большей части зависит от благозвучия и склада речи" (Буслаев, 1959, с. 421). С этим замечанием соотносятся и высказывания современных стилистов о стилистической окрашенности в одних случаях кратких форм, которые характеризуются как книжные в противовес полным (нейтральным): Идея проста - Идея простая; в других случаях, при наличии управляемых слов - полных форм как разговорных в противопоставлении с краткими - нейтральными формами: Доволен собой - Довольный собой (Стилистика, 1982, с. 132-133).

Через сорок лет после публикации работы Ф.И. Буслаева В.Чернышев в первом опыте русской стилистической грамматики констатирует, что "обыкновенное словоупотребление, старинное

ж современное, знает только одни краткие или полные формы: воздушный, Господень, должен, двоякий... Есть и такие прилагательные, которые не совсем потеряли краткое окончание, но преимущественно употребляются с полным. Например, мы обыкновенно говорим: он мертвый, он рябой, он седой; сочетаний: он или кто-либо мертв, он ряб, он сед, мы избегаем, хотя они и существуют в литературном языке (Чернышев, 1915, с. 168). О том, что в современном языке в разговорной речи предпочтение отдается полным формам имен прилагательных в позиции предиката, пишет и академическая грамматика (АГ, 1930, с. 289), и Ф.Г. Мясников в своем диссертационном исследовании (Мясников, 1969, с. 194). Этой же точки зрения придерживался А.А. Пешковский, утверждавший, что "краткая форма в ее исключительно предикативном значении есть явление чисто литературное... Это придает краткой форме оттенок большой книжности, отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме" (Пешковский, 1935, с. 204). Такого рода выводы представляются спорными, поскольку существует достаточное количество прилагательных, которые не могут употребляться в полной форме в функции предиката (прав, благодарен, способен и т.п.), кроме того, часть прилагательных расходятся в значении и различие в их употреблении будет не стилистическое, а семантическое (ср. Лекция важная и Лекция важна, где противопоставляются "конкретное" и "общее"). Помимо этого существуют и прямо противоположные мнения об употреблении прилагательных, так, в работе Т.П. Нефедовой, которая анализировала употребление кратких форм прилагательных на материале газет (Нефедова, 1978), приводятся следующие данные: "на 140 тыс. словоупотреблений в функции сказуемого было отмечено 290 кратких прилагательных и всего 28 полных прилагательных". Эти данные позволили автору прийти к выводу о том, что краткие формы прилагательных - "категория не умирающая, а имеющая свою, определенную сферу применения в русском языке" (Нефедова, 1978, с. 163).

В ряде работ наблюдается попытка интерпретации употребления полных и кратких форм прилагательных с точки зрения их сочетаемости с глаголами, входящими в состав сказуемого (из ранних - работа А.А. Потебни "Из записок по русской грамматике", 1874, из последних - статья В.И. Чернова "Предикативное употребление прилагательных со связкой был в современном русском языке", (Чернов, 1970).

В упомянутой работе А.А. Потебня объясняет разницу в

употреблении полных и кратких форм имен прилагательных в функции предиката тем, что "член прибавляет к причастию и вообще к прилагательному указание на более тесную связь его с другим именем, чем та, которая связывается в одном согласовании прилагательного и причастия бесчленного: добрый, т.е. добрый, и, значило приблизительно "добр который" или "добр тот", т.е. "тот, который добр" (Потесня, 1874, с. 185).

В.И. Чернов видит различие в значении краткой и полной форм прилагательных в возможности краткой формы управлять падежными формами зависимых существительных: "Теоретически КП могут управлять всеми косвенными падежами, но обычно зависимое от КП имя стоит в одном из трех падежей - дательном, творительном или предложном" (Чернов, 1970, с. 28). В этом случае краткие и полные прилагательные не являются лексически соотносительными.

Сами по себе данные наблюдения справедливы, но их вряд ли можно считать объяснением употребления кратких форм, так как они только констатируют близость кратких форм к глаголам, но не объясняют разницы в выборе кратких и полных форм, в том числе и в случае их одинаковых синтаксических свойств.

О "глагольности" кратких прилагательных писали А.Х. Востоков, Д.И. Давыдов, А.А. Шахматов. Близость кратких форм прилагательных с глагольными формами в глубинной структуре предложения видит и Л. Бебби (Бебби, 1985). Исходя из трансформационного анализа предложений с краткими и полными формами прилагательных в позиции сказуемого Л. Бебби, вслед за А.В. Исаченко (Исаченко, 1963, с. 61-93), определяет разницу в семантике этих форм тем, что "предикативная полная форма порождается из глубинного придаточного относительного" (Бебби, 1985, с. 167).

Т.П. Нефедова в своей диссертации "Семантико-синтаксические свойства и стилистическое назначение кратких прилагательных в современном русском языке (1978), отмечая близость кратких прилагательных с глаголами на основе их обобщенного значения, определяет их отличие друг от друга тем, что краткие прилагательные "статичны, недействительны" а глаголы "действительны, динамичны". Автор цитируемой работы находит общие семы для прилагательных, обозначающих качество и качественное состояние, и приводит семантическую классификацию кратких прилагательных. В диссертации отмечается, что "краткие прилагательные со значением качественного состоя-

ния, сблизившись по обобщенной семантике с глаголами, не утратили связи с полными прилагательными. Большинство исследуемых нами КП, обозначающих качественное состояние, употребляются в сказуемом в значениях, которые свойственны и полным прилагательным, однако лишь в функции определения или в полупредикативной функции" (Нефедова, 1978, с. 59-60). По мнению автора, часть кратких прилагательных со значением качественного состояния не обособились от полных прилагательных ни лексически, ни функционально, поэтому могут употребляться в сказуемом параллельно с полными формами. Это прилагательные типа болен, бодр, весел, доволен, пьян, спокоен, счастлив. Так же как Г.Ф. Мясников, Т.П. Нефедова, считает, что отличие в значении указанных кратких форм прилагательных от соответствующих полных заключается в "моментности проявления признака" у последних (Нефедова, 1978, с. 62), напр. "Какая она сегодня счастливая!", где использовано средство, "ограничивающее общую временную перспективу определенным пределом" (Мясников, 1969, с. 14). Эта точка зрения явно противопоставлена традиционной и наиболее широко распространенной: "Прилагательные и причастия с двойным окончанием в сказуемом употребляются с окончанием коротким, когда нужно указать на признак временный, принадлежащий только известному моменту, и с окончанием долгим, когда указывается на признак постоянный" (Стоюнин, 1875, с. 17). Такой точки зрения придерживаются многие исследователи, и она фигурирует во всех учебниках и практических пособиях по стилистике русского языка (Пешковский, 1938, Виноградов, 1947, Булаховский 1949, Борковский, 1965, АГ 1980), хотя каждый исследователь оговаривает случаи, которые не попадают под общее правило. Так, отмечается, что краткой форме свойственно такое значение относительности признака (ограниченность признака), которое обычно подкрепляется зависимыми словами. Полные прилагательные в именительном падеже в позиции предиката, в отличие от кратких, обозначают признак вообще, безотносительно к каким-либо причинам или обстоятельствам (Стилистика, 1971, с. 48, Грамматика, 1979, с. 239, Лобанова, 1980, с.6, Гужва, 1952, с. 385, и т.д.). С другой стороны, бытует мнение, что "краткое имя прилагательное в роли сказуемого употребляется в предложениях, имеющих характер широкого обобщения, умозаключения, с общим значением абсолютного постоянства признака" (АГ, 1954, с.450), ср. предложения типа "человек смертен".

Несмотря на кажущуюся противоречивость, все указанные функции краткой форма прилагательного отражают языковую реальность: действительно, в предложениях, изречениях общепризнанных истин предпочтение отдается краткой форме прилагательного, но почему в таком случае употребляется краткая форма, никто еще удовлетворительного ответа на этот вопрос не дал. Это замечание относится и к временной характеристике обеих форм: прилагательное не имеет категории времени и не может ею характеризоваться, это — именная форма, которая может выступать в предложении в функции предиката, так же как и имя существительное, которому никто не пытается приписывать временных значений. Временной характеристикой в данных случаях обладают связки и ползузнаменательные глаголы. Они-то и передают значение временности, принадлежности определенному моменту, ограниченности признака. Поскольку первичной в предикативной функции выступала краткая форма прилагательного (см. исследования Н.И. Толстого и Н.Ю. Шведовой), то именно она обладает полной временной парадигмой и, очевидно, поэтому трактуется как более динамичная.

Еще один подход к изучению функционирования форм прилагательных в роли сказуемого представляет работа А. Богуславского "О кратких и полных прилагательных в сказуемом", в которой автор считает, что "краткая форма утверждает определенное место признака данного предмета в соответствующей иерархии степеней... Таким образом, краткая форма, противопоставляясь полной, приближается по смыслу к сочетаниям с довольно, порядочно, очень, в то время как полная форма приближается по смыслу "не противоположного качества", т.е. не ниже/выше/ некоторого предела" (Богуславский, 1964, с.18). Эта точка зрения не получила дальнейшего развития в работах, посвященных изучению функционирования кратких и полных прилагательных в сказуемом.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте этого вопроса, связанном с категорией определенности/неопределенности. Причиной появления такой характеристики кратких и полных форм прилагательных следует считать некоторое соответствие их греческому члену в переводных старославянских текстах. Более подробно эта точка зрения изложена у Н.И. Толстой (Толстой, 1957). Противопоставление краткой и полной форм прилагательных в атрибутивной функции как неопределенной и определенной прослеживается Н.И. Толстым очень четко, это позволило ему прийти к выводу о том, что "основным значением

полной формы в старославянском языке было значение определенности, которое относилось не к прилагательному ("определенность свойства"), а к определяемому существительному ("определенность предмета") (Толстой, 1957, с. 100).

Проникновение полной формы в предикат – явление довольно позднее – могло возникнуть лишь тогда, когда стерлось противопоставление краткой и полной формы по определенности/неопределенности в атрибуте.

Поскольку отношения определенности/неопределенности выражались в формах имен прилагательных достаточно ярко, причем, основным содержанием этих отношений являлась уникализация и неуникализация (Толстой, 1957, с. 121), нам кажется наиболее вероятным предположение, что эти отношения сохранились и в современном языковом состоянии. Если принять это предположение, то можно объяснить и случаи употребления кратких и полных форм имен прилагательных, не поддающиеся предлагаемым классификациям. Например, краткая форма прилагательного в предложениях типа "Человек смертен" может, по видимому, показывать "неуникальность" характеризуемого предмета.

Одним из достоинств работы Н.И. Толстого является несомненно то, что проблема рассматривалась не на отдельных словосочетаниях и даже предложениях, а на скрупулезном анализе текста. Думается, что именно такой подход к изучению функционирования кратких и полных прилагательных в позиции предиката поможет решить вопрос объективно. То, что до сих пор в исследованиях не учитывалась текстовая функция кратких прилагательных, является причиной множества разноречивых суждений об употреблении кратких и полных форм прилагательных. Кроме того, в последние годы недостаёт критического подхода к ставшим уже обычным трактовкам функции кратких и полных прилагательных в позиции предиката. Например, в монографии "Семантические типы предикатов" (1982) не учитываются, с одной стороны – реальные языковые факты, а с другой стороны – статьи и мнения других авторов. Здесь с уверенностью заявляют, что "семантические различия, которые можно считать вариациями противопоставления по признаку постоянства/временности, как известно, коррелирует с грамматическим различием между полной и краткой формой в сфере прилагательных (в сноске: "Противопоставление краткой и полной форм прилагательного основательно изучено, например: Шведова, 1952") и с противопоставлением именительный падеж/ творительный

тельный падеж у существительных, выступающих в предикативной функции" (Семантические типы предикатов, 1982, с. 24).

В заключение отметим, что вопрос об употреблении краткой и полной формы прилагательного остается до сих пор не решенным и многих авторов не удовлетворяет поверхностная характеристика явления. Несмотря на это, интерпретация функционирования обеих форм имени прилагательного шла в основном с точки зрения выражения временности-постоянства предикативного признака, при этом не учитывались исторические отношения между краткими и полными формами прилагательных. Многочисленные примеры также доказывают, что данное явление нельзя рассматривать лишь в стилистическом плане, поскольку нет четкой стилевой дифференциации форм.

Изложенные точки зрения показывают неудовлетворительность решения этого вопроса с позиций имманентного рассмотрения. Нам представляется, что, во-первых, необходимо проверить концепцию Н.И. Толстого на современном этапе развития языка (очевидно, в трансформированном виде значение определенности/неопределенности кратких и полных форм прилагательных сохранилось и сейчас); во-вторых, несомненно, что удовлетворительное решение вопроса о характере взаимосвязи в функционировании кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката можно найти только при учете текстовых функций данных форм.

Проверка выдвинутых положений и является задачей очередной статьи.

Литература

- АГ, 1954 - Грамматика русского языка. М., 1954.
АГ, 1980 - Русская грамматика. М., 1980.
Богуславский, 1964 - Богуславский А. О кратких и полных прилагательных в сказуемом. - РЯШ, № I, 1964.
Борковский, 1965 - Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
Буслаев, 1959 - Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. М., 1959.
Бэбби, 1985 - Бэбби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке. - Новое в зарубежной лингвистике, вып. XV, М., 1985.
Виноградов, 1947 - Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.

- Востоков, 1831 - Востоков А.Х. Русская грамматика. Спб., 1831.
- Грамматика, 1979 - Русская грамматика. Прага, 1979.
- Гужва, 1952 - Гужва Ф.К. Исследования об употреблении кратких и полных форм прилагательных в русской советской художественной литературе. - ДК, Киев, 1952.
- Давыдов, 1852 - Давыдов И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852.
- Исаченко, 1963 - Исаченко А.В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. - Исследования по структурной типологии. И., 1963.
- Истрина, 1921 - Истрина Е.С. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. - Известия ОРЯС Российской Академии наук, т. XXIII, кн. I за 1918 г. Пг., 1921.
- Лобанова, 1980 - Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. М., 1980.
- Ломоносов, 1952 - Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений, т. 7, Труды по филологии. 1739/1758 гг., М.-Л., 1952.
- Мясников, 1969 - Мясников Г.Ф. Краткие и полные формы прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке, изменения и основные тенденции. - ДК, Куйбышев, 1969.
- Нефедова, 1978 - Нефедова Т.П. Семантико-синтаксические свойства и стилистическое назначение кратких прилагательных в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1978.
- Павский, 1850 - Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Б. Отделение второе. Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях. Спб., 1850.
- Пешковский, 1938 - Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Потебня, 1874 - Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. I, Харьков, 1874.
- Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Стилистика, 1982 - Стилистика русского языка. Л., 1982.
- Стоянин, 1875 - Стоянин В. Русский синтаксис. 2 изд. М., 1875.
- Толстой, 1957 - Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов). - Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957.

- Чернов, 1970 - Чернов В.И. Предикативное употребление прилагательных со связкой был - в современном русском языке. - Смоленский гос. пед. ин-т. Ученые записки, вып. XXII. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Смоленск, 1970.
- Чернышев, 1915 - Чернышев В. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. П-д, 1915.
- Шахматов, 1941 - Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шведова, 1948 - Шведова Н.Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском языке XV-XVIII вв. - Доклады и сообщения ИРЯЗ АН СССР, вып. I, 1948.
- Шведова, 1952 - Шведова Н.Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. - Ученые записки МГУ, вып. 150, М., 1952.

ДВА СМЫСЛА ПОНЯТИЯ "МАРКИРОВАННОСТЬ"

Д.С. Кудрявцев

В истории славянских языков зафиксирован ряд однотипных звуковых изменений, для которых на первый взгляд отсутствуют функциональные основания. Речь идет о спонтанных изменениях согласных по признаку твердости/мягкости, затронувших шипящие, заднеязычные и [ц]. На выходе из праславянского состояния эти согласные фонемы являются непарными твердыми (заднеязычные) или непарными мягкими (шипящие и [ц]). Если фонема не вступает в оппозицию по какому-либо дифференциальному признаку, кажется безразличным, какое из двух конкретных значений примет у нее данный признак. Ведь минимальные пары, а следовательно и функциональная нагрузка противопоставления, в любом случае отсутствуют. Изменение возможно, ему ничто не препятствует, но оно лишено смысла, потому что сам признак лишен функциональной значимости. И тем не менее оно происходит. Шипящие и [ц] отвердевают, заднеязычные в сочетании с [ы] смягчаются. Этот факт требует объяснения.

Мы исходим из убеждения, что все в языке рационально и происходит на достаточном основании. Следовательно, существует некая внутренняя объективная "сила", изменяющая в подобных случаях значение признака на противоположное. Эта сила преодолевает инерцию фонетической системы. Она не связана непосредственно с фонемными противопоставлениями. В чем же природа этой силы?

В связи с отверждением шипящих и [ц] в русском языке В.В. Колесов выдвинул положение, согласно которому причина подобных изменений заключается в структуре дифференциального признака, а именно в различии маркированного и немаркированного значений ДП. "При отсутствии противопоставления по какому-то признаку соответствующая фонема обязательно должна быть немаркированной по этому признаку: он избыточен" [1, с. 153]. Обоснование и развитие данного положения является задачей нашей статьи.

Необходимость обоснования диктуется рядом обстоятельств. Во-первых, понятие маркированности неоднозначно, в разных фо-

нологических концепциях в него вкладывают различное содержание. Во-вторых, приведенное объяснение не исключает следующего контраргумента: если мягкость у обсуждаемых фонем избыточна, то избыточна у них и твердость — почему в таком случае одно заменяется на другое? В-третьих, возникает проблема с изменением противоположного направления — смягчением в сочетаниях кы, гы, хы. В.В. Колесов пишет: "При отсутствии противопоставления по признаку мягкости заднеязычные могли бы сохранить исконную твердость, так как они не были маркированы по новому признаку" [1, с. 154]. Тем не менее смягчение произошло. При этом [1, с. 154–155] оно осуществилось достаточно рано — в XII–XIII вв., то есть непосредственно после падения редуцированных. Этот факт показывает, на наш взгляд, что маркировку в оппозиции "твердость/мягкость" для древнерусского языка нельзя определять однозначно.

Возможность развития положения о перемаркировке создается, с одной стороны, расширением сферы действия этой закономерности на материал других славянских языков. Мы постараемся показать, что аналогичные фонетические процессы во всех славянских языках связаны с понятием маркированности. В то же время обсуждаемый тезис — с известными вариациями — можно использовать для причинного объяснения других фактов славянской языковой диахронии. В частности, различение двух типов маркированности позволяет понять направление перехода в обсуждавшемся выше изменении кы, гы, хы > ки, ги, хи.

Целесообразно начать с анализа понятия маркированности. В неявном виде оно содержится уже у Дж. Ципфа. Последний предложил свою теорию частотного распределения фонем, согласно которой частотность фонемы в тексте тем выше, чем проще реализация этой фонемы. Н.С. Трубецкой привел ряд аргументов против такого понимания и переформулировал соответствующую закономерность в фонологическом духе. При этом артикуляционное понятие "простоты" было заменено на функциональное "немаркированность", характер же зависимости между частотностью и природой фонемы остался прежним. Poleмику Н.С. Трубецкого с Дж. Ципфом см. в [2, с. 291–294]. В общем виде фонологическая форма закона Ципфа могла бы быть такой: "Частотность фонемы в тексте тем выше, чем в большее количество оппозиций она вступает в качестве немаркированного члена" (формулировка Н.С. Трубецкого на с. 292 указанной работы носит более частный характер). Существенно, что Н.С. Трубецкой не отвергает закона Ципфа, а лишь переводит его с

языка физиологии на язык фонологии.

Замечания Трубецкого по поводу двусмысленности понятия "простота" в применении к артикуляционным явлениям совершенно справедливы. И все-таки в одном отношении формула, предложенная классиком фонологии, терлет при сравнении с исходной формулой Ципфа. У последнего закон не только указывает на связь явлений, но и содержит в самом себе собственное объяснение: естественно полагать, что сложное в речи будет встречаться реже, чем простое. С заменой понятий "простота/сложность" на понятия "немаркированность/маркированность" самоочевидность закономерности пропадает.

Это не единственная причина, по которой маркированность в смысле Трубецкого не была безоговорочно принята другими фонологами. Из "Основ фонологии" следует, что маркированность нельзя определить по самой фонеме. Маркированный член оппозиции определяется по функционированию оппозиции в положении нейтрализации - из двух членов здесь выступает немаркированный¹. Но во многих языках возможность нейтрализации фонологических противопоставлений весьма ограничена - например, в древнерусском. Вряд ли можно сомневаться, что в таких языках системный характер фонетики сохраняется. Подсчеты показывают, что действует в них и закон Ципфа.

Таким образом, отношение маркированности в смысле Трубецкого не универсально и не объясняет всех случаев действия закона Ципфа.

Из таких или подобных соображений исходил Р.Якобсон в поисках новых объективных критериев определения маркированности. В работе [3] им было намечено новое понимание маркированности, опирающееся на предполагаемые универсальные закономерности языка. Исходя из мысли о единстве филогенеза и онтогенеза, Р. Якобсон предложил устанавливать маркированность по коррелирующим показателям порядка появления фонем в детской речи, порядка их утраты при развитии афатических синдромов и количеству языков, в которых фонема зафиксирована. По Якобсону, немаркированные фонемы раньше появляются в онтогенезе, позднее утрачиваются при афазиях и встречаются в большем количестве языков, чем маркированные.

Эта концепция была принята в порождающей фонологии и в работах тбилисской школы фонологов. В последнем случае на основе подсчетов встречаемости фонем в различных языковых

---

¹ При условии, что нейтрализация не является контекстно обусловленной.

системах был сделан ряд нетривиальных выводов в области истории языка (см. работы Т.В. Гамкрелидзе [4, 5]; краткую библиографию можно найти в [6, с. 122-125]).

Маркированность по Якобсону может быть установлена для любой фонемы, поскольку не зависит от нейтрализуемости оппозиции. Она универсальна и в другом смысле: определяясь на практике по степени встречаемости в различных языках, эта характеристика одинакова для тождественных фонем в каждом из них. Поэтому она в некоторых случаях вступает в закономерное противоречие с маркированностью по Трубецкому, определяемой исключительно в рамках конкретной языковой системы. Воспользуемся примером из "Основ фонологии" [2, с. 293]. В лезгинском языке в послеударных слогах оппозиция смычных по придыхательности нейтрализуется в пользу придыхательного. Следовательно, придыхательный согласный здесь немаркирован в смысле Трубецкого. В системах большинства языков, напротив, непридыхательный представлен лучше, поэтому в смысле Якобсона немаркированным является он.

Как мы увидим далее, противоречие между идиоэтничной и универсальной маркировкой может быть использовано для объяснения интересующих нас фактов языковой эволюции.

Вернемся к славянскому материалу. Объясняя отверждение шипящих и [ц] в русском языке, В.В. Колесов трактует маркированность в духе Трубецкого. На этой основе ему удается объяснить характер и последовательность изменений. Сначала отвердевают [ш'] и [ж'], вступая в оппозитивные отношения с долгими шипящими [I, с. 158]. Такое понимание дает базу для относительной хронологии: утрата последними затвора должна была произойти раньше отвердения кратких. Затем оппозицию по твердости/мягкости составляют [ц] и [ч']². Это произошло позже, потому что признак, различающий данные фонемы (место образования), поддерживался другими оппозициями. Для его элиминации - имеется в виду, конечно, фонологическая элиминация - потребовалось больше времени. Наконец, утрачивают мягкость в диалектах долгие шипящие - для этого им было необходимо распасться синтагматически на две фонемы.

Почему мягкость заменилась на твердость у непарных по этому признаку фонем, станет понятно, если несколько обобщить закон Ципфа. Допустим, что градация по частотности свя-

² Отметим, что сохранение [ч'] в цокалских говорах связано с иным, чем в общерусской системе, проявлением категории твердости/мягкости.

зывает не только отдельные фонемы, но и коррелятивные ряды. Тогда немаркированность твердости в целом должна вызывать перемаркировку и у непарных по данному признаку фонем. Можно показать, что закон Циффа в этом виде определяет судьбу шипящих и [ц] во всех славянских языках.

По отражению исконной непарной мягкости современные славянские языки делятся на три группы, соответствующие определенным географическим зонам. Южную зону составляют словенский, сербохорватский и македонский, в которых отвердели все интересующие нас согласные, кроме схв. *č, ě*, мак. *k, ě*, которые образовали пары по твердости/мягкости с соответствующими твердыми. К этой зоне примыкает болгарский, где [ш] и [ж] сохранили мягкость (что, впрочем, не признается болгарскими языковедами). Аналогичную картину наблюдаем в северной зоне. Положение в русском языке освещено выше. В белорусском и польском, в отличие от русского, [*š'č'*], [*ž'd'ž'*] не утратили затвора, не могли поэтому вступить в коррелятивные отношения с краткими шипящими и последовательно утратили мягкость. Пара [с] - [с'] в польском языке не могла образоваться из-за наличия звонкого коррелята для [с] - [dʒ], влиявшего, несомненно, на фонологические отношения в этом участке консонантизма. Неясным остается, почему в белорусском языке, где не было подобного препятствия, [ц] и [ч] также не вошли в корреляцию по твердости/мягкости. В итоге все исконные непарно мягкие в этих языках отвердели. К северной зоне примыкает украинский язык. В нем объяснима остаточная мягкость [ц'] - как и в русском, данный звук составил пару с [ч], но с обратным распределением значений ДП: в русском [ц - ч'], в украинском [ц' - ч]. Главной особенностью украинского языка в интересующем нас отношении является устойчивое - в отличие от русского - сохранение мягкости долгими шипящими.

В третьей, промежуточной зоне находим лужицкие, чешский и словацкий языки. В каждом из них имеется не менее двух фонем, сохранение мягкости которыми необъяснимо возникновением вторичных коррелятивных отношений по твердости/мягкости. Очевидно, что болгарский и украинский языки демонстрируют в ослабленной форме черты, характерные для данной зоны (см. выше).

Такое географическое распределение естественно связывается с отношением разных славянских языков к вторичному смягчению подумягких.

В южной зоне, как известно, вторичного смягчения не происходило. Напротив, полумягкие совпадали с твердыми. Это резко увеличивало частотность твердых, маркировка по Трубецкому принимала направление, совпадающее с универсальной маркировкой по Якобсону: твердый — немаркированный, мягкий — маркированный. Поэтому отверждение в соответствующих языках происходило быстро и последовательно.

Сложнее обстояло дело там, где вторичное смягчение полумягких имело место. Совпадение полумягких и мягких привело к преобладанию мягкости в тексте над твердостью. Возникло противоречие между универсальной маркированностью и идиотичной маркированностью, в соответствующих языках маркированными по Трубецкому оказались твердые. Возникла борьба двух тенденций, конечным итогом которой явилась победа универсальной маркировки. Различные процессы отверждения согласных снова привели к преобладанию в речи твердых и смене марки по Трубецкому. Но в разных языках это происходило за счет разных согласных звуков.

В языках северной зоны, как известно, почти все вторично смягченные сохранили данное качество. Перемаркировка поэтому осуществлялась за счет исконно мягких, и, как мы видели, тенденция к отверждению шипящих и [ц] в языках северной зоны была почти столь же сильной, как и в языках без вторичного смягчения.

В отличие от этого в зоне, которая ранее была названа промежуточной, многие вторично смягченные согласные снова пережили отверждение. Аналогичные процессы происходили в украинском и болгарском языках. Существует, правда, и другая точка зрения, согласно которой в соответствующих языках с самого начала вторичное смягчение затрагивало лишь определенные согласные или определенные позиции. Для нашей темы это, однако, несущественно. В любом случае в языках данной группы потребность в перемаркировке удовлетворялась в основном за счет тех согласных, которым в северных славянских языках соответствуют согласные вторичного смягчения. Именно по этой причине тенденция к отверждению исконно непарно мягких в промежуточной зоне не была последовательной.

Итак, славянские языки не демонстрируют существенных фактов, которые противоречили бы в области шипящих и [ц] закону Ципфа в его обобщенной формулировке. Это позволяет поставить вопрос о причинно-следственных отношениях между законом Ципфа и маркированностью по Трубецкому. Н.С. Тру-

бецкой считал маркированность в этой паре исходной величиной, а закон Ципфа производил от нее через явление нейтрализации (в сильной позиции выступают оба члена оппозиции, а в нейтрализующей – только немаркированный, поэтому частотность немаркированного выше). Выше мы отметили два слабых места концепции Н.С. Трубецкого – невозможность определения маркированности при отсутствии нейтрализаций и отсутствие естественного объяснения закона Ципфа. Обе эти слабости будут устранены, если закон, связывающий частотность и природу фонем, будет принят за исходное, а направление маркированности – за производное явление.

Действительно, по частотности можно определять маркированность для любой пары фонем любого языка, независимо от наличия/отсутствия нейтрализации. Достаточно иметь результаты соответствующих подсчетов. С другой стороны, в формулу Ципфа можно вернуть понятия простоты и сложности, рассматривая их не в артикуляционном, а в фонологическом плане. В такой трактовке наиболее сложной – соответственно редкой – окажется фонема, имеющая в матрице идентификации максимальное количество "плюсов".

Мы полагаем, что при усвоении языка совершается подсознательная работа по сравнительной оценке частоты встречаемости отдельных фонем и противопоставленных значений дифференциальных признаков. При этом в формирующемся механизме распознавания речи более редкому значению ДП присваивается "плюс" – знак маркировки. Такой порядок объясним, если теоретический плюс имеет в качестве реального коррелята энергетический импульс. Живому организму не должен быть безразличен суммарный уровень затраты энергии на распознавание речи.

В такой трактовке маркированность по Трубецкому принимает рациональные очертания. Реальность исходной закономерности, обнаруженной Дж. Ципфом, подтверждается, как мы видели, диахроническим материалом.

Вместе с тем нет оснований отказываться от понятия универсальной маркированности (по Якобсону). Если первый вид фонологической марки связан с механизмом распознавания речи, то второй обязан, по-видимому, своим существованием экономии при порождении фонетического компонента речи. Иначе говоря, он имеет артикуляционную природу. Универсальный характер этого вида маркированности может быть поставлен в связь с данными современной биологии о генетической обусловленности

деталей строения речевого аппарата [7].

Принимая как реальность оба вида фонологической маркированности, мы можем объяснить ряд процессов в славянских языках, оставшихся непонятными с иной точки зрения. Известно, что непосредственно после падения редуцированных в тех языках, которые мы выше отнесли к северной зоне (= языки с последовательным вторичным смягчением), имели место процессы смягчения некоторых согласных. Кроме указанного выше изменения в сочетаниях кы, гы, хы, сюда относится приобретение бывшими твердыми ассимилятивной мягкости под влиянием соседних согласных. Как можно объяснить эти изменения?

Если верен тезис о борьбе двух видов маркировки в языках со вторичным смягчением, данные процессы являются следствием влияния маркированности по Трубецкому. Для того чтобы универсальная маркированность победила, требовалось известное время. В этот хронологический зазор и "проскочили" названные смягчения. После отвердения шипящих и [ц] суммарная частотность твердых в системе возросла и превысила частотность мягких. Это привело идиозначную маркировку в соответствие с универсальной. Ассимилятивное смягчение прекратилось. В современном русском языке, как известно, активно идет обратный процесс - утрата ассимилятивной мягкости, необъяснимая с точки зрения чистой фонетики. В фонологическом аспекте дело обстоит следующим образом: соответствующие позиции остаются позициями нейтрализации [8, с. 241-242]; твердый член противопоставления в современном языке немаркирован в обоих смыслах; следовательно, нейтрализация из контекстно обусловленной превращается в позиционно обусловленную.

Литература

1. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
3. Якобсон Р. О детском языке, афазии и всеобщих звуковых законах. - In: "Selected Writings", I. 's-Gravenhage.
4. Гамкрелидзе Т.В. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе. - Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: Предварительные публикации. М., 1974, вып. 32.

5. Его же. Маркированность в фонологии и типология фонологических систем. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 62–99.
6. Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
7. Мажкьясик В. Наследственные признаки человека. М., 1976.
8. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.

О г л а в л е н и е

1. И.Б.Долинина. Об особенностях полиреференциальных категорий (явление переходности/непереходности..	3
2. И.П.Кильмоя. О межуровневых связях функционирования языка (на материале кратнo-соотносительных конструкций в современном русском языке).....	20
3. Н.А.Луценко. Смысловая структура наклонения и употребление наклонений в русском языке	30
4. Р.М.Теремова. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке....	47
5. Е.Н.Ремчукова. Структурно-семантическая зона "сложное действие" в современном русском языке..	62
6. Т.Г.Акимова. Конкретно-процессное значение несовершенного вида в русском языке при отрицании.....	76
7. Э.А.Вайгла. Опыт исследования русско-эстонской идиоматичности несвободных глагольно-именных сочетаний (на материале) сочетаний с глаголом <u>давать</u> и с его эстонским соответствием <u>andma</u>)..	92
8. М.А.Шелякин. Опыт семантического описания творительного падежа русского языка	108
9. Н.А.Казавчинская. О состоянии изучения функций кратких и полных форм имен прилагательных в позиции предиката	120
Ю.Б.С.Кудрявцев. Два смысла понятия "маркированность",	129